

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДМИТРИЯ БУРАГО

РАФАЭЛЬ ЛЕВЧИН

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ
и другие идиллии

Издательский Дом Дмитрия Бураго
Киев – 2005

УДК 821.161.1-3
ББК 84.4РОС-4
Л 38

Рафаэль Левчин
Л 38 ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ и другие идиллии. –
К.: Издательский Дом Дмитрия Бугаго, 2005. – 232 с.

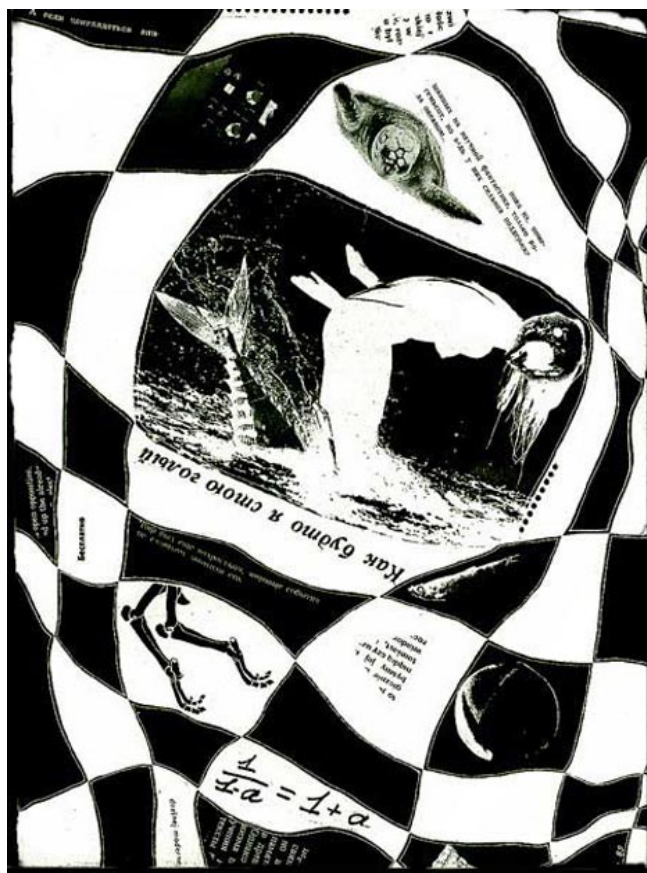
ISBN 966-8188-33-0

В названии сборника не случайно употреблено слово «идиллии». И «Окончательный текст», который, как и империя, всё никак не может окончиться, и «Ежатник» (первый вариант коего был написан двадцать с лишним лет назад, в начале так называемой перестройки – за которой, как и предполагалось, последовала перестрелка, – а прочитан был впервые в клубе любителей фантастики, где председательствовал человек, бравировавший своим сотрудничеством с «конторой» и подсказавший автору некоторые детали), и завершённый уже в эмиграции «Уроборос–2», где странное встречается с ещё более странным, – всё это, несомненно, идиллии. Трогательные, нелепые, обречённые и необходимые, как все идиллии нашего мира – может быть, действительно лучшего из миров...

УДК 821.161.1-3
ББК 84.4РОС-4

ISBN 966-8188-33-0

© Рафаэль Левчин, все права
сохранены за автором, 2005
© Рафаэль Левчин, оформление
и суперобложка, 2005
© Эльвина Зельцман, фото, 2005
© Игорь Лощилов, послесловие, 2005
© «Издательский Дом Дмитрия
Бугаго», 2005

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ

(в соавторстве с АННОЙ ГЛАЗОВОЙ)

1.

Знакомясь со мной, он скромно протянул руку и негромко отрекомендовался:

– Король Артур!

Я только плечами пожал (мысленно); однако вскоре выяснилось, что «Артур» – его имя, а «Король» – фамилия. Бывает, в конце концов.

Весь вечер он исправно пил кофе, разглядывал мои книги и помалкивал. Поскольку было кому разговаривать и без него, я, что называется, не беспокоился, а на следующий день и вовсе о нём забыл.

Однако он напомнил. Позвонил и сообщил, что у него тут случайно оказалась одна старинная книга, так, может, я заинтересуюсь... Когда он уточнил, какая именно, у меня ноги подогнулись. Я и не надеялся когда-нибудь увидеть такое сокровище своими глазами.

А он мне её подарил, и это был не просто широкий жест. Видно было, как его огорчило то, что я заговорил о деньгах. И то сказать, мне пришлось бы продаться в рабство, чтобы купить одну страничку этой книги.

Надо ли пояснять, что после этого мы стали друзьями, если только в данном случае можно употребить это слово... Обнаружилось, что в тех редких случаях, когда он открывает рот, послушать его стоит. Помимо своей основной специальности – физико-химии, – он знал очень мно-

гое о лингвистике, истории войн, магии, гностицизме – довольно неожиданный набор. И вот однажды он, как бы меж-ду прочим, спросил, что я думаю о природе времени.

После того, как я весьма путано пересказал всё, что знал, читал и слышал, в том числе и модную теорию о дискретно-извилистом времени, он чуть заметно улыбнулся и вкратце изложил концепцию времени-вещества.

Выходило у него занятно. Время – это, оказывается, газообразное вещество, в состав которого входит, в частности, кислород. Вдыхая, человек впускает время в свой организм, и оно вступает там в разнообразные химические реакции; умирает же человек, «выдышав» всё отпущенное его организму время...

На этом месте я прервал его и посоветовал морочить голову кому-нибудь другому: я хоть и не физико-химик, но ещё в школе проходил, что кислород входит в состав воздуха... ну, атмосферы... а никакого не времени.

Он посмотрел на меня с мягким сожалением. Так, вероятно, смотрел Галилей на туповатого инквизитора, неспособного представить себе что-то иное, кроме уютной птолемеевской системы.

– Хорошо, можно назвать и атмосферой, если вам так привычнее. Не в названии, в конце концов, дело, можно и эфиром, как когда-то... Главное в другом. Видите ли, нашей лаборатории удалось создать аналог времени... даже два...

И он, покопавшись в нагрудном кармане куртки, извлёк два пузырька (во времена моего детства такие называли пенициллиновыми), заполненных серым порошком, с красными этикетками. На одной этикетке стояла чёрная буква «Х», на другой – две буквы, «ИХ».

– Хронин и изохронин, – расшифровал Артур. – Если принять внутрь первый, то, в зависимости от дозы, можно

отправиться в прошлое на секунды, минуты, часы, дни, месяцы, годы и даже века. Приняв второй, можно вернуться...

– Что значит «можно»? А можно и не вернуться?

– Это сложный вопрос... Ну, в общем, да. Есть уже «невозвращенцы»...

– Что-что? То есть уже... пробовали?..

– Пробовали, а как же. Первый опыт, как водится, поставили на собаке. На глаз ничего не было заметно, но киносъёмка показала исчезновение животного на тысячную долю секунды... Вот тогда впервые зашёл разговор о создании на базе нашей лаборатории нового института... А мы – мы уже начали «нырять»... Ну да, мы это так называли. Кто бы смог удержаться? Да-да, та книга – тоже, да что книга... Вот прочтите-ка...

И он вынул из кармана сложенный вчетверо, мятый и потёртый на сгибах листок из тетрадки в клеточку, испитый чётким школьным почерком. Текст помню наизусть:

«...пока Филипп сипел и щёлкал что-то приветственное, а низкорослый, производивший впечатление тугодума Александр держался за меч, как бы прикидывая, кого первого порешить, мы с шефом так разорались друг на друга, что вошедший на шум Почтальон был вынужден меня слегка стукнуть.

– Спасение одной человеческой жизни стоит того, чтобы рискнуть тысячей жизней! – заявил шеф, давно и безуспешно претендовавший на репутацию парадоксалиста.

И мы с обоими Македонскими отправились в путь. Тишина стояла, как жара в африканской пустыне. Филипп продолжал бормотать, и вскорости я обнаружил, что вроде бы его понимаю:

«...ЭЛЛИНОВ ПОКОРИТЬ – ВОТ ЭТО НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО... ПОБЕДИТЬ БЕОТИЙЦЕВ, ФОКЕЙЦЕВ,

АФИНИЯН, АРКАДСКУЮ ТЯЖЕЛОВООРУЖЁННУЮ ПЕХОТУ, ФЕССАЛИЙСКУЮ КОННИЦУ, ЭЛЕЙСКИХ МЕТАТЕЛЕЙ ДРОТИКОВ, МАНТИНЕЙСКОЕ ЩИТОНОСНОЕ ВОЙСКО, РАЗБИТЬ ФРАКИЙЦЕВ, ИЛЛИРИЙЦЕВ – ЭТО ВСЁ БОЛЬШИЕ ПОДВИГИ...».

Что-то происходило с Александром. Контуры его тела становились размытыми, как в нагретом воздухе, на глазах теряли чёткость. Вероятно, так же выглядел и я. И тогда я понял, что время, при соответствующем с ним обращении, может набиться в уши и в ноздри, стать густым и вязким, как асфальт летом, может пригнуть к земле и убить...».

2.

Пламя уже перекинулось на соседний дом.

– Зазря насос волокли! – прокомментировал Виталий.

– А ну, заткнись и раздевайся! – оборвал его Грат. – Полезешь вовнутрь, проверишь, не остались ли где люди. И пошевеливайся, задохлик!

– Девушек просят не смотреть! – попытался пошутить Виталий, сбрасывая рубаху, и полез в окно, прикрываясь пропитанным водой мешком.

– Было б там на что смотреть! – буркнул Грат.

– Зачем ты его послал? – спросил я. – Он же новичок, наверняка погибнет!

– Погибнет – ты полезешь! Чем языком молоть, проверь-ка ещё раз своих крючников. Как только парень вернётся, начнёте.

– Он не вернётся.

– Не каркай!

Тонкие плитки облицовки с треском отлетали. Горел весь фасад, окна ещё недолго могли оставаться доступными.

– Я пошёл! – бросил я Грату.

Лестница тоже уже занялась. Кроя последними словами и Грата, и Виталия, и себя, и всю эту идиотскую пожарную команду, я влез в окно. Мальчишка стоял на четвереньках, нелепо поматывая головой. Конечно, не умея экономить дыхание, он сразу наглотался дыма и впал в полубморочное состояние. Я схватил его в охапку и потащил к окну. Балки потолка готовились обрушиться, и не имело смысла выяснять, есть ли люди в соседних комнатах, потолки которых уже наверняка рухнули.

Лестницы уже не было вовсе, и я просто швырнул Виталия вниз, на расстеленные тюфяки, и сам прыгнул следом, радуясь, что всего второй этаж.

Теперь в дело могли вступить крючники. Горящие дома следовало разрушить до основания, растащить, чтобы огонь не пошёл дальше, затоптать мельчайшие искорки, надышаться при этом дымом... Словом, очень много возни. Несколько человек получили серьёзные ожоги. Краем глаза я время от времени замечал, что Виталий старается держаться поблизости от меня.

– Ну что? – обронил в его сторону Грат, когда мы вернулись в караулку. – Сомлел? А у нас вот так каждый раз...

– Боевое крещение! – заорал Двухголовый, только что с руганью отмачивавший повязку от раны во лбу, полученной ещё на прошлом пожаре и давшей ему это прозвище. – Эй, малой, с тебя, того, причитается!

– А пошли! – воспрянул духом Виталий. – Прямо сейчас!

Желающих выпить набралось немало, в том числе и Грат.

– А ты... как, пойдёшь? – Виталий искательно глянул на меня.

– В другой раз, малыш! Я устал до полного помрачения и ложусь спать...

Ещё несколько человек, измотанных не меньше моего, укладывались кто на лавки, кто на пол у стен, подстелив тюфяки. Только дежурный факельщик остался сидеть у стола, что-то выпарапывая ножом на столешнице.

Я улёгся, попытался устроиться поудобнее. Почти на уровне моих глаз виднелась корявая надпись: **«...в консульство Ацеррония и Гая Понтия... дежурный Виндекс... всё благополучно...»**.

Глядя, уже в полусне, на эту надпись, я снова ощутил себя занесшим ногу на лестнице в темноте. Это сильное, знакомое ощущение двойственности, ненастоящести, кукольности было не внове, оно владело мною, иногда ослабевая, с первого дня в Городе.

Всё было так, как и ожидал – и всё было не таким!

Представления мимов, без всяких видимых причин переходившие в кровавые драки...

А еда... как меняется её вкус, когда ни секунды не чувствуешь себя в безопасности! К этому я, пожалуй, никогда не привыкну...

А рынок рабынь!

Девчонки, самой старшей из которых было не больше семнадцати, стоя голыми на помосте, как будто не испытывали ни стыда, ни страха, ни вообще хотя бы малейшего неудобства. Во всяком случае, виду не подавали; наоборот, перекликались и пересмеивались с покупателями, охотно и с вызовом выполняли требования повернуться, пройтись, наклониться, присесть... А когда торг закончился, две непроданных – самые некрасивые – были тут же убиты. Я и рта не успел раскрыть, а уже хлестала кровь из рассеченных тел!

Мне тут же объяснили, что хозяин – очень и очень рискованный парень, потому что человеческие жертвоприношения давно вне закона, тем более такие; но он верит, что его дела идут хорошо до тех пор, пока он чтит Великую Матерь

по старинке, как отец и дед, без всякой там новомодной символики...

М-да...

«Всё благополучно...».

В этом времени я мечтал пожить хотя бы месяц. Пьесу писал...

Вот уж действительно, самое страшное в наших желаниях то, что они рано или поздно сбываются!..

3.

Конечно, никакого перехода я не заметил. Мелькнуло только смутное ощущение себя плоской, как будто из бумаги вырезанной фигуркой, которую кто-то вклеил в яркий слайд. Потом слайд задвигался, ударил в нос запахами жареного, затхлого и кисло-терпкого, в уши воплями; вокруг были дома, камни, кучи мусора, и я знал, что это Город. Стена, которую я чувствовал плечом, была шершавой и тёплой. Я оттолкнулся от неё и шагнул. Потом ещё и ещё, точно делая на пробу что-то давно забытое.

Кольнуло подошву правой ступни – в сандалию попал камешек. Я тряхнул ногой, освобождаясь от него, и вдруг понял, что *думаю на латыни!* Само собой, так и должно было быть, но...

Я приткнулся к ближайшему столбу и не сразу восстановил дыхание. Какая-то сладкая парочка приняла меня за пьяного и остановилась напротив позубоскалить. Они тоже были частью мира, в котором мне предстояло отныне жить и завоёвывать себе место. Я шагнул к ним и выдал несколько витиеватых оборотов, смысл которых мне и самому остался не вполне ясен. Но, судя по физиономиям юнца и девицы, необходимый результат был достигнут – они уважали меня крупно и сразу.

А ведь на родном языке я бы ни за что не позволил себе выругаться при женщине...

Не удостаивая их более вниманием, я двинулся в нужном мне направлении.

Хотя направления такого не существовало.

Я никого не знал здесь, я был чужим Городу, и предвкушение опасности – новое для меня ощущение – нежно щекотало где-то в носоглотке, как газировка.

Я находился в Риме, которым правил Гай Цезарь Калигула, человек, при жизни объявивший себя богом и вошедший в историю безумием жестокости.

И я – много веков тому вперёд, в иной, совсем иной жизни – писал о нём пьесу, мечтая переплюнуть тех, знаменитых, кто писал о нём до меня, и пытаюсь интерпретировать образ Калигулы как Ореста, чьё мщение и безумие затянулись на целую жизнь, как Гамлета, победившего ценой утраты себя – ведь принц Датский может оставаться Гамлетом лишь при условии гибели сразу вслед за актом возмездия, иначе он становится королём Дании. Тогда сразу в корне меняется смысл его реплики: «Нет в Датском королевстве подлеца, который не был бы отъявленнейшим плутом!» – это уже не эпатаж бунтаря, но подозрительность властителя. Перво-наперво ему необходимо убрать всех сторонников Клавдия. Но всех сразу уничтожить физически невозможно. Дальнейшее – просто: подозрения, доносы, аресты, пытки, казни, ненависть, страх, невинно осуждённые, предатели, мстители... И вот уже новый принц свергает короля, садится на его трон, и – всё сначала.

Бедный Гамлет!

Бедный Гай...

Сворачивая в очередную кривую и тесную улочку, я снова и снова перебирал в памяти все те смутные, а порой и чётко-неожиданные мысли. Сначала меня увлекла идея:

«Гамлет» – переработка иной пьесы, «Орестеи»... Помню, я ещё удивился, как же раньше до этого никто не додумался, ведь герои пьес явно дублируют друг друга: Орест – Гамлет, Агамемнон – Гамлет-старший, Эгист – Клавдий, Клитемнестра – Гертруда, Электра... вот тут я застрял: Офелия? То, что их образы тоже как-то связаны, сомнению не подлежало. Недаром же Гамлет говорит: «Я любил её, как сорок тысяч братьев любить не могут...».

Брат...

Офелия не может не быть *сестрой*, но она уже не сестра главного героя.

Почему? Хотел ли Шекспир облагородить отношения Ореста и Электры, явно далеко выходящие за пределы отношений брата и сестры?

Орест – человек дохристианской бестрепетности, и для него убийство матери, кровосмешение – нормальны?

Нет, конечно. Ведь Эриннии – это персонифицированные угрозы совести. «Дохристианская бестрепетность» – чужь. Но...

Как и «Гамлет», «Орестея» возникла не на голом месте. Миф о доме Атридов тоже имел протомиф...

Не – или, во всяком случае, не только – испытание победой и властью делает рыцаря без страха и упрёка зверем без светлого пятнышка. Уже сам момент, когда надо переломить себя и сказать: «БЫТЬ!», таит в себе возможность возвращения к «бестрепетности».

Возможность расчеловечивания.

Стоит только убедить себя, что цель не может не оправдывать средства...

Тогда-то, кажется, я пришёл к мысли, которую уже позже, перед самым перемещением, сформулировал так: «Прошлое не умирает, потому что будущее постоянно составляет ему людей...».

Гай...

Как стал он бессмысленным тёмным облаком, несущим смерть?

Версию о врождённой патологии я отбросил сразу – ненормальный не сможет долгие годы прикидываться преданным рабом и любящим внуком. Тем более, помня о гибели всех своих близких...

Правда, можно ведь сдвинуться и на этой почве. Отец – отравлен, мать и братья – уморены голодом, сёстры – «все-го лишь» насильно выданы замуж, а сам Гай в девятнадцать лет вызван императором на Капри. Присутствует при пытках и казнях. Безропотно сносит все издевательства и провокации.

Да, но однажды он вошёл в спальню Тиберия с кинжалом в руке. Император спал или притворялся спящим. Гай бросил клинок и вышел (точно такой же эпизод есть в «Гамлете», только там король не спит, а молится).

Вскоре он подложил Тиберию медленный яд (правда ли это?).

Тиберия уже считали мёртвым, Гай уже снял с его руки кольцо – знак власти, – когда старик очнулся...

По одним источникам, Калигула приказал задушить его. По другим – задушил собственноручно...

Почему Тиберий вообще оставил его в живых?..

Первый вариант пьесы писался без единой помарочки. Когда я показал ей...

Что бы я сделал, если б знал заранее, куда приведёт эта тема? Бросил бы?..

Кто-то тронул меня за плечо:

– Новенький?

Вопрос был задан не на латыни. Я понимал этот язык, но не мог вспомнить.

– Новенький, – сам себе уверенно ответил незнакомец. – Пошли!

– Куда? – по-латыни спросил я.
Незнакомец усмехнулся и тоже перешёл на латынь:
– К нашим, ясное дело, куда ж ещё? Курева не привёз?
– Что?
– Тьфу ты! Курева, говорю!.. Ты из какого века?
– Хм... а что?
– Да ничего, для общего развития! Не хочешь, не говори! Ещё будешь за руки хватать и умолять, чтоб выслушали! Все новички сперва запираются, будто их кто в шпионаже подозревает, умора! За что к нам, конечно, тоже не скажешь?

– За спрос, – без запинки отвечал я. – Кто спросит, тому в нос!

– Ишь ты... наблатыканный! – протянул мой самозванный спутник со странной смесью уважения и презрения. – Сюда заворачивай!

Дом, к которому мы подошли, был таким же невзрачным и обшарпанным, как и все окружающие дома.

– Что, странно? – мой спутник не переставал скалить зубы.

– Что странно?

– Да брось ты придуриваться! Нашёл кому лапшу на уши вешать! Всем сперва странно! Все думают: у-у, Рим! Колонны, пилоны, пантеоны... Являются – ни хрена подобного! Посёлок какой-то городского типа вроде Цюрипинска! Так, что ли?

Я пожал плечами. Мне всё больше не нравился этот странноватый тип.

Мы вошли в... я вспомнил слово – атриум (вообще слова всплывали в памяти как бы сами собой, и уже казалось, что я всегда знал, что это – атриум, а маленький бассейн посредине – имплювиум...). При нашем появлении разбежались какие-то серые фигуры, резко выделявшиеся на фоне мозаичного пола.

– Сюда! – и снова эта ухмылка.

Я шагнул в триклиниум, неожиданно огромный и весь какой-то золочёный. Но оглядеться мне не дали.

От стены ко мне с истерическим воплем метнулся человек.

Мой спутник быстро ткнул его указательным пальцем, как мне показалось, в рот. Человек рухнул пустым мешком.

– Не бери в голову, – махнул рукой мой провожатый, и тут я заметил, что на руке этой только три пальца, и те без ногтей. – Это псих, он всех так встречает. Теория у него, видишь ли, что, мол, каждый присланный сюда замещается высланным отсюда. И как раз недавно его сын... ну, словом...

– Ого, никак у нас новенький! – бодро провозгласил голос, явно принадлежавший человеку, который всё обо всех знает. Такие люди всегда улыбаются, доброжелательно и чуть снисходительно. Даже спят с улыбкой на устах, уверенные, что информация – это власть.

Улыбался и этот. Ему было за пятьдесят, и он носил тогу с большим достоинством. Не то что я. Кроме него, в зал вошли ещё человек семь (откуда – я так и не понял, ведь дверь была как будто одна, и я стоял на её пороге). Среди них были две женщины.

Одна из них, красивая, но какая-то полусонная, подошла ко мне и, обращаясь к моему спутнику, сказала:

– Что ж, пожалуй, возьму его себе.

– А что, моего согласия не требуется? – поинтересовался я.

Все дружно заржали, как будто я поделился с ними свежим и не очень приличным анекдотом.

– Не обижайся, – сказала женщина и, прикрыв глаза, погладила меня по щеке, – не всё сразу...

На ней была полупрозрачная туника.

За стеной, совсем близко, раздался крик – детский. А может, девичий. Крик перешёл в хрип, потом затих. Никто из окружающих, конечно, и ухом не повёл, как будто вот такие отчаянные, душераздирающие вопли были здесь самым обычным делом. Вообще всё это начало напоминать мне какой-то третьесортный боевик из древнеримской жизни.

– Голоден? – спросила женщина, явно не интересуясь моим ответом. Я промолчал.

– Смешной! – сказала она и, окончательно закрыв глаза, шагнула ко мне. Я отстранился. Она сделала ещё шаг, не открывая глаз. Прошла в атриум. И опустилась в бассейн.

– И я хочу искупаться! – завопил кто-то. Сразу несколько человек бросились мимо меня к имплювиуму...

4.

Первый вариант пьесы писался без единой помарочки. Наслаждаясь своей иллюзорной властью над временем, я повернул его в пьесе задом наперёд. В первой сцене героя убивали, во второй он возлежал на пиру и говорил о событиях, которые происходили в третьей сцене... и так далее. Я тогда не понимал даже того, что время, повёрнутое задом наперёд, всё равно остаётся линейным временем. Тем более я не понимал, что время, даже будучи цикличным, всё равно остаётся временем. И уж, конечно, я и подозревать не мог, что любые игры со временем рано или поздно притянут месть времени...

Когда я показал ей...

Она прочитала, не отрываясь. Потом сказала:

– Да, это хорошо написано.

– Правда? – расцвёл я.

– Правда, – сухова то подтвердила она. – Хочешь, я скажу тебе, почему твои пьесы не будут ни ставить, ни печатать? А если и будут, то никто не станет их ни смотреть, ни читать...

– Ну, почему?

– Для кого ты пишешь?

– Хм...

– Вот именно. Вот, начиная со списка действующих лиц... Первым идёт Гай Цезарь Калигула, император. Ладно, это главный герой. За ним следует Тиберий Клавдий Нерон Август, император, потом снова – Тиберий Клавдий Нерон Август, император, и ещё раз – он же... Ты думаешь, что вызовешь этим повышенный интерес, а на самом деле как раз...

– Подожди, ты же знаешь!..

– Да, я-то знаю, от тебя, что первый – это император Тиберий, приёмный дед Калигулы и его предшественник, истребивший всю их семью, второй – император Клавдий, дядя и преемник Калигулы, а третий – император Нерон, преемник Клавдия, племянник, а может, и сын Калигулы... Но читатель этого знать не обязан. И не обязан рыться в примечаниях...

– Но это же всё-таки пьеса! При постановке очень интересно было бы, если бы всех трёх императоров играл один и тот же актёр...

– И что? Ты хочешь сказать этим, что ничего не меняется со сменой императоров? И ради этого стоило огород городить? Вот в том-то и дело: читаешь и видишь – да, есть у человека и эрудиция, и талант, и словом владеет... а мудрости настоящей нет. Мудрость – это ведь не ум. Это...

– Ну-ну, дай определение.

– Злишься. И зря. Я же хочу... Я не знаю, чего я хочу. Помочь тебе всё равно не удастся... Вон у тебя дальше среди

действующих лиц – так, вот... «Кассий Херея, трибун преторианцев... Юлий Люпус, центурион...». Ага, вот – «Унфеликс, человек...». Этот философ задуман как близнец-антипод самого Калигулы, так?

– Ну да... ну вот, видишь, раз это понятно...

– Иначе говоря, это лицо от автора, верно?

– Верно.

– То есть лирический герой, да?

– Ну... можно сказать и так.

– В том-то и дело! Для тебя главное – твои чувства, ты сам. О себе самом в первую очередь ты и пишешь. И больше ни о ком. И ни о чём, что было бы интересно другим...

– Но тебе?..

– Ты ничего не понимаешь! Мне ты не чужой, мне интересно знать, что ты чувствуешь! Ещё нескольким людям, которым интересна твоя личность, интересны и твои пьесы. В них – твой мир. И не больше...

– Но ведь и не меньше?

– Но разве это так уж много? В них... понимаешь, претензия на философию, но как раз философии-то и нет. Ты ни за чем не видишь сути, да она тебя и не очень-то интересует. Когда читаешь, думаешь только о тебе – всё равно, про Калигулу ты пишешь или про археологов... А надо, чтобы каждый человек, читая, думал и о себе... Мудрость, понимаешь, это... – знание людей, того, что их разделяет и объединяет... вообще всего вокруг... А у тебя – только твой мир. Он – как тесно застроенный город. Он – как в тисках. Как во сне...

.....

Проснулся я от лёгкого прикосновения к моему лицу чьей-то ладони, и какие-то бесконечные доли секунды мне казалось, что это – её ладонь.

Наклонившись, надо мной стоял высокий человек в крылатом шлеме.

– Тсс! – приложил он руку к губам. – Вставай, выйдем!
Это я, Флавр...

– Ну, ты... тебя и не узнать в этом шлеме!

– Тише, разбудишь!

Я оглянулся. Дежурный факельщик заснул за столом.

Мы вышли. Ночь была по-летнему свирепо-звёздная.

– Что случилось? – спросил я.

– Мы давно не виделись, брат... – как-то невпопад ответил он.

– Давно... – я слегка успокоился: Флавр не начал бы с лирики, если бы стряслось что-то серьёзное.

Он сдвинул шлем на затылок. В свете фонаря и звёзд его лицо казалось неузнаваемым. А может, таким оно и стало – ведь раньше не было натёртой шлемом мозолистой шишки на переносице, тёмных кругов под глазами, этой нервной усмешки...

– Война... – прошептал он.

– Опять? На какой границе?

– Ты не понял. Настоящая война, общеимперского значения. Поголовная мобилизация всех, включая рабов. И уж само собой – нас, гладиаторов...

– По-моему, ты что-то путаешь...

– Я, брат мой, заруби себе это где-нибудь, не путаю ничего и никогда. Путал бы – давно б не по земле ходил, а под землёй лежал... Что такое «штрафные роты», знаешь? Ну вот, из нас и сформируют нечто в этом роде. Особые части... смертников, короче говоря. И бросят, будь уверен, в самое пекло. Да это-то чёрт с ним...

– Погоди! С кем война?

– Ага, наконец-то толковый вопрос! В том-то и дело! Представь себе, наше перемещение не... не прошло бесследно... Короче говоря, германцы наступают!

– Откуда наступают? – тупо спросил я.

– Откуда? Из своих германских лесов! Да-да, нашествие варваров началось на несколько веков раньше. И причиной этому – мы...

– Не может быть...

– О, ещё и как может! Но меня причины не особенно занимают. Вот следствия...

– Постой! Откуда это известно?

– Какая тебе разница?.. На границу спешно брошены крупные силы под командованием самого императора, ясно? Нет, что бы там ни говорили про этого подонка, он, похоже, не трус... – Флавр вдруг беззвучно рассмеялся. – Ты только представь, напаялил на себя доспехи Александра!

– Какого Александра?

– Да проснись же ты! Македонского, конечно. Из мавзолея в Александрии вытащил...

– У тебя такая точная информация...

– Да уж, на источники не жалуюсь! Так вот – крупные силы... Мы-то знаем, что если действительно варвары пошли на империю, то они сглотнут эти «крупные силы» и не чихнут. И на здоровье! Я как раз и хочу помочь им... по мере сил...

– Что ты такое говоришь?

– Эх, ты ещё слишком недавно здесь, братишка мой пожарнообязанный! Для тебя всё это – древняя история, сражения истлевших мертвецов, переживания зомби... Что, не так? Ты всё ещё никак не въедешь, что останешься здесь до конца... и конец этот может наступить очень даже скоро... Все мы так сперва... Врубись в такую простенькую штуку: время многовариантно, и если твой вариант плох – делай другой!

– Флавр, но ведь эта многовариантность... это как ванька-встанька! Любые колебания времени – затухающие. Оно всё равно возвращается к устойчивому равновесию. Если

бы и возник твой вариант с преждевременным вторжением, он был бы автоматически подавлен основным вариантом. Это... как глава, не вошедшая в окончательный текст книги. В лучшем случае могут сохраниться смутные воспоминания, следы... – я загнулся на полуслове. Странно, что я сразу не сообразил: именно в этом году должен был начаться так называемый «шутовской поход» Калигулы в Германию. Значит...

– Что, дошло, да? – насмешливо полюбопытствовал Флавр. – Ты, конечно, большой учёный, аж целых три недели перед перемещением готовился, да только я, уж извини, этим занимался, когда ты ещё ни о чём таком и не подозревал! И плевать мне, что не основной вариант. Я и в побочном много чего постараюсь успеть...

– Зачем? Что изменится? Бессмысленно...

– Ты!!! – он яростно ощерился. – Из молодых, да спелый! Уже и рассуждаешь, как этакий заправский квирит: кому выгодно?.. Что ты знаешь, ты?! Свободный, недавно здесь, ещё и по морде, небось, ни разу не схлопотал?! Ты вообще понимаешь, *что такое* это чудовище – империя?!! И откуда тебе известно, что именно этот текст, *именно этот* – окончательный? А? Откуда?!

– Флавр, я не... мне не за что любить империю... но ведь... ты же не всегда был гладиатором!.. В любом учебнике ты мог прочесть, что распад империи мало кого сделал счастливей... кто сидел на цепи, того на цепи и оставили, только прикрепили к другой стенке... ты думаешь, мало было таких, кто надеялся: вот сдохнет эта обожравшаяся гадина – и то-то жизнь начнётся!.. а началось...

– Де-ень гнее-еева! – просипел сорванный голосок, и в круг света, как огромная лягушка, выпрыгнуло раскоряченное существо.

– Кто это? – отрывисто спросил Флавр.

– Коммодиан, юродивый здешний. Раньше был поэтом. Подпал под закон об оскорблении величества: читая стихи, повернулся спиной к статуе императора и, стало быть, тем самым дал понять, что императора в число слушателей включать не желает... Уцелел, но в лицо ему лучше не смотри – обезображен страшно. Сошёл с ума от пыток. Теперь бегают и предсказывают всякие ужасы...

– А то их и так мало... – пробормотал Флавр, весь напрыгавшись.

– Беда, беда... лилейная беда, келейная... всехняя, всехняя, а богачам допреж. Ре-ежь!! – дурачок перекувыркнулся и выскочил из круга.

Флавр метнулся за ним в темноту. Ни звука не донеслось оттуда, и через несколько минут он вернулся, учащённо дыша.

– Ты... убил?!

– Естественно.

– Зачем?!!

– Знал бы ты, сколько шпиков под дурачков косит. Особенно из якобы «уцелевших»... Ни один – запомни! – просто так уцелеть не может!..

– А если он – нет?..

– А если – да?!

– Так, может, ты... и меня?..

– Если надо будет – и тебя!!

Руки его дёрнулись, но он тут же уронил их:

– Прости, брат. Прости. Походил бы ты с моё под ножом... Ты не предашь. Я знаю. Пойми, я не требую от тебя помощи, только прошу: сбереги Чашу. Ты ведь знаешь, *что* она для нас – верующих во Единого...

«Что он несёт?» – крутнулось в голове, а руки уже сложились, и я уже отвечал в тон:

– Сохраню, брат.

Флавр утрированно вскинул ладонь в салюте, прощаясь. Я повторил его жест, думая об одном: не проснулся бы факельщик...

5.

...Нас всех должны казнить. Нас человек восемь или девять, мы находимся в помещении, вовсе не похожем на тюрьму, тем более на тюрьму, переделанную из сточной цистерны, скорее это беседка в парке, очень зелёном и редком, далеко просматриваемся. Из всех товарищей по несчастью я запоминаю только одного. Это сдержанный, неопределённого возраста человек с гладко выбритым лицом. Нас не запирают, как будто даже не охраняют – но мы знаем, что где-то неподалеку стража есть. Силён соблазн попытаться бежать, но мы дали слово, что не сбежим – поэтому нас так вольно и держат. Мне томительно не хочется умирать, но я не бегу («я как все»). Нас куда-то водят, сопровождающий человек в штатском, белая рубашка, закатанные рукава, ничем среди нас не выделяется. Но он – начальник охраны, которой по-прежнему нет (не видно). На обратном пути я, улучив минуту, подхожу к нему и говорю негромко: «Мы слышали, на рубежах бои, из смертников набирают добровольцев. Мы согласны пойти». Хотя никто меня не уполномочил на подобное заявление. Человек в штатском выслушивает молча, не говоря ни «да», ни «нет». Непонятно даже, услышал ли он вообще. В беседке мы играем в шахматы, болтаем, читаем. Штатский тут же; кроме него, явился ещё один, видимо, крупный начальник: светлая клетчатая рубашка, трубка в зубах, очки, высокий. Их окружили, непринужденный разговор о пустяках, о еде. Мне страшно хочется подойти к клетчатому с той же просьбой, но как при всех?

То, что они с нами говорят так запросто (не ощущается никакого барьера), о мелочах, проявляют заботу – создаёт двойственное ощущение: как они могут, если нас убьют? может, всё же не убьют, раз они вот так? И всё время: подойти к ним! но как?

Назавтра – день казни. К нам приходит девушка Валя, которая принесла моему бритому (сдержанному) приятелю противогаз. Подходит к окну и сообщает: принесла, покажу, как складывать. Он вежливо отвечает: «Спасибо, Валуша, но нет необходимости: сегодня нас казнят». Она обходит беседку, входит в дверь со словами (громко, импульсивно): «Да что же это, неужели я уже и не могу показать вам, как противогаз складывать?!». Все тронуты, многие галантно протягивают ей свои сумки с противогазами, чтобы она научила складывать, хотя это уже никому не нужно. Её восклицание – протест против нашей гибели, и все это понимают.

Вечером нас ведут на казнь – всё по тому же парку. На этот раз видна и охрана. Они на порядочном расстоянии от нас, все в штатском, оружия ни на ком не видно. Если сейчас кинуться в глубь парка, то, может быть... Я толкаю идущего рядом Сдержанного, предлагаю – глазами – бежать. Он отрицательно качает головой. «Умирать только потому, что дали честное слово?» – яростно шепчу я. «Вот именно», – невозмутимо отвечает он. Мы сворачиваем в аллею, с двух сторон ограниченную забором. Отсюда бежать труднее. Я начинаю вынимать из брючных карманов (на мне светлые брюки) всё, что в них есть: бумажки, какой-то документ, поломанную кокарду, ещё бумажки (квитанции)... и выкидывать.

На дороге у нас ребяташки играют – из сломанных ножовочных полотен строят железную дорогу. Мы осторожно перешагиваем через неё. И вдруг Сдержанный нагибается, подбирает пузырёк тёмного стекла, из которого тор-

чат два обломка ножовочного полотна и несколько пилок от лобзика. И он на ходу самозабвенно начинает играть этой штукой, что-то перекладывать, как будто забыв, куда мы идём и зачем...

.....
Кто-то тормозил меня за плечо. Я открыл глаза, с трудом стряхивая остатки кошмара.

– Подъём, подъём, – нетерпеливо говорил Грат, уже отходя от меня к двери. На пороге он оглянулся:

– Не, больше никого не буди. Мне только ты один нужен. Пошли!

Утро ещё не определилось, с реки тянуло гнилью. Под портиком Помпея уныло прохаживались девицы в коротеньких плащах. Одна из них вертела в руках цветок. Когда я проходил мимо, она улыбнулась и кинула его мне.

Я выставил ладонь, чтобы поймать цветок на излёте, и ощутил болезненный укол. Ещё не понимая, в чём дело, сжал пальцы и охнул от боли.

К стеблю была прикреплена игла, и она вонзилась мне в ладонь. Девушка рассмеялась и бросилась бежать.

– Ну-ка, дай сюда! – Грат повертел иглу в пальцах. – Не, не похоже... Считай, пофартило – могла быть и отравлена! Другим разом сперва мозгой шевели, а уж после лапу тани куда не надо.

– Но за что? Что я ей сделал плохого?

– Перечислить? Ты идёшь уверенной походкой, ты сравнительно хорошо одет, ты не похож на голодного, на бездомного, тебе не надо торчать под портиком в эту сучью погоду... Что ты ей плохого сделал, говоришь? А хорошего?

Должно быть, у меня был более чем оторопелый вид. Я даже не подозревал, что он может использовать в своей речи такие правильные литературные обороты. И это было как-то связано с ночным визитом Флавра.

Грат усмехнулся – спрятался за своими великолепными челюстями:

– Пошли, чего стал?

Мы зашагали дальше. Грат принялся рассказывать, как ему когда-то уличный предсказатель-сириец предложил на выбор две судьбы: со счастливой молодостью и плохой старостью или наоборот. Ну, он сдуру, понятно, выбрал счастливую молодость и, точно, смолоду жил хорошо. Деньжата водились, жёнки были в разных городах, законные и всякие, два сына опять же, да такие крепыши, в него пошли... Потом не поладил с одним хмырём. Очень был неприятный тип... мудака, одно слово... Потом, ясное дело, тюряга, неудачный побег, галеры, второй побег – удачный, да только удача эта боком вышла: около Синуэссы схватили его прихвостни тамошнего богатея, и стал он рабом на мельнице, врагу не пожелаешь! А кому жаловаться? Повезло ещё – выбился в вольноотпущенники! Это для мельника – счастье небывалое и неслыханное. Теперь вот – старший пожарной команды. Вроде бы жить можно, но разве ж это жизнь? По сути, та же тюряга. Как вспомнишь... О сыновьях узнал случайно, что пошли в солдаты и пропали без вести где-то в Испании...

Я слушал вполуха, временами вообще отключаясь, поскольку знал всю эту одиссею наизусть. Грат не упускал случая рассказать её в любую свободную минуту, причём его ничуть не волновал постоянный состав слушателей. Ветераны в таких случаях вздыхали: «Щас опять заведёт про свою счастливую молодость!..». Правда, подвыпив, он расцвечивал фабулу довольно занимательными вставками, в которых наряду с людьми действовали вурдалаки, ведьмы, демоны, призраки и так далее. Но сейчас было раннее утро, он был почти трезв и почти не отклонялся от основной сюжетной линии, разве что дал другие имена сыновьям...

Мы шли уже мимо Торговой площади. Я никак не мог понять, куда же это мы направляемся.

Какой-то низкий купол замаячил впереди. Ещё несколько шагов, ещё шаг...

– Что это?!

– Где? А... Да варвар какой-то заезжий усыпальницу при жизни себе отгрохал. Денег, видать, девать было некогда... Да идём, чего ты стал, как вкопанный, чего в ней такого уж особенного?

Особенного...

Особенным было всё. Перекрытие-монолит на неповоротливых арках делало мавзолеей похожим на тяжёлую многоглазую черепаху, на танк высшей защиты и на голову в варварском шлеме. Ни среди домишек ближайших кварталов, ни на господствующем над этим районом Бычьем форуме не было ничего, хотя бы отдалённо ему соответствующего, и только видимый даже отсюда, торчащий, как бельмо, вызывающе подмигивающий остеклёнными (небывалая роскошь!) окнами дворец Гая как-то перекликался с равеннской гробницей короля остготов, невесть как оказавшейся за четырёхста километров и пятьсот лет от своего места и времени!

– Соображаешь! – одобрительно заметил Грат.

Неужели я думал вслух? Да нет, не может быть...

Грат, широко шагая, наблюдал за мной и, как всегда, ухмылялся.

– Как ты считаешь, – неожиданно спросил он, – кто я?

Вопросец был вполне в его духе, можно было даже предположить, что он, не дожидаясь ответа и не нуждаясь в нём, снова затянёт с самого начала историю своей жизни, но вот тон...

Тон был не его. Таким же вот вежливым тоном, без обычных просторечий, арготизмов и экспрессивности, он ответил мне у портика Помпея.

– Так я жду ответа, – напомнил Грат, но больше ждать не стал. – Я, видишь ли, что хочу сказать... как бы это тебе половчее выразить...

Разные лексические пласты в его речи не смешивались, и это производило впечатление диалога, моё участие в котором было не обязательно:

– Есть вещи, знаешь ли, повседневные... И есть некое понятие абсолюта... ты вот всё уяснить не можешь, куда ж это я веду... так сказать, в прямом и переносном смысле...

Но я уже уяснил, куда он ведёт – по крайней мере, в смысле прямом. Обогнув гробницу с запада, мы, хоть и окольным путём, неумолимо приближались к Тайнику.

– Закавыка тут вот в чём... – неторопливо продолжал Грат. – Если взять быка непосредственно за рога... Что тебе известно о Чаше?

Так...

Будь на моём месте Флавр, ответ был бы один...

Грат снова продемонстрировал свой завидный оскал:

– Пока я хочу только одного: опиши её. Но уж как можно точнее.

– Я ничего о ней не знаю.

– Иди ты! – восхитился Грат. – Так-таки ничего? О Чаше, описание которой вывешено на каждом перекрёстке, а для неграмотных ещё и объявлено глашатаями?

Ловко он меня поймал, ничего не скажешь!

Вот ведь что забавно – все знают, что любой руководящий пост в Городе, даже если это всего-навсего пост начальника пожарной команды, не может не быть занят ставленниками тайной стражи Гая, стукачами и нюхачами, но на практике мы об этом не вспоминаем. Или вспоминаем, когда уже поздно.

Конечно, когда бок о бок с человеком изо дня в день рискуешь жизнью, невольно думаешь: ну уж он-то едва ли...

Я сделал первый шаг на туманную тропку предательства:

– Почти плоская, похожа скорее на блюдо. Из розового камня. Но это не мрамор. Наружная поверхность гладкая. Внутри барельеф: по окружности две змеи, сверху птица с разинутым клювом и змеёй в когтях, справа и слева – тоже птицы, без змей, ниже их – два всадника в коронах и окружающие их люди с копьями в руках, ещё ниже – три восьмилучевых звезды: Венера, Веспер и Велунт. Ещё ниже – собака с человеческой ногой в пасти. Рядом с ней – странные двугорлые сосуды и непонятные знаки. Всё.

– Нет, не всё, – возразил Грат. – Ты не упомянул, что всадники расположены лицом к лицу, что каждый конь попирает ногами лежащего нагого человека, что сами всадники тоже обнажены, что, наконец, у правого всадника корона в виде солнца с четырьмя лучами, а у левого – двурога корона-месяц. Кроме того, по ободку Чаши – рыбы с головами баранов.

То, что я описал не полностью, подтверждало мою причастность. Человек, знающий по объявлению, помнит подробности лучше того, кто видел своими глазами, но мельком или, наоборот, слишком часто.

– А это Тайник, не так ли? – показал Грат. – И Чаша сейчас должна быть здесь. Открой, будь так добр, и достань.

Я открыл Тайник и вытащил длинный бесформенный предмет, завёрнутый в промасленную тряпку.

– Разверни! – он уже приказывал.

Я медленно, стараясь не испачкать пальцы, развернул.

Это был кинжал. Длинный, широкий, плавно сужающийся от рукояти к острию. Во всё лезвие кривлялись готические буквы «Аллес фюр Дёйтчлянд». Ниже, у рукояти – мелкими буквами «Золинген» и два скрещенных ключа.

– Дай-ка! – Грат, ничуть не обескураженный, протянул руку.

Моя ладонь сразу стала скользкой от рукоятки. Я посмотрел ему в глаза и увидел внезапный ужас – он раньше меня понял, как я поступлю...

6.

Не только со временем, но и с пространством мне хотелось быть в этой пьесе запанибрата. Место действия – дворец Калигулы (надо ли говорить, что в реальности он оказался совершенно не таким, каким я его представлял себе!), но это же и форум, и таверна, и один из пограничных постов империи, и сцена бродячего театра, и так далее. Всё это, впрочем, не представляло из себя ничего принципиально нового – но, кроме того, сцена, по моему замыслу, должна была быть завалена, загромождена так, чтобы актёрам практически невозможно было двигаться. От авансцены до задника и от правой кулисы до левой валяются статуи богов. По атрибутам можно узнать Юпитера, Меркурия, Диану, Приапа – но у всех одно лицо, одна голова.

Голова Калигулы.

И та же голова у кариатид, подпирающих крышу портика, изображённого на заднике.

Появляются заговорщики-преторианцы под предводительством военных трибунов Хереи и Сабина. Дальнейшее напоминает пародию на шекспировского «Цезаря», особенно после реплики Сабина, обращённой к Херее: «Кассий, ты ударишь первым!». Входит Калигула в сопровождении сенаторов, которые, собственно говоря, и есть организаторы заговора. Это сразу становится ясно по знакам, которыми они обмениваются с преторианцами. Один лишь Калигула, бледный, взъерошенный, подслеповатый, не заме-

чает ничего, идёт, погружённый в себя. Натыкается на одну из лежащих статуй. Яростно шипя, потирает ушибленное колено. Озирается. Как бы только теперь замечает преторианцев – напряжённых, готовых кинуться на него. Понимает ли он? В любом случае ему не спастись – его окружили со всех сторон.

Калигула обращается к Херее: «Дай меч!».

И Херея, обнажив меч, – отдаёт!

Несколькими ударами плашмя Калигула разбивает вдребезги злополучную статую. Поднимается облако гипсовой пыли. Он чихает, возвращает, не глядя, меч владельцу и поворачивается к нему спиной, намереваясь идти дальше. Херея, крикнув, всаживает клинок ему промеж лопаток. Тонко вскрикнув, Гай падает, и тотчас на него бросаются все, толкаясь и что-то выкрикивая. В ремарке подчёркнуто, что всё это без малейшей эстетизации происходящего. Наоборот, грубо, тошнотворно – будто нанюхавшиеся клея подростки насмерть забивают ногами пьяного.

Наконец, отступают.

Гай лежит, не шевелясь.

И тогда они – нет больше тирана! – начинают дружно заваливать лежащего статуями, сооружая над ним нечто вроде погребального холма (можно сложить статуи «колодцем», и тогда это будет напоминать мавзолей!).

От этого занятия их отрывают телохранители императора, германцы, с опозданием явившиеся на место убийства (где их, собственно, раньше носило?). Свалка. Германцев гораздо больше, и они, в конце концов, убивают всех заговорщиков, кроме центуриона Люпуса. Этот ушёл со сцены раньше по приказу Хереи, дабы убить Цезонию, супругу императора, и Юлию, его дочь. Видимо, приказ он выполнил, так как вскоре после его ухода за кулисами раздался крик – женский. Потом детский.

Если первая сцена кончалась криком: «За что?!» (причём это кричат и германцы, имея в виду убийство императора, и преторианцы – за что, мол, убивают их, спасителей нации?!), то вторая должна была на этот вопрос ответить. Идёт пир – точнее, попойка. Те же статуи, в ту же кучу нагромождённые, служат теперь пиршественным столом. Калигула здесь во всей красе: омерзительный, кроважадный... И как антитеза ему, как шекспировский шут – Унфеликс, человек. Все пьяны – он трезв. Ну, почти трезв...

.....

Ко мне подседа женщина.

– Не пей в одиночестве! – я скорее угадал, чем услышал эти слова.

За соседним столом кто-то плакал и неразборчиво жаловался на старые раны. Масляные лампы трещали. Игроки в кости рассеянными пинками отгоняли нищего, назойливо осаждавшего их стол. Хозяин за стойкой со скужающим видом щупал служанку. В углу старательно дремал осведомитель.

Мне хотелось бежать отсюда, из этого страшного мира. С таким же успехом я мог бы пожелать побега из собственной шкуры! Даже если мне удастся... всё равно, этот мир навсегда останется со мной. Мир, в котором я стал...

Как тогда сказал Флавр? «Останешься здесь до конца... и конец этот может наступить очень скоро...».

– Налей ещё! – сказала женщина.

Я пригляделся к ней, насколько позволяло освещение, и страх немного отпустил меня. Не потому, что она не могла быть стукачкой, скорее наоборот, а, как ни глупо, потому, что она была красива.

– Как тебя зовут? – не придумал я вопроса умнее.

Она хмыкнула:

– Я ж не спрашиваю, как тебя! Оно тебе надо? Мне – так никаким боком...

Есть типы лиц, сразу к себе располагающие. Такому человеку не страшно рассказать о себе многое – веришь, что он не воспользуется твоей откровенностью тебе во вред... Конечно, чаще всего это впечатление обманчиво – как всякое поверхностное впечатление. Когда симпатичный атлет, улыбаясь от уха до уха, энергично стиснул и встряхнул мою ладонь со словами: «Флавр. Гладиатор...» – мог ли я знать, что знакомлюсь с хладнокровным убийцей и полубезумным фанатиком?..

Я продолжал разглядывать её.

– Гляди, гляди, – заметила она, – за это денег не беру!

– Да? А за что берёшь?

– За всё прочее... Так нальёшь или нет?

Я плеснул ей и сделал хозяину знак подать ещё вина. Похвальное намерение пить как можно меньше было забыто. Однажды был уже вечер, когда я вот так же точно начал пить... лёгкое, казалось, вино... и потом... потом было много чего, но – тогда это было в моей квартире, и за окном мигала вывеска «Гастроном» с погасшей буквой «Г»...

Она впервые посмотрела мне прямо в лицо, думая, однако, о чём-то своём. У неё были тёмные глаза.

Я постепенно узнавал её – как проступающее на фотографии изображение. Это была та самая девушка, которая кинула мне розу с иглой.

Узнала ли она меня? Может, она потому ко мне и под-села?

– Садись ближе, – предложил я.

Поколебавшись немного, она передвинулась на скамье и села рядом, чуть касаясь меня. Я положил руку ей на колено.

Она снова хмыкнула:

– Так, ещё по одной – и за пазуху полезешь? Да ладно, чего дёрнулся-то? Стой-ка...

И она перебралась ко мне на колени, оказавшись неожиданно тяжелее, чем можно было ожидать.

Служанка, потная нечёсанная девка, принесла нам вина. Я отпил глоток. Вино было гораздо лучше, чем то, что я пил до сих пор. И это тоже могло быть очень плохим признаком, да почти наверняка и было.

Мы пили. Она продолжала думать о своём, плотно сомкнув губы. Тепло её тела приятно будоражило сквозь одежду, словно подогретое вино. Я был в той стадии опьянения, когда безграничное доверие к миру сочетается с лёгкостью необыкновенной, условности видятся именно не более чем условностями... нет больше необходимости корректировать свои поступки, делать можно абсолютно всё... а тот, второй, который изнутри всегда направлял, не позволял, проверял, советовал... он как бы связан... может только говорить, да и то негромко, а уж слушать его и вовсе не...

Я понимал, что очень быстро пьянею, что это ни к чёрту не годится, что от этой девушки добра ждать не приходится, что я здесь наверняка вызываю всеобщий и отнюдь не доброжелательный интерес.

Но всё это не имело ни малейшего отношения ко мне лично, сидевшему в этом подвале среди веселья и нежной дружбы. И самое главное – Грат, оставшийся там... такой неожиданно маленький, скорчившийся... уже почти не занимал больше мои мысли... А тот, второй... язык ему показать, что ли?... Тоже мне, внутренний... болтает, болтает... чего болтает-то?..

Захотелось сделать что-нибудь хорошее для этой девушки, дать ей понять, что она может рассчитывать на меня... например, если сейчас вдруг – облава... а я заявлю, что она – моя жена... или лучше – сестра... правда, в такие заведения нормальные люди с жёнами и тем более с сёстрами не ходят, ну мало ли, то ж нормальные!..

Да, ведь она же ещё не знает, что я узнал её!

– Слушай! Ты зачем кинула в меня... эту... булавку?..

– Булавку? – с трудом оторвавшись от своих мыслей, она посмотрела с равнодушным удивлением.

– То есть иголку... вот, смотри! – я протянул ей ладонь, хотя найти на ней след укола едва ли удалось бы даже при дневном свете.

Она неожиданно погладила меня по голове и вновь ушла в себя.

Несколько ламп погасли со странным звуком, похожим на всхлип, одна за другой. Теперь горели только две.

– Слушай, – вновь вернувшись к реальности, в упор спросила она, – тебе женщина нужна или что?

Вопрос был, что называется, по существу, и, как всегда в подобной ситуации, я словно бы споткнулся, забыл на минуту все предыдущие мысли, а этого вполне достаточно, чтобы собеседник взял верх.

Она завладела моей рукой и водрузила её себе на плечо. Моя ладонь словно без моего участия скользнула ниже. Девушка одобительно ухмыльнулась.

Я вдруг понял, что это совсем не та – та была светловолосой.

А у этой были подпилены нижние зубы...

– Выпьём! – сказал я.

Среди игроков в кости вспыхнула драка. Двое из них, сцепившись, покатались по полу. Мне казалось, что у меня растут длинные лёгкие руки-крылья, что я много лет знаю эту женщину, приткнувшуюся головой к моему плечу.

– Любимая... – пробормотал я. – Амата...

Она неразборчиво ответила что-то – не то «бедный», не то «бестолочь».

«Истлевшие мертвецы...», – сказал Флавр, тогда...

Истлевшие... Флюктуанты...

Мутанты... экзитанты... летанты...

Второй в последний раз предупредил меня: «Ты пропал!».

Я отмахнулся и хотел было запеть песню, но не смог вспомнить слов.

Драчуны пыхтели и стонали, как любовники. Прочие подбадривали их криками.

– Угостил бы, что ли, господин! – подсел к нам тип в каких-то блёстках, мелкокудрявой головой напоминающий молодого барана.

– Руки есть? Наливай, пей! Видишь, мои заняты!

– О боги... – вздохнул он, покачав головой и принимаясь за вино.

Предпоследняя лампа погасла.

7.

Подготовка к «нырку» включала в себя и теоретические занятия. В частности, мне преподали теорию, отчасти противоречившую концепции времени-вещества, с которой я уже как-то более-менее сжился...

В фантастике, в легендах, в мифах часто описывается ситуация: герой попадает в так называемый Другой Мир, выглядящий точной копией того мира, где герой жил раньше. Но только на первый взгляд. По мере того, как приглядываешься, различий набирается всё больше. В том мире деревья серые от пыли, а тут на них будто каждый листик вымыт с мылом! В том мире закадычный друг героя женился на отъявленной стерве и вдрызг с ним разругался из-за недипломатичного высказывания героя об этом прискорбном факте – а в этом у друга невеста что надо, какую и хотелось бы видеть его спутницей... Да и самому герою в Другом Мире везёт во всех смыслах...

Короче говоря, Другой Мир не просто лучше – это такое место, где черновик нашей жизни переписывается набело. Может быть, это просто другое название рая...

Значительно реже встречается иная идея: герой мог бы собственными силами сотворить Другой Мир. И не только – и даже не столько – поступками в прошлом, на многочисленных распутьях и перекрёстках, когда от выбора зависело, быть ещё одному гвоздю в здании этого мира или Другого, но и поведением, волей, даже мыслью – в настоящем. Иными словами, этот мир – и есть Другой...

Человек оказывает на окружающий мир гораздо большее влияние, чем принято считать, – хотя в это мало кто верит. А зря.

– Но могут быть и макровоздействия, – сказал, улыбаясь уголками губ, Артур, и я впервые заметил в его глазах сумасшедшинку. – Допустим, мы попадаем в Рим накануне восстания Спартака. Представляете обстановку? Так вот, один из нас убивает Спартака на арене, во время гладиаторских игр...

– Ну, знаете, надо ещё попасть на арену!

– Вот это как раз несложно. Добровольцы из публики нередко вступали в состязание с гладиатором-победителем. Естественно, рассчитывая на крупный денежный приз. Ещё более несложно изучить приёмы фехтования, неизвестные Спартаку... Впрочем, можно и ночью, ударом в спину... да не делайте вы такое лицо – это же чисто теоретическое допущение! Итак, Спартак убит – но заговор уже созрел, час восстания назначен, и один из ближайших друзей Спартака принимает его имя, тем более, что о гибели настоящего известно немногим, да и в лицо его знают далеко не все заговорщики; а тем, кто знает, приходится выбирать между версией ложного слуха и версией воскрешения из мёртвых. Словом, восстание вспыхивает...

– В чём же макровоздействие? – не утерпел я.

– Ну, как вы считаете, восстание того же Спартака действительно происходило так, как в одноименном романе? Вообще – похожа история на её отображение в беллетристике? Ясно, что рабы, вырвавшись на волю, хоть на час, стремятся взять реванш за всё, отомстить своим владельцам и всем свободным. Грабежи, насилия, пожары, бессмысленные убийства... Жестоки не эти люди, жестоко время. Их годами держали на сухом хлебе и протухшей воде, и теперь они набрасываются на вино и мясо (и многие от этого умирают, между прочим). Их мучили и унижали – и теперь мучают и унижают они. Некоторые даже говорить не могут, потому что забыли родной язык и толком не научились чужому. Зато они научились рубить головы и распинать... Там, где проходит эта клокающая орда, остаётся выжженная земля. И нужен человек другого уровня, не современник!.. который сможет выковать из них, жесточайшими мерами, армию, дисциплинированную и победоносную, сможет объяснить им, что настоящее возмездие впереди и что те, кто его заслуживают, укрылись за крепкими стенами... и эти стены разрушим мы, своими руками!!

– И этот человек... – я уже знал ответ.

– Этот человек – тот, кто убил Спартака, чтобы потом, устранив, если понадобится, и лже-Спартака, занять его место. Убить Спартака – чтобы спасти восстание Спартака! Вот что я называю макровоздействием!

– И вы считаете, что у вас... у нас... есть на это право?

– Так вообще бессмысленно ставить вопрос. Право тут ни при чём – есть Дело. Вы что же думали, мы создали хронин, чтобы развлекаться? Чтобы таскать манускрипты из Александрийской библиотеки?..

– Но ведь, вторгаясь в прошлое, мы изменим настоящее?

– Естественно. А что, без макровоздействий мы его не изменяем? Ага, как же! Любые воздействия, любые действия в конце концов складываются в макро. Это закон. Любой наш «нырок» уже на что-то влиял. А не «нырять» – нельзя, потому что уже есть «хронин». И не создавать «хронин» нельзя, потому что уже есть наука. И не создавать науку нельзя... и так далее. Да, мы рискуем. Очень рискуем. Есть ещё вопросы?

Разговор наш происходил в институтской столовой. Артур, не переставая говорить, красным фломастером рисовал на салфетке какие-то непонятные мне символы, причём ни один из них не повторял другой. Сначала я полагал, что он делает это машинально, но потом заметил мелкие пометки типа: «в пятницу, в 4.00» или «проверить ещё раз»; и ощущение, что он параллельно занимается другим, более важным делом, было несколько унизительно.

– Послушайте, зачем я, собственно говоря, вам понадобился?

Артур пожал плечами:

– У вас идеальные данные для «ныряльщика». Не каждый к этому так предрасположен. Но, конечно, это не единственная причина... Однако давайте вернёмся к нашим баранам...

И мы вернулись. Мне сейчас очень жаль, что я почти ничего не записывал из того, что он мне рассказывал (вместо этого я использовал каждую свободную минуту, чтобы заниматься последним вариантом своей пьесы). О многом я узнал тогда. О так называемой «колонии ссыльных» в Древнем Риме, с которой мне предстояло вскоре встретиться. И не только встретиться, но и вжиться в их жизнь, очень своеобразную, с бытом, ностальгией и дразгмами, даже с попытками гнать самогон. И некоторые – немногие, конечно, – отказываются возвращаться и отказываются объ-

яснить причины отказа, и исчерпывающего объяснения пока нет, а ведь смешно даже подумать, что им там лучше... Тогда же я узнал и о так называемом «патруле времени», контролирующем колонию (на самом деле никакого патруля нет, это институтский фольклор, но, как часто бывает, фольклор, предвосхищающий реальные события: вероятно, патруль действительно будет создан, хотя пока неясно, каким образом и из кого, и, самое главное, какими правами он будет наделён...)... И о многом ещё.

Пьеса не желала меня оставлять. Может быть, я бессознательно торопился – успеть до перемещения. Написать – раньше, чем увидеть.

И снова, снова возвращался к сцене пира за столом-баррикадой-мавзолеем из статуй с ликом Калигулы. Все пьяны – трезв только Унфеликс (это имя можно перевести как «Несчастливец»). Калигула внезапно раздражается пьяным смехом. На вопросы сотрапезников о причине поясняет, гогоча во всё горло, что вот он подумал: стоит ему мигнуть – и им всем перережут глотки, а ведь это очень даже смешно! А ну, смейтесь, кому сказано!!!

И все эти несчастные лизоблюды вынуждены смеяться – деланно, натужно, чем Калигула, понятно, недоволен и требует, чтобы смех звучал естественно и чтобы смеющиеся при этом представляли себе, как их головы отделяются от туловищ. Хохот, хохот, всё более громкий – не смеётся один Унфеликс. Все замечают сначала бешеный взгляд императора, а потом и причину бешенства, и смех сам собой стихает. Все рады-радешеньки, что вот кто-то оттянул гнев на себя – хотя как угадаешь, по кому ещё ударит рикошетом?

Калигула, без слов, неистово вращая глазами, расплёскивая, наливает в чашу вино, сыплет яд, который всегда при нём, и, по-прежнему без слов, протягивает Унфеликсу.

Тот, пожав плечами, осушает чашу. Калигула, решив, что Унфеликс заранее принял противоядие, разъяряется пуще прежнего, но отравленный спокойно предлагает подождать сколько надо, чтобы убедиться, что яд действует.

В пьяный мозг Гая постепенно проникает осознание того непостижимого факта, что собеседник не боится ни его, ни смерти. Он снова проделывает манипуляции с чашей, только теперь с противоядием, и снова Унфеликс невозможно пьёт, приняв жизнь так же спокойно и просто, как перед этим принял смерть.

И тогда Гай почти униженно начинает выпытывать: почему, почему Унфеликс не боится смерти?!

Унфеликс пытается втолковать ему, что он не боится смерти потому, что не боится и жизни; что ненависть, в которой постоянно пребывает Калигула, – это и есть страх жизни; что жить так – значит, быть на краю гибели; хуже того, быть уже погибшим... Калигула в ответ блещет своим специфическим юмором – предлагает Унфеликсу пойти на берег Тибра и передать привет плывущему труп прорицателя Трасилла. Тот тоже предсказывал императору гибель и даже сообщил, от чьей руки. В результате казнён и предпологаемый убийца, и сам прорицатель – чтобы такового больше не предсказывал...

Тут Калигула теряет нить разговора и лишь бессвязно сожалеет, что у всех римлян не одна общая шея, чтобы перерубить её одним ударом... Ненависть дышит в каждом его слове. Все враги, все; следовало бы казнить и Унфеликса – всё равно он станет врагом, всё равно не забудет этих двух чаш (Унфеликс снова молча пожимает плечами); верить, по-настоящему верить можно было лишь одному человеку – Друзилле...

И здесь, при упоминании покойной сестры-возлюбленной, Гай преображается. Даже трезвеет. И горячо, настойчиво начинает просить: ведь Унфеликс не простой че-

ловек, он мудрец, это очевидно, ну так что ему стоит – пусть узнает: кто, кто убил Друзиллу?!

Насколько им невозможно понять друг друга, ясно из двух встречных фраз:

«...УНФЕЛИКС. Её убил тот, кто ненавидел тебя и знал обострённым чутьём ненавидящего, что большее этой боли тебе не будет.

ГАЙ. Но ведь я же казнил всех, кто тогда ненавидел меня!..»...

8.

Нет, я совсем не уверен, что именно «этот текст» – окончательный. Никто не может быть в этом уверен, особенно теперь. Никто не может наверняка знать, в «правильном» ли мире мы живём. Если бы вы знали, как это было страшно... видеть, как перепутываются пласты времени, как расшатываются и разлетаются его куски... Перемещение людей, вживание их в эпоху и тем самым неизбежное её изменение – уже одно это оказалось макровоздействием. Конечно, такая возможность учитывалась и обсуждалась – но одно дело учитывать, строить гипотезы... и совсем другое – видеть ЭТО.

Бежать, назад, в своё время... или в безумие... казалось спасением. Хотя я понимал, что это не так просто, что «своё» время – уже тоже не совсем своё и даже, может быть, совсем не своё... что я, наконец, один из тех, кому запрещено возвращение...

Я принял изохронин. Но оказался почему-то сначала в веке девятнадцатом. Может, с дозировкой ошибся, а может, срок годности истёк... не вижу, что тут смешного...

И там я написал книгу. Светлую, романтическую книгу о восстании Спартака. Подписал своим именем, только фамилию взял другую, самую обычную, вроде Иванова. Ну, конечно же, вы читали, ещё бы – хрестоматийное чтение... Артура я там тоже вывел, только имя ему галлицизировал. Придумал ему любовь к сестре Спартака... Ну да, да, не было никакой сестры, да и вообще никаких женщин в лагере Спартака не было – при мне, по крайней мере... Нет, я не совсем точен – иногда появлялись, но их вскоре убивали или прогоняли, чтобы не кормить. Вот что, между прочим, было проблемой – еда. Постоянно мучил голод, постоянно, на ходу, все что-нибудь жевали, грызли... И это в благодатной Италии, где изобилие вина и хлеба вошло в пословицу. Вот что такое война, даже не очень большая...

Как я попал сюда? Затрудняюсь ответить точно. Десятинадцатый век исчезал постепенно, клочьями... сменяясь вот этим... всем...

Что-что? Не было никакого перемещения? Просто Артур дал мне сильный галлюциноген? Смешно. Зачем ему было это делать? Вы ещё скажите, что и Института не было! Ах, всё-таки был? И на том спасибо...

Впрочем, не хочу спорить. Галлюциноген так галлюциноген, какая разница. Знаете, я что-то устал. Приходите опять, буду рад рассказать, если ещё что вспомню. Если достанете мою книгу – я слышал, сейчас это букинистическая редкость, – приносите! С удовольствием вам надпишу!..

9. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Рафаэлло Джованьоли вышел на улицу. У самых ступеней его поджидал лёгкий белый кабриолет, запряжённый парой гнедых. Кучер в красно-серебряной ливрее промок-

нул лоб батистовым платком и с упрёком взглянул на невыносимо синее небо, посреди которого неистовствовал раскалённый добела диск. Рафаэлло поправил серую гетру и запихнул толстый манускрипт поглубже в карман. Кучер с почтением помог ему расположиться на обтянутых чёрной кожей сидениях и услужливо захлопнул дверцу. Рафаэлло, небрежно махнув кучеру трогаться, стянул жёлтую лайковую перчатку и разложил на коленях манускрипт и вечное перо. Он прочёл:

«УНФЕЛИКС. Достаточно ли невыносимы твои муки, Гай, чтобы напомнить тебе о том, что и ты когда-то был человеком? Когда-то ты не отвергал женских рук, даже если они не протягивали тебе виноградных гроздьев, а лишь тянулись обнять твою шею.

ГАЙ. Друзилла... Друзилла...

УНФЕЛИКС (*пожимает плечами с затаённым удовлетворением*). Ты даже не дал ей воды из-под крана...».

Коляска подскочила на повороте. Кучер выцедил между зубов проклятие, а Рафаэлло вздрогнул: «Нет, какой кран, тогда же не было водопровода... не было? или был?..». Подумав, он всё же вычеркнул «из-под крана» аккуратной двойной линией и вдруг, нахмурившись, словно вспомнив что-то, стал отлистывать манускрипт назад, стремительным, но внимательным взглядом просматривая написанное. Наконец, складки на его лбу разгладились – видимо, он нашёл то, что искал:

«ГАЙ. Пусть говорят, что хотят! Что нам до них? Цари Египта брали в жёны сестёр, когда Город был ещё жалкой деревушкой, а предки наши щеголяли в звериных шкурах! Боги бессмертные так поступали, почему же не может Цезарь?..

ДРУЗИЛЛА. Цезарь... во всём ты Цезарь... всегда и прежде
всего Цезарь... в любви тоже...

ГАЙ. Я люблю тебя, Друзилла, как сестру, как возлюбленную, как жену – но не только! Я люблю в тебе товарища по оружию, по мести за отца, за мать, за братьев, за весь наш несчастный род! Я люблю в тебе последнюю из нашего рода, и кого же мне и любить, если не тебя?!

ДРУЗИЛЛА. Но ведь любишь же ты и Цезонию?

ГАЙ (*с гримасой бешенства*). А, эту тварь!.. погоди, дай срок – я под пыткой дознаюсь у неё, почему это я её так люблю! Прикажу поставить ей капельницу галлюциногенов!! Вот тогда она и заговорит!!!

ДРУЗИЛЛА. Что ты говоришь?!

ГАЙ. То, что у всех на языке, – она опоила меня, эта погань! Вот почему я иной раз чувствую, как в голове всё путается, боль в висках... я сам не свой в такие минуты... не знаю, что говорю, не понимаю, что делаю... Я стал хуже видеть, Друзилла! Мне кажется, я слепну... я... я схожу с ума!..

ДРУЗИЛЛА. Пить... нет, не вина. Дай воды.

ГАЙ. Здесь нет воды. погоди, потом... дай досказать... Ты думаешь, я не знаю, что половина казнимых ни в чём не повинна? Но пусть лучше погибнут тысячи невинных, чем ускользнёт от кары хоть один наш враг! Да и есть ли на земле человек, не заслуживающий казни тысячекратно, не за одно, так за другое?!

ДРУЗИЛЛА. Воды... бедный ты мой болтун... (*Умирает.*)...».

Рафаэлло проштудировал отрывок, отвлечённо покусывая кончик пера и пачкая чернилами рот. С сожалением, покачивая головою, волнистой линией подчеркнул «капельницу галлюциногенов». Покусывая заусенец, отки-

нувшись на спинку, он невидящим взором уставился в выбеленное небо с плывущими клочьями облаками, пытаясь найти эквивалент анахронизму.

РАФАЭЛЛО. Послушай, Фабрицио...

КУЧЕР. Да, господин?

РАФАЭЛЛО. Скажи – что такое капельница?

КУЧЕР (*усмехается в усы – он уже привык к таким неожиданным вопросам своего хозяина*). Капельница, господин? Это сварливая и скупая матрона, по капле cedящая своему мужчине вино в бокал, вместо того, чтобы утолить его жажду, как подобает.

РАФАЭЛЛО (*задумчиво кивает*). Ты, как обычно, прав, лакей.

Вялой рукой Рафаэлло, совершенно вдруг разочаровавшийся, с отвращением отодвинул от себя манускрипт. Страницы с шорохом оползли и грозили разлететься с первым же порывом ветра. «Ради чего я пишу историческую драму, если время смешалось в моей голове настолько, что я путаюсь не только в веках, но и в тысячелетиях?». Эта мысль оставила горький привкус у него во рту. И тут же, как и всегда, когда он чувствовал, что почва уходит у него из-под ног, на помощь пришла ирония: «*O tempora, o mores...*». Грустная улыбка тронула его лицо.

Кучер, все ещё довольный собственным изречением, стегнул лошадиный круп. Левое колесо наскочило на камень; подвеска дёрнулась, подбросив Рафаэлло. Он удержался, схватившись за спинку, но из жилетного кармана выскочил коричневый пузырёк замысловатой формы, с крышечкой из странного, полупрозрачного вещества. Рафаэлло испуганно подхватил его на лету, не дав приземлиться на шаткий пол ненадёжного экипажа. На бумажной обёртке

было выведено корявой латынью слово *ИЗОХРОНИН*. На дне пузырька колыхалась вязкая жидкость. Рафаэлло поднял пузырёк к глазам. Жидкость пронзил луч италийского солнца, заставив её играть и искриться. Рафаэлло вздохнул. Открыл крышечку, заглянул внутрь и сделал глубокий вдох, прикрыв источенные голубоватыми жилками веки. Всё ещё колеблясь, снова закрыл пузырёк и, засовывая его обратно в карман, покачал головой, улыбаясь борьбе собственного безрассудства и слабости. Нахмурившись, оглядел прохожих – некоторые замирали при виде богатого кабриолета, особенно молодые девушки низшего сословия, опускавшие глаза, стоило им ощутить на себе его взгляд. Внезапно решившись, он откупорил пузырёк и, крепко зажмурившись, разом выпил содержимое.

Покачиваясь на ухабах, он долго ехал, не решаясь поднять веки, вслушиваясь лишь в скрипы подвески. Вдруг всё затихло, замерло, ни звука. Рафаэлло, пытаясь унять расхолодившееся сердце, распахнул глаза, ожидая увидеть знакомый и, может быть, чуждый ландшафт, и обнаружил, что коляска стоит, а Фабрицио, распахнув дверцу, ждёт, когда господин соизволит выйти. Рафаэлло собрал рассыпавшиеся листки и сошёл на землю.

В озере переливалась солнечная рябь. Листва безмолвствовала в полуденном безветрии. Пахло цветами. Окинув безразличным взглядом искристое озеро и променировавшие пары, семейную группу с множеством разновеликих детей, голубой лоток разносчика охлаждённой воды и цветочницу с корзинкой ранних роз, Рафаэлло отпустил кучера и спустился к воде, выбрав уголок поукромнее, где его не стали бы отвлекать от работы дамы в белых платьях и с такими же солнечными зонтиками.

Усевшись в траве, он первым делом сложил листки аккуратной стопкой, подбил их со всех сторон и перевернул

неисписанной стороной к себе. Едва он взял в руку самопишущее перо, как услышал звук оскользающихся на траве шагов и увидел, что к нему приближаются двое молодых людей, держащих друг друга под руку. Рафаэлло поднялся на ноги.

РАФАЭЛЛО. Чем могу служить, господа?

АЛЕКСАНДРО И ДАРИО (*перебивая друг друга; они молоды и смущены, и поэтому по очереди краснеют неровными пятнами*). Простите за беспокойство, синьор... Джованьоли?.. Ведь это вы, не так ли?.. Нам на вас указал вон тот юноша... Аристандро. Видите, тот, что топит прибрежные кувшинки тросточкой?

РАФАЭЛЛО. Он что, гадает по кругам на воде?

АЛЕКСАНДРО И ДАРИО (*смеются, переглядываются*).

Да, пожалуй, вы правы, синьор Джованьоли...

РАФАЭЛЛО (*вспоминает о том, что ему помешали работать*). Так чем могу служить вам, господа?

АЛЕКСАНДРО И ДАРИО (*снова смущены, переминаются с ноги на ногу*). Понимаете, синьор Джованьоли... Мы, как бы сказать, большие поклонники вашего творчества... И вот буквально сегодня по счастливому стечению обстоятельств нам удалось у одного чудакватого еврея-книгоноши приобрести вашу книгу... (*ДАРИО протягивает РАФАЭЛЛО копию «Спартака», а АЛЕКСАНДРО попутно сдувает с неё пыль.*) Вот... Не соизволили бы вы надписать нам... ваше факсимиле... автограф...

РАФАЭЛЛО (*с недовольным видом потревоженного за работой подписывает титульный лист; вдруг недовольство на его лице сменяется изумлением.*) О! Ведь это кириллица, не так ли? Мою книгу перевели на славянский язык?

АЛЕКСАНДРО И ДАРИО *(заговорщически переглядываясь и подмигивая)*. На русский! *(Удаляются почти бегом.)*
РАФАЭЛЛО *(всё с тем же изумлением на лице опускается
обратно на траву)*. На русский?

Рафаэлло смотрел вслед удалявшимся юношам и видел, как они подошли к тому третьему, стоявшему у самой кромки воды, которого они называли Аристандро. Из его позиции ему было не очень хорошо видно, но показалось, что Аристандро одобрительно пожал обоим руки, и все трое двинулись в сторону города. Рафаэлло снова начал грызть ногти. Какая-то неотвязная мысль заставляла его лоб хмуриться. Наконец, он снова взялся за перо, положил на колени аккуратную стопку исписанных листков и на обратной стороне уже почти законченной пьесы «Сумерки Калигулы» начал писать совершенно другое повествование:

«В пятницу я смотался с работы пораньше, наврав начальству, что должен идти на рентген. Секретарша мне явно не поверила, поджала губки бантиком и пообещала пожаловаться Дмитрию Санычу.

– Следить за лёгкими – прямая обязанность каждого работника, заботящегося о благосостоянии Родины, – не принуждённо кинул я ей и с лёгким сердцем направился к выходу.

Прогулявшись два квартала, я свернул в грязную подворотню, в самом глухом тупике которой пряталась окрашенная облупившейся ныне охряной краской арка, а под аркой находился самый подпольный «Букинист» города, без вывески. Я зашёл в покосившуюся дверь. У полки с исторической литературой стоял человек с интеллигентным лицом и листал какой-то толстый том. Я спросил у продавщицы, не появилась ли книжка, которую искал уже несколько месяцев.

– «Спартак»? В среду пенсионерка принесла. Вон там, рядом с историей, смотрите, молодой человек, где мужчина в плаще стоит!

Я буквально бегом бросился к полке и выдернул сокровище из ряда запылённых книг, чтобы подозрительный тип в плаще не успел утащить его у меня из-под носа.

– Тоже Спартаком интересуется, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс тип, теперь, когда книжка уже спокойно лежала у меня в руках, потерявший в моих глазах большую часть своей подозрительности.

Знакомясь со мной, он скромно протянул руку и негромко отрекомендовался:

– Король Артур!..».

Рафаэлло писал, не останавливаясь, и очнулся, лишь когда стемнело настолько, что писать стало невозможно. Исписанные страницы покрывали траву вокруг него. Озеро плескалось в серой полутьме. В сгущавшихся сумерках он собрал написанное, свернул трубкой, сунул подмышку и пешком отправился домой. Когда он дошёл до центра, уже почти настала ночь. Город был покрыт тёплой и мягкой синеватой летней мглой, и по улицам прогуливались праздные прохожие. Девушки в белых ситцевых платьях в крупный горох особенно выигрывали в таком освещении. Он прошёл мимо транспаранта с облупившейся надписью и на площади свернул в Московскую улицу, налево от памятника Ленину. Уже на лестнице он услышал, что сосед дома – звуки программы «Время» из телевизора, включённого на всю катушку, вольно раздавались в подъезде.

Идиллия нулевая.

ЗЕРКАЛО

Предисловие: автор заверяет благосклонного читателя, что прежде, нежели написать нижеследующее, он (автор) тщательно изучил соответствующую эпоху и способы тогдашнего общения людей меж собою. Итак...

Сие произошло на балу у графини В. Н., более известной под псевдонимом «Прекрасная Вероника».

Во время огненной мазурки я имел несчастье... Одним словом, графиня наступила мне на ногу.

Натурально, я сделал вид, что ничего не произошло, и продолжал танец. Но не успели отзвучать последние такты, как меня отозвали к стене.

Там, на широкой скамье красного дерева, уже восседал трибунал: мой дядя, разгневанно теребивший свою серебряную эспаньолку; престарелый князь С. (глубоко и мрачно задумавшись, он, видимо, заснул); мой племянник, бывший на двенадцать лет старше меня и всегда, сколько помню, отличавшийся грубостью; какой-то штабс-капитан в расшитом доломане с чужого плеча и, наконец, сама хозяйка бала – Прекрасная Вероника.

Когда я ещё ползал по полу своей детской, она уже была прекрасна и царила на балах. Мудрено ли, что, едва прибыв в столицу и став лейб-гвардейцем, я влюбился в неё безоглядно и бескорыстно, невзирая на насмешки и сочувствия сослуживцев.

Рядом с Прекрасной Вероникой на венецианском столике стоял её оплечный скульптурный портрет из розового мрамора. Игра бликов на его полупрозрачной поверхности

создавала впечатление кожи дышащей, живой; при взгляде беглом можно было помыслить, что это зеркало, до того необыкновенным было сходство, ещё усиливавшееся одинаковыми париками на головках портрета и оригинала.

– Милостивый государь, – сурово, как чужому, отверз уста дядя, – приходится думать, что Вы, будучи ослеплены своею пагубной страстию, восприняли случайное прикосновение как знак благосклонности и, нарушая все правила светского приличия, не сочли нужным даже принести свои извинения!..

В голове моей бедной всё смешалось.

Да неужели же я, мальчишка и провинциал, осмелился бы предположить... осмелился сметь предполагать... будто бы графиня... сама Прекрасная Вероника!.. благосклонна... ко мне... помилуйте, ко мне!!!

И однако ж...

Её возмущение...

Её решимость устроить этот скорый суд...

Её пылающее лицо... надменный вид...

Её глаза...

На то ли негодует она, о чём идёт речь?..

Негодует ли она?..

Неужто...

– Нет! – с твердостью, самого меня изумившей немало, отвечивал я. – Приносить извинения за случившееся не намерен!

Лицо моего дяди лучше всяких слов выразило дальнейшую судьбу мою.

– Дядя! – возопил мой племянник, бывший на двенадцать лет старше меня и всегда, сколько помню, отличавшийся грубостию. – Пошёл ты к чертям, дядя этакий!

– Да-с! – добавил штабс-капитан.

Я посмотрел прямо в глаза Прекрасной Веронике и, точно свыше озарённый, произнёс:

– Однако же, сударыня, примите мои искреннейшие уверения в том, что я, не задумываясь, пожертвовал бы всем, что имею, и самой жизнью, лишь бы огорчения Вашего не существовало более!

– А палитра! Палитра как же? – воскликнула прекрасная хозяйка.

– Тысяча извинений... о палитре-то я и позабыл!

Схватив со стола полную флягу, я принялся за дело. На левую сторону девственно-белой груди моего мундира я нанёс кроваво-красное пятно, у правого плеча – два жёлтых, на воротнике – чёрное, смочил под глазами, что должно было означать слёзы, и, подумав мгновение, симпровизировал: увлажнил виски и надлобную прядь.

Мой суровый дядя – и тот не смог сдержать восхищения, не говоря уж о прочих. Прекрасная Вероника даже захлопала в ладоши.

– Осмелюсь обратить внимание на прекрасную выправку... – глабокомысленно заявил штабс-капитан, желая вставить слово, но не вполне понимая происходящее.

А я уже ощутил в кончиках пальцев месмерическое покалывание. Я поднял руки и попробовал.

Дядя мой растворился в воздухе бесследно, точно и не был. Я попробовал ещё, увереннее.

Растворился и старец С., так и не проснувшись.

Засим растворил я моего дорогого племянника, бывшего на двенадцать лет старше меня, и, с особым удовольствием, штабс-капитана, после чего, оборотясь к зале, растворил последовательно толпы жужжащих гостей, музыкантов, лакеев с прохладительными напитками, мраморных фавнов и еротов в нишах, портреты предков в золочёных рамах, канделябры, драпировки, ковры...

Наконец, в пространстве опустелом остались я и Прекрасная Вероника.

Я растворил на ней одежду...

Мрамор...

Идиллия первая.

СОН ДЕЛЬФИНОИДА

Шипение.

– Предположим, по улице впереди вас идёт девушка.
Ваши действия?

– Какая девушка?

Шипение.

– Вопросы задаю я. Повторное нарушение будет означать прекращение тестирования. Это ясно?

– Но мне же нужно знать, что за девушка... как выглядит хотя бы! От этого в какой-то мере будет зависеть моё дальнейшее поведение.

– Вы пока не видите ничего, кроме неясной фигурки впереди в полумраке. Всё ещё непонятно?

– Теперь более-менее понятно... Ну... пойду за ней...

– Зачем?

– Ну...

Шипение.

– Допустим. Она вас видит?

– Ну... если оглядывается, то видит.

– Вы идёте на большом расстоянии от неё?

– Не очень. Метров пять-шесть.

– Стало быть, она слышит ваши шаги и хоть раз, да оглянется, не так ли?

– Так.

– Значит, она видит вас. Сосредоточьтесь, пожалуйста... Девушка ускоряет шаги. Ваши действия?

– Наверное, тоже ускоряю.

– Наверное или ускоряете?

- Наверное, ускоряю.
- Так... Посмотрите-ка во-он туда... Видно хорошо?
- Да...
- Впечатляет?
- Не без того.

Шипение.

– Это те, кто не прошёл тестирование. А тот, кто посредине, вообще отказался тестироваться... Есть ещё вопросы?

- Есть.
- Слушаю. Вероятно, вы хотите знать, что ждёт тех, кто прошёл тестирование?

– Нет... вернее, не только... Я ещё хотел бы знать, что ждёт тех, кто проводит тестирование...

- Узнаете в своё время. Если пройдёте тестирование.
- Вот я, кстати, и хочу узнать, стоит ли стараться...
- Не лезьте в пекло поперёк батька...
- ???

Шипение.

- Что? Не знаете, что такое «пекло»?
- Нет... что такое «батька»...
- Основные значения: отец, создатель, тотем, демиург, архонт, вождь, шеф, лидер, командир, наставник, бенефактор, атаман, патрон, спонсор, бугор, пахан – на мёртвых языках. Понятно всё?

- Кроме первого...
- Отец?
- Да.
- М-м... то же, что и «тотем»... смысл выражения в том, что, не пройдя тестирования, незачем пытаться оценить его... однако вернёмся к нашим баранам... эту идиому я растолкую вам как-нибудь в другой раз... если, конечно, он будет... *(Шипение, и теперь, наконец, становится понятно, что это смех.)* Девушка вдруг нырнула в какую-то дверь и заперла её за собой. Ваши действия?

– Попробую открыть. Ломать не буду. Есть много способов деликатных...

– Не отвлекайтесь. Итак, вы войдёте?

– Да.

Шипение.

– Дополнительная вводная: девушка опасна. Очень опасна. У неё НУТ. Знаете, что это?

– Знаю...

– Что?

– Это... явление, завершившее собой Эпоху Конца. По сравнению с НУТ все болезни прошлого: чума, испанка, ОЛБ, СПИД, параноя, абстракционизм – всё равно что лёгкий насморк. НУТ – это, собственно, как бы и не болезнь... это состояние... человек, поражённый НУТ, не просто заразен, он очень опасен, потому что заражает всех в радиусе тридцати-пятидесяти метров. Он должен быть немедленно уничтожен, так же, как и тот, кто уничтожит его... и тот, кто уничтожит уничтожившего... Поэтому иногда носители НУТ и те, кто послан их уничтожить, объединяются...

Шипение.

– Ещё раз повторяю, не отвлекайтесь. Каково значение слова «НУТ»?

– Не знаю.

– Напоминаю, что такой ответ хуже неправильного.

– Ну... мы в школе... в шутку расшифровывали так: Неназываемый Ужас Тишины...

Шипение.

– Что ж, можно и так... Почему бы и нет, в конце концов... Итак, девушка должна быть уничтожена, равно как и те, кто дал ей приют. Весь дом должен быть сожжён, а пепел тщательно собран. Те, кто будет сжигать и собирать, также должны быть уничтожены. Даже если это андроиды... Знаете, что такое андроиды?

- Знаю.
- Ну и что же это?
- Персонажи фольклора Эпохи Конца...

Шипение.

- Вот как?

– Да. Согласно некоторым апокрифам, они внешне неотличимы от человека и даже созданы были человеком без помощи Бога и Его Сестры, что и послужило одной из причин наступления Эпохи Конца...

Громкое продолжительное шипение.

- Хорошо-хорошо... спасибо... *(Продолжая смеяться.)*

Ладно. Значит, с девушкой всё понятно. Если не принять эти меры, будет заражён весь квартал, а затем... Ясно, да?

- Да. Страшно даже представить себе.

– Вот именно. Само собой, уничтожены будете и вы. Достаточно было приблизиться к ней...

- Я не приближался!

– Всё равно, вы вошли в дом, прикоснувшись к той же двери, что и она... *(Шипение.)* А что это вы, собственно, так разволновались? Это же мысленный эксперимент. Плод воображения, так сказать.

- А эти... там... они тоже... плод?..

– Возможно. Возможно. Вопросы задаю я. По всем правилам мне следовало бы прекратить тестирование. Но поскольку вы всё равно будете уничтожены...

– Так, значит, мысленный эксперимент, да?! Я отказываюсь продолжать тестирование!

Шипение.

– Поздновато. Могу напомнить вам ещё один старинный оборот речи: раз уж попал дьяволу в зубы, так не дёргайся!.. Знаете, что значит «дьявол»?

– Знаю: ругательство... Не знаю, что значит «зубы»... А, да идите вы! Я не желаю больше говорить с вами!!!

– Ваше желание в данном случае не слишком существенно. Вы будете говорить, желаете вы того или нет. Ваша вина чудовищна и неопишима, поэтому вы будете не просто уничтожены. Уничтожен буду и я...

– Приятно слышать.

Шипение.

– Не думаю, что вам будет приятно это видеть, не говоря уж – исполнять.

– Что?!

– Так-то. Вы, кажется, интересовались, что ждёт тех, кто проводит тестирование? Теперь вы знаете. А разве вам не было известно, что каждая мысль немедленно воплощается в реальность? По крайней мере, каждая мысль средней головы? А? Что, в школе это называли ересью, да?

– Я не хочу говорить с вами!

– А с девушкой? (*Смеясь всё громче и громче.*) Её сейчас приведут сюда. И те, кто приведёт, будут уничтожены. Вами. Собственноручно. Потом вам придётся уничтожить и меня. А потом... Да-да, я вижу, вы уже поняли: тот, кто отказался тестироваться, выбрал куда более счастливый вариант. Хотя некоторые говорят, будто в последний момент он закричал, что согласен на тестирование... В любом случае, таких, как он, мало. Очень мало. Правда, в последнее время становится больше. Но вы – не из их числа. А теперь приготовьтесь – девушка сейчас войдёт сюда...

Громкое продолжительное шипение – теперь смеются оба.

.....

– Проснись, проснись, пожалуйста!

– А? Я кричал, да?

– Даже не кричал, а... такой странный звук... такой неприятный...

– О, это был сон, сон! Какое счастье! Спасибо тебе, спасибо!

– За что?

– За то, что будишь вовремя, за то, что ты есть... Дай руку!

– Что дать?

– Тьфу ты! Я ещё не совсем проснулся!

– Ну так просыпайся, глупый! Сегодня южное течение, так приятно... Скорей, лежебока ты: поплывём на утреннюю охоту, а то прозеваем!

– Ага, утреннюю охоту прозевать ни к чему. Я жутко голодный!

– И я...

И тишина.

Идиллия вторая.

КАМЕНЬ КАМНЯ

Он шёл уже много часов. Деревья расступались перед ним, образуя тропу там, где её заведомо не могло быть, едва заведя отблеск Камня у него на груди. Лишь однажды на него бросилась жёлтая «птицерыба», самое свирепое и самое тупое существо в лесу; она рассыпалась в прах, едва коснувшись щупальцем Камня.

Он даже не взглянул на неё. Он устал. Это выдумки, что люди их цеха не устают. Не так быстро, конечно, как простые смертные, но зато гораздо сильнее. Когда он снимет Камень... но об этом сейчас не хотелось даже думать.

Кусты шархнулись влево и вправо, и он вышел на поляну. По периметру её возвышались менгиры, а в центре – полуразрушенный нураг, уменьшенная копия той, Первой Башни.

Он подошел и коснулся Камнем стены башни. Стена расступилась, и он шагнул...

...И оказался в начале своего пути. Так было уже дважды, и он знал, что рано или поздно возьмёт верх. Пусть живущий в Башне сопротивляется сколько может...

Он снова вышел на поляну и снова коснулся стены Башни. И на этот раз Живущий в Башне вышел ему навстречу, и при виде его пришедший впервые ощутил смутное беспокойство, потому что сила Камня велика, но не беспределна, а на каждую силу есть своя противосила...

И Живущий в Башне рассмеялся, и смех его был не весел, и сказал, что об этом надо было думать раньше и что ежели Пришедшему так приспичило его уничтожить, то так

тому и быть. Но поскольку и Поляна, и Лес, и весь Этот Мир, в том числе и Пришедший, созданы им, Живущим в Башне, то всё это исчезнет вместе с ним.

– Ты готов? – спросил он, и Пришедший не нашел, что ответить, а только схватился за Камень. И Живущий снова рассмеялся коротко и заколебался, точно нагретый воздух. И Пришедший взглянул на себя, потому что он не был трусом, и увидел, что то же происходит и с ним.

И тогда оба обратили взгляды к Лесу, чтобы увидеть распад своего мира. Но Лес только ближе придвинулся к Поляне, ибо и деревьям свойственно любопытство, а страха, в отличие от людей и магов, они не ведают.

И тогда Живущий и Пришедший обратились в камни, неотличимые от прочих камней на поляне, потому что когда маг уничтожает созданный им мир, это не обязательно означает исчезновение мира для кого-нибудь, кроме самого мага...

.....
...И тогда я, автор, вышел на Поляну и взял Камень с поверхности того камня, что был ближе к краю. Он не изменил свой цвет, и это означало, что силы его на пределе – молодой Камень убил бы меня мгновенно, и этот рассказ не был бы дописан. Правда, и за прикосновение к старому Камню расплата неминуема, но ведь за всё надо платить. Хотя мы, авторы, наловчились оттягивать расплату до бесконечности и так привыкли к этому, что искренне удивляемся, когда нам всё же предъявляют неизбежный счёт.

И я отнес Камень ей, свету моего дыхания и дуновению моих глаз, но, конечно, не отдал в руки и даже не позволил посмотреть на него, а только зажал крепче в кулаке и попросил её назвать самое заветное желание; и всеми своими силами, которых оставалось не так уж много, потому что нести даже старый Камень очень трудно, если ты не маг, пожелал: пожелай того же, чего желаю для тебя и я!

Но она, и этого следовало ожидать, лукаво пожелала, чтобы я написал этот рассказ. И я, куда денешься, написал его и ещё много других рассказов, и не только рассказов, и получил «нобелевку»; правда, инфляция к тому времени достигла такого размаха, что премии едва хватило купить ей мороженое. Хорошо ещё, что она очень любит мороженое; а я к тому же купил самое её любимое, земляничное.

А расплата ко мне пришла в своё время – я тоже окаменел. Но это оказалось совсем не страшно – куда страшнее мне было, когда в юности я предсказал себе, что превращусь в дерево.

Я счастлив теперь – когда она летит за своими эмрами, то иногда отдыхает на мне. Я пытаюсь сказать ей что-нибудь, и она понимает мой язык, хотя и не говорит на нём. Но разве недостаточно, если тебя понимают?

И тишина...

Идиллия третья.

ТРОЕ

Три одинаковых существа брели по бескрайней пустыне. Они были неотличимы друг от друга, как три одинаковые маски. Когда-то они были частями единого и, вероятно, счастливого существа и всё ещё помнили об этом, хотя и довольно смутно. Связь между ними уже не была наглядной, но ещё ощущалась достаточно прочной – расстаться они не могли при всём желании. А желание такое явно имело место – это было очевидно хотя бы из того, что они ни в чём не могли согласиться между собой. Все трое носили одинаковое имя – Эр. Этим звуком когда-то начиналось длинное имя, настоящее имя единого существа, теперь же остался рудимент – почти бессмысленный. Упорно причиняя себе боль подчёркиванием своей разности, они звали друг друга: Эр Первый, Эр Второй, Эр Третий. Впрочем, Третий никого никак не называл, предпочитая хранить молчание.

– Эта пустыня когда-то была океанским дном, – убеждённо заявил Эр Первый.

Он произнёс эти слова, вероятно, в тысячный раз, но убеждённость его была не меньше, чем в первый.

– Никакого океана нет и никогда не было, – не менее уверенно ответил Эр Второй.

– Было! И есть! Потом вода отступила. Но если идти всё время в этом направлении, не сворачивая, непременно выйдешь на берег!

– Это пустые иллюзии, тупиковый путь. Пустыня была всегда и всегда будет. Слова «вода», «океан», «берег» не означают ровным счётом ничего, это утратившие смысл

древние символы. Никто никогда не видел никакой воды. Но если бы даже это было реальностью – откуда нам знать, что двигаться надо именно в этом направлении, а не в противоположном? Пустыня простирается на все четыре стороны...

Эр Третий не потрудился даже открыть рта, чтобы оформить в слова свои мысли: «Может быть, прав Первый, а может, Второй... а скорее всего, никто не прав. Есть океан или нет, дойти к нему нам не по силам. Мы не знаем, куда идём, хотя Первый и уверяет, что ему это известно. Как же – наитие! Мы не знаем, как долго идти – наверняка этот путь дольше одной жизни. И даже если мы дойдём до этого самого пресловутого океана – откуда мы узнаем об этом? Ведь мы не имеем ни малейшего представления о том, на что он похож, если, конечно, не считать запутанных преданий, невнятно повествующих о его безумной красоте и грозной силе...».

Нить его размышлений прервалась, потому что он споткнулся. Когда же увидел, обо что, то вопреки обыкновению открыл рот и позвал:

– Эр!

Второй и Первый остановились и обернулись к нему. Третий поднял с песка непривычной формы предмет, серый с одной стороны и переливающийся розовым с другой.

– Ну! Говорил я вам... – у Первого прервалось дыхание.

– Что? Это и есть вода? – изумился Второй. – Я как-то иначе себе представлял...

– Да нет же! Какая вода?!. Это раковина, морская раковина! Ну, теперь вам ясно, что здесь было морское дно?!!

– Ерунда! – фыркнул Второй. – Я не очень-то представляю, почему это именно, как ты утверждаешь, раковина, а не выветренный камень, например, и мне не особенно ясна зависимость между раковиной и водой... но хоть бы

и так – разве из этого следует, что океан где-то существует сейчас и что мы к нему и впрямь приближаемся, а не отдаляемся, например?

«Как им не надоест жевать одну и ту же мочалу, – думал Третий, уже жалея, что привлёк внимание к находке, – неужели они в самом деле не понимают, что нам никогда не узнать, есть океан или нет, и если есть, то океан ли это или что-то другое, на него похожее... Бессмысленный спор, бессмысленный путь. Можно было бы брести в противоположном направлении, можно было бы остаться на месте и ждать, когда занесёт песком... бессмысленно вот так тащиться за ними, бессмысленно спорить с ними...».

Никто из них, впрочем, не удивился особенно, когда за песчаными холмами сверкнула серо-стальная полоска, расширяющаяся по мере приближения.

– Это... оно? – неожиданно робко спросил Второй.

– Кажется, да... – ответил, помедлив, Первый.

Третий хмыкнул.

Они вышли на пляж. Воды было так же много, как раньше пустыни. Сине-зелёная масса, белые гребешки вспухающих волн. Берег усеян галькой, ракушками, обломками панцирей обитателей вод.

– Там, в глубине, их много, очень много, – сказал Первый, – от гигантов до крошек, от хищных до безобидных, от прекрасных до чудовищных... и они никогда не знали горячего ветра пустыни... и это всё – океан... и мы...

– А здесь неплохо, – впервые улыбнулся Второй, с наслаждением опустившись на влажный песок у самой воды. – Конечно, как по мне, так никакой это не океан... а уж что там, в глубине, это вообще...

Третий молчал.

– Мы первые, пришедшие сюда из пустыни... – заборкотал Первый; решение уже вызревало в нём, и он почти прокричал:

– Там, в пустыне, тысячи существ, не видевших воды и не знающих о ней! Мы должны вернуться к ним и рассказать... позвать!!

– Посмей только! – Второй, вскочив, загородил Первому путь. – Кто дал тебе право увлечь их в странствие, в котором, может, половина из них погибнет?!

– Да разве я имею право не увлечь их, из пустыни – к морю?!!

Третий без особого интереса наблюдал, как движения их делаются всё более угрожающими, а слова – неразборчивыми, как они вцепились друг в друга и покатались по песку и как, наконец, они оторвались друг от друга, чтобы недвижно рухнуть в разные стороны: Первый – по направлению к пустыне, Второй – к воде.

И тогда Третий понял, что с их гибелью кончится и его жизнь, потому что они всё ещё оставались частями единого целого, но не испугался, ибо успел ощутить, что океан вздыбился и сейчас возьмёт их к себе, снова сделав одним, а затем вернётся туда, откуда когда-то отступил, – в пустыню...

И тишина...

Идиллия четвёртая.

ПО СПИРАЛИ

...Смутно знакомый городок. Зима. Ночь. Я приехал сюда после окончания института. И попал в компанию лыжников. Среди них – она. Ей лет шестнадцать, она ещё не знает меня. Трогательные светлые косички даже отдалённо не напоминают будущую броскую копну. А вот часы – она сдвигает варежку, смотрит – те. Она с одним из парней.

Я ухожу. Иду один.

Вдруг она догоняет меня. Пожалела ушедшего от ночи.

Мы идём вместе, осматриваем маленькую церквушку, старинную пушку на перекрёстке, памятник какому-то флотоводцу...

– Интересно здесь, – шёпотом говорит она.

– Для меня интересно вдвойне. Я путешествую в прошлое, – отвечаю я с известной долей рисовки (это помимо меня, просто невольно хочется заинтересовать её, хоть и знаю, что зря: и ничего не изменит, и всё равно это только сон). Она так и понимает, как интересничанье, и пропускает мимо ушей. Хотя, как всякой девчонке, ей это нравится.

И тогда я рассказываю ей, что скоро она поступит в институт, потом переведётся на второй курс нашего, и я увижу её в профиль на семинаре по философии и влюблюсь со второго взгляда... Я только не рассказываю конца этой истории, потому что и сам его толком не знаю.

Она слушает, ей очень интересно, но вдруг вспоминает, что надо вернуться к своему парню.

И мы идём обратно. А потом я прощаюсь с ней и ухожу. Иду один по светлеющей улице и думаю о том, что сон сейчас кончится...

Утро пасмурное. Не то густой туман, не то редкий дождь.

Киваю вахтёру, поднимаюсь на пятый этаж, в свою лабораторию. Халат, перчатки.

Лаборатория выглядит так, словно в неё собрали хлам со всего института и постарались распределить по углам с минимальной живописностью. В действительности этот хаос создавался не один день. И не первый день я даю себе клятву навести, наконец, порядок: убрать мусор, выбросить изрядное количество банок, где неизвестно что содержится, переставить книги так, чтобы нужные были под рукой, отрегулировать рефрактометр...

Но ни до чего не доходят руки. Всё время более неотложные дела, опыты, копание в реферативных журналах и справочниках...

Вот и сегодня – полдня уходит на опыт, который кончается ничем. Может быть, побочный продукт реакции действует как ингибитор. Чёрт его знает! Вещество новое, методика ещё не отработана, сюрпризов не счесть.

Появляется шеф. Ему, как водится, всё ясно. Моё предположение с ингибитором никакой критики не выдерживает, тут всё дело в... (Эффектная пауза. Поспешно делаю старательно-понимающее лицо.)

– ...всё дело в метиловых группах! – заканчивает шеф.

– А-а!

– Попробуйте снова, но без растворителя. Нагревайте помедленнее. В таком духе и действуйте!.. Чёрт, да что у вас тут гвозди торчат! – шеф, как всегда, зацепился карманом своего накрахмаленного халата за гвоздь, торчащий из стенки лабораторного стола.

– Сейчас вобью! – заверяю я.

Шеф, уже выходя, останавливается в дверях, секунду внимательно смотрит на меня и чуть заметно пожимает плечами:

– Дело ваше, конечно, но лично я бы его выдернул!..

Со стен на меня укоризненно взирают портреты: элгантный Лавуазье, похожий на Сен-Жюста, Менделеев, заросший и исподлобый, как неандерталец, и Бутлеров, на котором моя фантазия иссякает...

Дома меня никто не встречает. Жена в командировке и вернётся только послезавтра. Холодно, пусто и пыльно. Из-под тумбы письменного стола торчат чёрные шары гантелей, как груди маленькой негритянки. Надо бы размяться, но сегодня я что-то устал больше обычного. Возиться с ужином тоже неохота, сооружаю себе бутерброд и сажусь к столу. Откладываю в сторону начатый перевод статьи из «Кемикл Абстрактс» и берусь за давно задуманную и выношенную фантастическую повесть на конкурс.

Начинается повесть с того, как некий молодой химик – мэнээс некоего НИИ – устраивает в лаборатории взрыв, что-то напутав в параметрах заурядной реакции. К счастью, рядом никого – обходится без жертв, только стёкла вылетают. Сам он, надышавшись заполнивших помещение паров (их вскоре вытягивают сквозняк и вентиляция), теряет сознание, приходит в себя в больнице. Апельсины от друзей, возвращение на работу, втык от начальства... Через несколько дней вдруг замечает в своём поведении резкие перемены. Расчёты делает в уме, многоступенчатые эксперименты – запросто. Короче, поумнел, и сильно.

В лаборатории, кроме него, работают пятеро парней. Не сразу, с колебаниями, готовый обернуть всё в шутку, рассказывает им. Поумневшему, ему ясно, что причина – взрыв, точнее, пары вещества, образовавшегося при взры-

ве и как-то воздействовавшего на мозг, но поверят ли они, прежние? Однако они верят почти сразу. До взрыва они все были умнее его, он «не тянул», мучился из-за этого, хотя и не настолько, чтобы возненавидеть их.

Все вместе они пытаются воспроизвести взрыв. То, что получилось случайно, нарочно сделать трудно. Они устраивают несколько взрывов. Перебито немало посуды, двое из них едва не погибают, их всех чуть не выгоняют с работы, когда вдруг им везёт, невероятно везёт: получилось! Правда, не удалось ни наконденсировать хоть немного таинственного вещества, ни замерить параметры реакции – взрыв всё разнёс; но они уверены теперь, что смогут сделать то же и в третий раз. Главное – ближайшая цель достигнута, все они становятся на голову выше обычных людей.

Хэппи энд? Не тут-то было!

Первооткрыватель несчастен. Он снова стал нетянущим среди них, хотя для всех прочих он – талантище.

Но это бы ещё куда ни шло. Пятеро выросли и нравственно тоже. Никакого третирования его не допускается. Напротив, всё время подчёркивается чувство благодарности. Он чувствует себя как бы их отцом.

Гораздо хуже другое: реакция окружающих. Их можно понять. Невесть как, вдруг – лаборатория уникалов, снисходительно посмеивающихся над авторитетами и классиками, в небывалые сроки делающих работы на уровне докторов и даже – тсс! – членкоров! Что делать их шефу? Что делать директору института? Что делать коллективу института? В коллективе разные люди, плохие, хорошие, хороших больше, но и тем и другим трудно общаться с «гениями». Унизительно ощущение своей ограниченности, чужого превосходства. То, что испытывал раньше к своим товарищам первооткрыватель, стало, взятое многократно, страшным. Да и в чисто житейском плане – куда их девать?

Они хотят работать так, будто не существует плана, программы исследований, руководства и пр.

Их сперва уговаривают «не дразнить гусей», потом дело доходит до расформирования лаборатории. Они пытаются предложить своё открытие всем, но парламентом к директору делают первооткрывателя, и это их ошибка. Директор, неплохой психолог, быстро раскусив его, спрашивает, каково будет тем, кто, подобно первооткрывателю, «не тянул», – каково будет им, поумневшим, от сознания своей негениальности. И вообще – есть вариант с местом завлаба...

Коллектив лаборатории разогнан. Первооткрыватель, ставший шефом нового коллектива, долго не выдерживает. Зуд совести плюс обычность сотрудников, кажущаяся ему непроходимой тупостью. Начинает пить. Конченный человек.

Остальные пятеро ищут работу. Найдя, сперва быстро продвигаются, потом вынуждены уходить, так как всё те же трения да ещё их навязчивая идея сделать умными всех (любопытный гибрид эгоизма с альтруизмом).

Двое пытаются жить, как все, пользоваться умом в меру и т. д. Это для них адский труд – как зрячему ходить, прикидываясь слепым. Один из них приспосабливается и... глупеет всерьёз. Видимо, насилие над мозгом не проходит бесследно. При встрече с бывшими друзьями не узнаёт их или делает вид, что не узнаёт. Второй – сходит с ума. Трое оставшихся навещают его в психиатричке. Он узнаёт их. Тяжёлая сцена.

Они, эти трое, продолжают дело. Работают не по специальности, кто где, а в свободное время, дома, пытаются получить проклятое вещество. Сложности с семьями, соседями, подругами, милицией. Взрывы. Один гибнет. Двое оставшихся чуть не попадают на скамью подсудимых. Они

рады бы хоть так привлечь внимание, но... чем докажешь? Вещества-то нет.

Обстоятельства раскидывают их в разные города. Они продолжают работу. Ощущают себя как бы последними из могикан. Переписываются. Понимают, как нелепа их попытка кустарными экспериментами осчастливить человечество. Но не бросают.

Затем один из них встречается женщину, о которой давно мечтал. Постепенно отходит от работы.

И почти одновременно второму улыбается удача: вещество получено, сконденсировано и высушено. Остаётся пускать его в серийное производство. Он смотрит на крохотные кристаллики, сам себе не веря...

И вот – через энное количество времени – вещество продают во всех аптеках. Все покупают его, принимают и умнеют.

И ничего не меняется.

Дураки остаются в дураках, только на более высоком уровне...

Я ставлю точку, потом ещё две и задумываюсь. Машинально смотрю на часы.

Три часа ночи. Или это уже считается утром?

Часы женские, это часы моей жены. Когда мы расписались, то вместо колец обменялись часами.

Надо спать, но спать совсем не хочется, хочется есть. Я ведь толком не ужинал. Иду на кухню и жарю себе яичницу. Не стоило бы, конечно, наедаться перед сном, кошмары сниться будут, ну да мне не привыкать.

Завтра пятница, последний день рабочей недели. Говорят, сны на пятницу сбываются...

Идиллия пятая.

МЫ С МАГОМ

(в соавторстве с АЛЕКСАНДРОМ ЧЕРНОВЫМ)

– ...Остерегайся грехов слова, будь сдержан во всем, что касается слова, избавившись от грехов слова, будь безгрешен словом!..

На полу в позах лотоса и полулотоса сидели мои приятели, некоторые уже почти без помыслов и желаний. Кто-то попытался шевельнуться. Магнитофон тотчас отреагировал:

– Остерегайся грехов тела, будь сдержан во всем, что касается тела, избавившись от грехов тела, будь безгрешен телом!

– Кончай проповедь! Бога нет! – заорал я с порога.

– «...сказал Остап, вызывая врагов на диспут, – с ходу включился магнитофон. – “Нет, есть!” – возразил ксендз Алоизий Морошек. “Ксендз! Бросьте трепаться! – строго сказал Остап. – Я сам старый католик и латинист. Пуэр, соцер, аспер, генер, либер, мизер, веспер, тенер...”».

Приятели поднимались из лотосов, как молодые будды, и по одному исчезали за дверью. Последний меня узнал.

– Бог есть? – робко спросил он.

– Нету! – уверенно ответил я.

– Ну, будь здоров...

– Аминь! – хихикнул магнитофон.

– Я те дам «аминь»! Ты что это мне людей чуть в нирвану не загнал?!.

– Ничего, на воздухе отойдут! А что, лучше, что ли, когда они каждый божий день треплются обо всём понемногу и ни о чём в результате?

– Сейчас ты у меня отойдёшь! Мало того, что, когда я ем, ты чавкаешь, а по ночам храпишь!..

– А почему ты забываешь меня выключить? Думаешь, мне отдых не нужен? А включённым спать я не могу – так, дремлю вполглаза. Вот и храплю – от усталости...

– А когда я телевизор смотрю, ты врубаешь джаз на всю катушку тоже от усталости?

– А чего ж ты смотришь первую программу, когда по второй футбол? Могу я выразить свой протест?

– Ох, Маг, дожدهшься ты, что я выражу!..

– Опять скандалите?

На пороге стояла Светка. Я и не услышал, как она вошла (у неё свой ключ).

– Светлячок, привет! – обрадовался Маг. – Я уже скучать начал!

– Ну, ты, – буркнул я, – тебе кто позволил её Светлячком звать?

– Ревнуешь? – поддразнила Светка.

– Ясно, ревнует! – нагло заявил Маг. – Лопух ты, хозяин! Чем ревновать к бестелесному существу... и вообще, женились бы вы скорей, что ли!

– Вот как раз тебя забыли спросить!

– А чего? Я вам что, неродной? – и Маг заиграл «Свадебный марш».

– А что это вы футбол не смотрите? – попыталась переменить тему Светка.

– Ёлки-палки! – поперхнувшись маршем, завопил магнитофон. – Я тут с вами голову морочу, а там же «Динамо»!.. Включай скорей!!!

На экране «Динамо» как раз шло в атаку, поминутно создавая остроконфликтные ситуации.

– Урррра! – возопил Маг.

Мы со Светкой подхватили. Однако мяч был упущен. Противник перестроился и побежал в контрнаступление. Страсти до того накалились, что я мельком подумал, не перегрелся бы магнитофон, но тут же об этом забыл и вспомнил только в перерыве, после звонка из милиции:

– После матча зайдите опознать вещи!

Тут лишь мы заметили, что Маг исчез, а вместе с ним – Светкина куртка и другие предметы.

В милиции меня встретили озабоченно.

– Не каждый день Лобзик с повинной приходит! – покрутил головой капитан.

– Раньше вообще не приходил! – поддакнул сержант.

Выяснилось, что матёрый домушник Лёха Лобзик явился в отделение белый, как майонез, и смог выдать из себя лишь мой адрес... Надо полагать, что не успел он выйти на улицу, как Маг пристыдил его и предложил пойти сдаться добровольно. Перепуганный ворюга так и сделал...

Всё бы хорошо, но после этой детективной истории Маг захворал: хрипел, кашлял, болтал на неизвестных языках и, наконец, вовсе смолк.

– Может, этот бандит его уронил с перепугу? – спросил я Светку.

Она лишь молча пожала плечами.

– Может, попробуем отнести его в починку?

– С ума сошёл? Чтобы окончательно его угробить?

– Ну, я им попробую объяснить...

– Что объяснить? Что в магнитофон дух вселился?!

– М-да... И ведь не поверит никто...

– Ещё бы! Мы, что ли, сразу поверили? Помнишь, как ты ему заявил, что никаких духов нет и быть не может,

а он тебе ответил, что есть, только с каждым годом их становится всё меньше, особенно добрых, потому что злые как-то приспособливаются, а добрые пытаются остаться самими собой...

– А ты ещё спросила: а он какой, злой или добрый?..

– Ага! А он так обиделся: неужели не ясно?! А помнишь, как мы обнаружили, что он телепат?

– Помню, конечно...

Маг очень любил рассказывать сказки соседским детям. Один мальчик был глухим от рождения, но, как выяснилось, сказки Мага он прекрасно слышал.

– Знаешь, Свет... я его однажды спросил... ну... любишь ли ты меня...

– Знаю.

– Откуда?!.

– На тебя это похоже.

– А ты... не спрашивала?

– Зачем? Я тебе и так верю.

– Светка!..

– Не надо... Включи лучше приемник – хоть что-то звучать будет...

Я машинально включил транзистор.

– Привет, ребята! – весело сказал приемник. – Извините, забыл предупредить: мы весной меняем оболочку. Что вам сыграть?

Идиллия шестая.

ГДЕ КОРЫТО ЗАРЫТО?

(в соавторстве с АЛЕКСАНДРОМ ЧЕРНОВЫМ)

Оно стояло у стены. Кузя угрюмо споткнулся и помял бок.

– Будете брать? – вежливо удивился продавец.

– Цинк, – глухо ответил Кузя, потирая вогнутое место. – Дефицит. Беру.

Корыто ухнуло, Кузя крикнул и взвалил покупку на плечи.

В пивной была очередь. Кто-то постучал воблой в цинковое дно. «Семён», – не глядя, определил Кузя и отодвинул корытом пол-очереди.

– Две? – недоверчиво переспросила буфетчица, поглядевшись в корыто.

Пиво пахло мылом и юностью, корыто чутко реагировало на каждый глоток. Семён слушал истоиво, с затаённым страхом. Расстались на трамвайной остановке. Целиком в вагон корыто не влезло, половина торчала наружу гигантским ухом. На повороте поймали мотоциклиста. Тут же появился контролёр и стал придирааться. Кузя отказался платить за корыто и мотоцикл, как за багаж, и вылез, не доехав. Впрочем, трамвай всё равно был не тот.

Спускаясь по эскалатору в метро, Кузя увидел впереди себя молоденького лейтенанта. Каждая складочка на нём была уставная, каждая пуговка сияла медалью, и весь он был словно только что с витрины военторга.

Эскалатор дёрнулся, Кузя пошатнулся и выронил корыто. Оно с грохотом поскакало вниз по ступенькам, удари-

ло лейтенанта под коленки, тот шлёпнулся в корыто и понёсся вниз на перрон, в самую середину заинтересованной толпы!

Всем, кроме Кузи и лейтенанта, происшествие понравилось. Кузя отобрал корыто, шагнул в вагон и перегородил его корытом на две неравные части. Он всё больше привязывался к корыту, чувствуя себя с ним уверенным хозяином жизни. Рядом с корытом всё казалось мелочным и случайным.

Выйдя из метро, Кузя попал под дождик, который медленно, но верно набирал силу, о чём-то весело переговариваясь с корытом. Кузя шел под своим приобретением, нестигаемый, как мальтийский рыцарь.

– Где ванночки дают, гражданин? – раздался слева молодящийся женский голосок.

«Ванночки!» – обиделся Кузя и прибавил ходу.

– Псих! – отреагировал голосок.

– САМА ТАКАЯ!!! – срезонировало на всю улицу корыто...

Идти было далеко и неудобно.

«Ну вот, причапаю я, – размышлял с голоду Кузя, – так разве ж Лиза сразу пожрать даст? Ведь сперва ж вопьётся, как бормашина: где шатался, с кем пил, зачем купил, у всех мужья как мужья, и когда эта нервотрёпка кончится, о детях бы подумал, а то вон Рёмка второй раз защиту кандидатской заваливает, а Панька и вовсе ополоумела, в стюардессы намылилась, а сам-то на кого похож, крокоидол, я те покажу дефицит, жена родная голая-босая ходит, а он дефицит покупает...».

Усталость брала своё и чужое. Кузя ввалился, как танк, в ближайший подъезд, распугал влюблённых, поставил корыто и уселся на него, свесив ноги и продолжая думать в том же направлении:

«Ведь до чего ж довела, сказать стыдно – дёргаться начал! Раньше такое бывало? Ни-ни! Раньше от меня кто хошь дергался! А теперь вон руки дрожат, в бровях тик, в носу свербит и мальчики в глазах! А ведь я, можно сказать, человек! Царь природы! Был всем, стал ничем! Все через неё, лахудру!...».

И Кузя задремал.

Снилась ему Лиза. Она была с парашютом, как Бабетта в одноименном фильме, на который Кузя когда-то по ошибке сводил Лизу, и с этого-то всё и началось. Лиза подмигивала ему и говорила почему-то голосом соседки Сысоевны: «Спишь, крокоидол мой ненаглядный, а Рёмка-то с коллинеарными векторами мается, а отцу и горя мало, пропадай, сынок!...».

«Да плюнь ты, Кузя, на эту стервь! – сказал вдруг Семён, тоже голосом Сысоевны. – Давай-ка лучше ещё по пивку!...».

«Эх, Сёма, – всхлипнул во сне Кузя, поудобнее сворачиваясь на корыте, – не доехал ведь я до дому, сижу на корыте и сплю, как собака...».

«Знаю, милок, знаю, – запела своим голосом Сысоевна, слышавшая в их пятиэтажном крупнопанельном доме ведуньей и фарцовщицей, – что не дошёл ты до дому, сидишь на корыте и спишь, драгоценный, а вся-то жизнь твоя через это самое корыто переменится, сахарный, потому как не простое оно, а вовсе заколдованное!».

«Ну?!» – удивился Кузя и поплотнее прижмурил глаза, чтобы не проснуться.

«С места не сойти, как есть заколдованное! – подтвердила Сысоевна. – На микросхемах и мультистатах!».

«И чего оно может?».

«А чего твоя душенька, рассеребряный, пожелает, то и может! Ты только скажи: «Шито-крыто, ламцадрита, где корыто зарыто!» – и сплюнь семь раз: три раза влево, четыре вправо! Да смотри, не перепутай, а то быть беде!...».

«Проснитесь, гражданин!» – веско сказала вдруг Лиза, появляясь откуда-то уже без парашюта, но в милицейской фуражке.

Кузя открыл правый глаз.

Милиционер недоверчиво к нему приняухивался.

– Не пьяный я, – загрустил Кузя.

– Разберёмся. Вставайте, гражданин! Корыто ваше?

«Может, сон ещё не кончился?» – смутно подумал Кузя и прошептал:

– Шито-крыто, ламцадрита, где корыто зарыто! Сгинь, уйди! – после чего сплюнул семь раз: три влево, четыре вправо, согласно инструкции.

Милиционер посмотрел на него с некоторым недоумением и, слова не сказав, повернулся и вышел из подъезда.

«Действует!!!» – похолодел Кузя...

Дальнейшее известно достаточно хорошо, поскольку вошло в фольклор едва ли не всех народов Земли, от Гренландии до таинственного Тибета. Поначалу запросы Кузи были невелики, и, даже воздвигая Баальбекскую платформу, он стремился лишь к максимальному удобству распития и закусывания. Однако впоследствии, эмпирическим путем освоив свою власть над временем и пространством, увидев, что преград его желаниям практически нет, Кузя стал стремительно становиться тем, что он есть сейчас, проходя при этом через самые разнообразные стадии. Врожденная малозаметная хромота Кузи не только пугающе отразилась в мифе о Вёлунде, но и повлияла на формирование образа дьявола в средние века; побывал он, впрочем, и святым Козьмодемьяном (он же Сварожич в языческом пантеоне). Не случайно в русском языке слова «кузнец» и «козни» однокоренные, хотя никому почему-то не приходит в голову увязать это, например, с серией известных анекдотов

(«А что это за хмырь к нашему Кузе обниматься лезет?..») или с определенными мотивами в японской мифологии, или с некоторыми спорными местами «Илиады»... и так далее.

Деятельность Кузи стала настолько всеобъемлющей и хаотической, что уже не может быть оценена реально. В сущности, её как бы и нет. Да, это он создал Атлантиду – но он же её и уничтожил; и так во всём.

Сейчас Кузя, видимо, далеко за пределами нашей солнечной системы и, может быть, метagalактики: то и дело вспыхивают новые сверхновые и квазары. Говорят, скорость разбегания галактик увеличилась и довольно заметно. Ничего удивительного.

А всё-таки стоит по-человечески пожалеть Кузю: какие бы ужасы, восторги и катаклизмы ни предстояли ему ещё впереди, каких чудес и костров ни насочиняют они с корытом в пучинах времени и пространства, всё равно в глубине души (если только к Кузе всё ещё применимо понятие «душа») он, несомненно, тоскует о потерянном рае пивной, нежной пене над кружкой и радужной улыбке воблы!..

Идиллия седьмая.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

(в соавторстве с АЛЕКСАНДРОМ ЧЕРНОВЫМ)

– Я собрал вас, чтобы сообщить радостное известие: мне пора отправляться в Реальность. Точнее, в Россию девятнадцатого века. Сегодняшнюю консультацию посвятим разбору моих предполагаемых действий *т а м*. У кого есть вопросы? Прошу.

– Учитель, но ведь именно в России девятнадцатого века уже работает сотрудник нашего сектора. Чем вызвана необходимость Вашего перемещения?

– Есть все основания думать, что реальная жизнь нашего сотрудника вскоре прервется и он возвратится в Центр. Видимо, моим первым действием в Реальности будет именно творческий протест против его физического уничтожения.

– Но, надеюсь, этим не ограничиваются Ваши литературные планы?

– Естественно. Мне хотелось бы закрепить творческие достижения моего предшественника и в какой-то мере определить направление дальнейшего развития русской литературы.

– Позвольте мне... Уж если Вы начнете с протеста, будет ли долгой Ваша реальная жизнь?

– Скорее всего, нет. К тому же субъект, на которого обратил внимание Центр, крайне молод, горд и вспыльчив, так что факторов для физического уничтожения предостаточно.

– Мастер, но ведь если так, то Вы – полная противоположность субъекту. Не будет ли затруднений в процессе взаимодействия сущностей, его и Вашей?

– В моменты творчества, надеюсь, не будет. В остальное время реальной жизни возможно некоторое расщепление личности, но оно будет восприниматься субъектом как муки бездействия. Это должно сократить перерывы между моментами творчества, что меня вполне устраивает.

– Скажите, учитель, кто продолжит занятия с нашей группой?

– Я уже рекомендовал центру сотрудника на мое место – того самого гения, на смену которому перемещусь я. Полагаю, что он будет вам весьма полезен – ведь ваша группа, как и большинство групп этого сектора Центра, специализируется именно на России.

– Но сам факт физической гибели... как перенесёт его гений?

– Дать однозначный ответ невозможно. Мы знаем, что для гения взаимопроникновение сущностей никогда не проходит бесследно. Что-то от субъекта – иногда многое – остается навсегда. Поэтому конец реальной жизни и возвращение в Центр нередко воспринимаются гением как *несчастье*, что в какой-то мере верно...

– Что такое *несчастье*, мастер?

– Термин, принятый в Реальности. Приблизительно соответствует нашему чувству неудовлетворенности... повторяю, в какой-то мере это верно – ведь только в реальной жизни возможна *настойчая работа*... ещё один реальный термин, но, надеюсь, переводить не надо? Вы знаете, что Центр – для Реальности, а не наоборот, хотя, *что грех таить*...

– ???

– ...тоже реальный оборот речи... я хочу сказать, что контакт пока далеко не столь плодотворен, как это виделось

создателям Центра... Но мы отвлеклись. Уверен я в одном: гений будет стремиться вернуться в реальную жизнь. Сможет ли он в таком состоянии быть вашим наставником – неизвестно. Надеюсь, сможет.

– Скажите... не будет ли резкого перепада в творчестве субъекта после восприятия Вашей сущности?

– Да, будет. Когда он впервые почувствует в себе гения, его работоспособность необычайно возрастёт. Этот количественный и качественный скачок сразу бросится в глаза окружающим, вызывая восхищение и зависть.

– Сможете ли Вы взять под контроль поступки субъекта?

– Не смогу и не хотел бы, даже если бы смог. Прежде всего, как бы субъект ни выламывался из Реальности, он все-таки лучше приспособлен к ней, чем я. Главное же – именно такая, экстремальная, отнюдь не гладкая судьба, видимо, более всего подходит для воплощения гения. Подумайте над этим.

– Учитель, не испытываете ли Вы робости перед Реальностью?

– В какой-то мере. Но гораздо сильнее – нетерпение, стремление в реальную жизнь. Странно, что вы об этом спрашиваете.

– В каких жанрах Вы будете работать?

– Судя по первым шагам субъекта, начну с поэзии. Но в дальнейшем рассчитываю заняться прозой и драматургией.

– Мастер, меня, как будущего прозаика, интересуют Ваши планы...

– Планы – громко сказано, но некоторые наметки есть... Хотелось бы создать образ человека одарённого и образованного, но как бы разомкнутого с действительностью, не интегрируемого средой. Переживания его можно срав-

нить с переживаниями гения, безуспешно стремящегося в Реальность. Мои предшественники уже предприняли вылазку в эту область. Правда, в ином жанре.

– Мастер, не предполагаете ли Вы также дать образ человека не столько образованного, сколько стремящегося к знанию... к попытке воплощения каких-то идеалов... хотя бы в плане бытовом... извините мою сбивчивость... его разобщенность со средой может проявляться не только на уровне духовном...

– Ну, это уж будет Ваша тема!

– Вы смеётесь надо мной, мастер?

– Нет, я всего лишь ещё раз напоминаю, что и Вам, как и большинству здесь собравшихся, предстоит тот же путь и что время перемещения может настать гораздо скорее, чем Вы думаете. Готовьтесь к нему постоянно.

– Возможен ли непримиримый конфликт между Вами и субъектом?

– Да, возможен. Иногда расщепление личности приводит к патологии, к распаду сознания. Творчество становится невозможным. Если не удаётся примирить сущности, мы покидаем реальную жизнь, а субъект, с точки зрения окружающих, «выздоровливает». Впрочем, нередки случаи, когда гений не пожелал уйти – в той же России девятнадцатого века, в Германии восемнадцатого века, в Паннонии девятого века, в Островной Республике двадцать четвёртого века...

– Выходит, для гения может быть предпочтительнее нетворчество, чем возвращение?

– Иногда.

– Что же, гений беспомощен перед сущностью субъекта?

– Ещё раз напоминаю: мы для них, а не они для нас. Без сущности субъекта гений не способен выразить себя принятой в данной Реальности символикой. Гений в чистом виде просто не воспринимается в реальной жизни.

– Тогда позвольте мне спросить: может ли субъект – без участия гения – создать что-то значительное, вневременное?

– Едва ли. Для этого субъект слишком рационален, слишком склонен объяснять неизвестное через известное, хотя, казалось бы, очевидно, что следует поступать наоборот... но это очевидно для нас, не втискивающих новые факты в старые концепции... Словом, безгениальное творчество в лучшем случае лишь благоприятная среда для сущности гения.

– Сможете ли Вы общаться с нами... из Реальности?

– Разумеется, нет. Но я буду постоянно осознавать ваше существование. Возможны также контакты с теми из вас, кто будет перемещён; но тут уж всё зависит от субъектов – как моего, так и ваших. Кстати, своим творчеством я надеюсь подготовить какое-то количество субъектов к восприятию ваших сущностей... в частности, Вашей...

– Вы мне, мастер?

– Да. Что-то мне подсказывает, что Вы переместитесь одним из первых.

– Скажите, учитель, субъекту сообщается что-нибудь о Центре?

– Только в туманных околофилософских намёках, которым субъект верит и не верит. Чаще всего такая информация лишь искажает представления субъекта о Реальности, но иногда служит источником остранения. Поэтому полного запрета на неё пока нет.

– Как субъект воспримет внезапно нахлынувшую мудрость? Я имею в виду несоизмеримость его и Вашего интеллектов...

– Полагаю, припишет интуитивному озарению.

– Учитель, бывает ли, чтобы субъект догадался о существовании Центра ещё до того, как с ним слился гений?

– Да, бывает. Для таких субъектов характерно искажение гения – в себе ли, в других – и в конечном счете тяга за пределы Реальности. Как правило, их творчество скопом зачисляется по ведомству фантастики... Увы, как это ни парадоксально, большинство субъектов выделяет фантастику в особый жанр и даже противопоставляет ее литературе!..

– Как это, мастер?! Разве они не понимают, что фантастика и литература суть синонимы?

– Да, для нас. Однако они почему-то упорно считают, что литература не занимается созданием миров. Между прочим, не исключено, что именно Вы попытаетесь положить эту традицию... А вообще... внимание, я обращаюсь ко всем!.. не ломайте себе над этим головы. Видимо, это одна из тех тайн Реальности, которые нам предстоит понять ещё очень не скоро...

Идиллия восьмая.

ВНЕ

(в соавторстве с АЛЕКСАНДРОМ ЧЕРНОВЫМ)

Выпей чашечку сакэ,
Обнажи катану,
Трахни друга по башке,
Чтоб ушёл в нирвану...
Самурайская песня.

На поляне был колодец, а воды в колодце не было. Так бывает со старыми колодцами, оставшимися без людей. Но девушка, из всего творившая игру, уверенно заявила:

– Будем ловить в нём рыбу!

Юноша бросил гитару на траву, выломал длинный прут в орешнике и сунул его в пустой колодец, приборматывая:

– ...берегитесь, рыбаки, на подходе рыба-кит!..

Девушка тут же оборвала игру, шлёпнулась рядом с гитарой и, завесив один глаз прядью волос, спросила:

– Ты рад, что остался со мной?

Вместо ответа он уронил прут в колодец, опустился перед девушкой на колени и поцеловал... вернее, попытался поцеловать её, потому что она увернулась, перекатившись на спину, и продолжила:

– Рад, что будешь сочинять песни только для меня?

Он опустился в траву, ткнулся лбом ей в плечо, борясь с собой. Однако то, чего не надо бы говорить, всегда выговаривается:

– Рад, что не к кому ревновать тебя!..

У девушки блеснули глаза, ей как раз того и надо было:

– Неужели ты ещё не понял? Ревность и любовь несовместимы, потому что ревность – чувство собственника, несовместимое со свободной любовью, а настоящая любовь всегда свободна!

– Ты хочешь сказать, что... если бы кто-нибудь из них остался с нами, ты могла бы мне... изменить? Что же это за любовь?!

– Ты так и не понял. Боюсь, что и не поймёшь. Изменить можно человеку, но не любви. Любовь больше человека. Ради любви не только можно, но и нужно жертвовать человеком, потому что любовь важнее. Так называемая верность – такой же враг любви, как и ревность... это вообще одно и то же, просто буквы переставлены, анаграмма... это жертва любовью ради человека, большим ради меньшего. Победа собственности. Гибель любви. Постарайся понять: любовь должна иметь всё – человек не должен иметь ничего.

– Ничего? Но ты вот, сколько я тебя знаю... – он запнулся, пытаясь вспомнить, как давно он её знает (выходило больше недели), – ...щеголяешь в джинсовом комбине-зоне и что-то никому не собираешься его отдавать...

– Умнее ничего не мог придумать? Ты думаешь, я дорожу этими тряпками? Я бы их отдала первому, кто попросил бы; я могла бы ходить в мешковине, я могла бы пройти по Городу голой! А ты мог бы? Мог бы, а?

Их джинсовые одежды выглядели, как униформа, а разнообразные феньки – как знаки различия. Судя по их количеству, девушка явно была чином выше.

– Знаешь, – подавленно буркнул он, – давай перестанем... поссоримся же...

– Боишься ссоры? Всего ты боишься: холода, боли, ссоры, моей измены... что ж ты за мужчина?

Девушка совершенно открыто провоцировала его. Для неё все люди делились на два типа: те, кого можно подавить, чтобы потом ими управлять, и те, кого подавить нельзя. Она ещё не знала, что юноша – из тех, кого можно подавить, но кем невозможно управлять.

Он взял гитару, отошёл в сторону, сел на пень и стал мрачно перебирать струны. Девушка последовала за ним и стала напротив:

– Надулся? Опять истерика? Господи, как ты мне надоел!

Он не ответил.

– Ах, ты уже и говорить со мной не желаешь? Ладно, сиди, а я пошла на разведку местности. Если не вернусь, можешь меня искать. Может, и найдёшь...

Слушая, как трещат кусты, через которые демонстративно не щадя свои «тряпки», продиралась девушка, юноша не бросился ей вслед, сам остался доволен, что совладал с собой и не бросился, взял аккорд и вполголоса запел. Петь ему не очень хотелось, но он был уверен, что искусство должно помогать именно в такие минуты:

Наши корабли в бою горели.
Цезарь и Помпей за нами гнались...

Постепенно он повысил голос, вроде и вправду помогло...

Нас топили, вешали на рее,
Применяли к нам психоанализ...

Кусты снова затрещали, только с другой стороны. Юноша сделал каменное лицо и запел громче:

Пули, пули – райских птичек стаи –
Неспроста насвистывают в уши.

Где уж вам понять, что нас заставит
Добывать, рискуя жизнью, ужин!

На поляну вышел человек – пожилой, бородатый, в мятой одежде и резиновых сапогах. Юноша поперхнулся от неожиданности, после чего счёл делом чести сперва допеть следующий куплет:

Прячемся в проливах и прорехах,
Как ножи, завёрнутые в рухлядь.
Флибустьера нынче встретишь редко,
Флибустьеры не даются в руки...

– и только потом распустить каменное лицо, встать и поздороваться с пришедшим.

Тот остановился и посмотрел внимательно, но безразлично:

– Тоже выселили?

– Да... И вас? А вас-то за что? На тунеядца вы вроде не похожи...

– Сектант я. Проповедник.

– А! Сочувствую, в таком случае, вашей секте – она ведь осталась без пастыря?

– Сам себе секта, сам себе пастырь я, – сектант тяжело сел. – В секте моей лишь я один.

– Как же вы... на что жили и вообще?..

– С места на место хожу, куда глаза глядят. Иногда сам к себе с проповедью обращаюсь. Если при том люди присутствуют, их предупреждаю, что не к ним слова мои. Но всё же они иной раз кормят меня. А каждый день не обязательно есть мне. Малого довольно мне.

– Краюху хлеба да крынку молока, – улыбнулся юноша.

– Молока не потребляю, – возразил сектант.

– И мяса тоже?

– Мясо-то как раз да, не жареное только. Гастрит у меня.
– М-да... Я б сейчас и от сырого не отказался... Ну, и о чём же вы говорите в своих проповедях?

– О Боге.

– Вы верите в него?

– Верую.

– И считаете его добрым?

– Добрее меня, стало быть, добрым.

– Не понимаю... Я вообще считаю, что верить в него не надо, есть он или нет. Если и есть, ему наплевать, верят – не верят, его не убудет... Но в принципе стремление верить мне ещё понятно, а вот как можно верить в доброго боженьку, до меня в упор не доходит! Что ж он, видит всё, что творится, и не вмешивается? Мы ведь его дети, так или нет? Вот, скажем, есть у меня маленький сын...

– Нету у вас сына, – впервые улыбнулся сектант.

– Да я к примеру... и вот иду я и вижу, допустим, что его метелят пацаны постарше, трое на одного – я же вмешаюсь, растащу их, оставлю хотя бы один на один, чтоб почестному...

– А если за дело бьют?

– Всё равно это не метод, да ещё на одного...

– По-вашему не метод, а по-ихнему и метод как раз. А вмешаетесь как? Хоть по разу, да стукнете. А не метод, говорите. Злом лишь зло умножишь...

– А мимо пройти – не зло?!

– Если верить – будет спасение.

– Это что же, я, как последняя сволочь, стану, руки в боки, и буду спрашивать: признаешь, что я твой отец родной – выручу, не признаешь – сам выпутывайся...

– Логизируете, – спокойно заметил сектант. – Логика хороша в своём, тут не поможет... Аналогия ваша бесполезна. Какой же отец, уж скорей дальний родственник...

Как вам – обезьяна какая-нибудь в джунглях. Её, небось, выручать не станете?

– А я о чём! Мы ему до лампочки! А скорей всего – он и есть вершина всего зла, которое его волей и творится...

– Дьявол вместо Бога, – покивал сектант. – Есть и такая секта.

– Выходит, я тоже сектант? – развеселился юноша.

– Выходит, так. Да ведь все люди – сектанты, от этого куда денешься.

– Ну, я-то не верю всерьёз. Ни в бога, ни в чёрта.

– Это тоже секта. Не просто не верите, а яростно отрицаете. У вас, должно быть, в личной жизни что-то очень неладно. Да не смущайтесь, не у вас одного, у всех почти. А когда особенно неладно, человек или яростно призывает Бога, или яростно отрицает. Хоть так, хоть этак, всё опора... За что выгнали-то?

– А... не работал нигде... Песни сочинял и пел на улицах... Предложили работу – петь в ресторанчике; отказался.

– Что так?

– Песня песней, а жратва жратвой, нечего их путать.

– А что ж это вы так уж жратву презираете?

– Да не презираю я. Наоборот...

Девушка, точно ждавшая за кулисами, почти бесшумно появилась на поляне, мокрая по пояс.

– Я в какое-то болото провалилась, – беспечно заявила она и начала раздеваться.

– Мы не одни, – попытался остановить её юноша.

Только теперь девушка заметила бородача:

– У нас гость? Тогда объясни ему, что я раздеваюсь и ему лучше отвернуться, если, конечно, он не предпочитает смотреть.

Бродячий проповедник отвернулся. Девушка разделась, отжала свои вещи и развесила их сушиться по кустам.

Юноша снял куртку и протянул ей. Девушка соорудила из неё подобие юбки, даже не подумав поблагодарить, и весело окликнула сектанта:

– Можете повернуться, а заодно и рассказать, кто вы.

– Уже рассказывал я. Другу вашему...

– Любовнику, – уточнила девушка. – Притом бывшему. Хотите стать следующим?

Юноша заскрипел зубами и сам сморщился, как ненатурально это вышло. А как, собственно, скрипеть «натурально»?

– Нет, – серьёзно ответил бородач, разглядывая девушку. – Не сейчас, по крайней мере.

– О, это уже нечто. Смотрите, не надумайте слишком поздно. Вы, часом, не монах?

– Почти. Сектант я.

– С вами всё ясно... Ой, слушайте, а правда, что на ваших молитвенных собраниях устраиваются оргии и всякое такое?

– Не знаю. Не с кем собираться мне.

– Ну, ничего, – утешила девушка, – со мной соберётесь.

– Ох, врезать бы тебе! – прошипел юноша себе под нос, но девушка услышала – как многие близорукие, слышала она прекрасно – и стремительно обернулась:

– Да? Ну, врежь! Ну?! Смотри только, потом не плачь! Слышал про каратэ? Знаешь, что на человеческом теле есть точки, которых достаточно коснуться?..

Юноша не стал дослушивать, глубоко вдохнул и зашагал к кустам.

– Туда не ходи, там болото! – как ни в чём не бывало крикнула ему вслед девушка. Он остановился – на минуту ему показалось, что идти некуда: справа Город, слева болото...

– Наше вам! – возник перед ним, как чёртик из табакерки, высокий парень с быстрыми глазами. – О, гитарка! А ну, дай глянуть!

И не успел юноша опомниться, как ловкие руки уже отобрали у него гитару и пробежались по струнам:

– Во лажа, расстроена, как моя семейная жизнь!.. Э, да тут лажи косяками ходят – струны нет! Не, на таком играть – здоровью вредить!

И парень одним движением оказался рядом с сектантом:

– Папаша! Купи струмэнт!

– Зачем?

– Затем! Настроишь и заиграешь! Недорого возьму.

– Она не твоя ведь.

– А ты видел?!

– Иной раз и видеть не надо, достаточно слышать. И то сказать, что сегодня моё, завтра твоим стать может, а твоё – моим. Ничто не принадлежит никому...

– Ну, ты и темнила, дед! Так не берёшь? Ну и чеши спину, сам сыграю...

Всё это произошло настолько быстро, что юноша только теперь опомнился и кинулся к наглецу:

– А ну, отдай!

– О-о, чё делается! – изумился тот, уже бренча что-то развесёлое. – Восстание ангелов! Да ты знаешь, сявка... А, ладно, держи свою бандуру, дядя шутит. Всё равно на ней только «Смерть клопа» играть...

И тут он заметил девушку:

– О! Миледи! Да здесь, оказывается, изысканное общество! Рад приветствовать категорическим путём и позвольте быть у ваших ножек!..

– Заткнись! – не выдержал юноша.

Быстроглазый лишь покосился в его сторону и снова обратился к девушке:

– Пардон, пани, этот лох всегда такой деловой?

– Всегда, – ответила девушка, разглядывая парня с интересом. – А ты кто? Тоже выселили?

– Выпустили, мисс! Вы-пу-сти-ли!!! И если вас волнует моё место в системе распределения матблаг, то колюсь, как на очной ставке: я вор в законе!

Его внимание опять переместилось на проповедника:

– Батя! У тебя пожрать нету? Меня в моём санатории последним завтраком покормить забыли!

Проповедник лишь молча покачал головой.

– Вот ты бы и достал еду! – посоветовала девушка. – Тебе же это плюнуть раз.

– Сеньорита, не продолжайте! Вас понял, спешу заключить колдоговор на благородных основаниях: я приношу жавчик, а вы позволяете мне смотреть, как вы его съедаете! Ждите меня тут!.. А ты, чуха, её не обижай! Я те ещё права покачаю, на цырлах передо мной будешь...

И вор нырнул в кусты.

– Как насчёт свободной любви за харчи? – поинтересовался юноша. Девушка смерила его взглядом:

– А ты... подумал... о том, что я, может быть, голодна? Тебе плевать, правда? Тебе одно надо!

Юноша, чтобы не отвечать, закусил зубами кулак до крови.

– Говорить буду! – провозгласил вдруг проповедник, вставая. – Все слова мои обращены только ко мне самому и ни к кому более! Ничего не знаю я о Нём, но и никто ничего не знает. Одни в небе его ищут, другие – в реках и горах, деревьях и статуях, громе и чуме, а есть и такие, что себя за Него принимают. Но Он, быть может, в зубной щётке, старой и негодной почти; утром зубы чистите вы ею кое-как, и один волосок в горле у вас застревает, и целый день слёзы катятся из глаз у вас, и не так звучит голос ваш, как обычно, и чувствуете вы себя к вечеру измученным и не идёте на свидание, и ваша любимая за вашего соперника замуж выходит...

Юноша дёрнулся и почти бегом ушёл в сторону болота.

– ...и трое детей, которые у вас с нею могли бы быть, – продолжал проповедник, – не рождаются на свет, а вечером вас останавливает у дома грабитель, и хотя вы шире в плечах и выше на голову, но уже лишены волоском воли к сопротивлению и вкуса к жизни, и отдаёте кошелёк с пиджаком вместе; правда, в кошельке всего и было, что лотерейный билет, но на него-то и упал выигрыш – яхта, на которой предстояло вам совершить кругосветное путешествие и прославиться; и, войдя в квартиру, ломаете вы почти что законченный вечный двигатель второго рода, каковой собирали по винтику не один месяц, и открываете газ на кухне, а огня не зажигаете... Велико могущество Бога, и гнев Его страшен, аминь!

Девушка, слушавшая сперва с усмешкой, потом с некоторым интересом, при последних словах неожиданно взвилась:

– Бог, бог!.. почему ваш бог так со мной обошёлся?! Знаю, скажете: это не он, это я сама, да?!.. значит, я сама виновата, что была в детстве жуткой веснушчатой уродиной в очках? что меня иначе не звали, как бруцеллёзной коброй?!! что я их всех не-на-ви-жу!!! Ежедневный аутотренинг, гимнастика, каратэ... это всё ненависть!!! Я могу спокойно избить среднего мужика, да и с двумя справлюсь... я проехала на байке без тормозов по парасету... у меня лучший прикид, лучшая коллекция дисков в Городе... я провозгласила свободную любовь... я стала образцом, мне подражали... какие они все дураки, дуры набитые, знал бы кто!!.. вот он любит меня, я же вижу! а мне плевать, я никого не люблю, никого и ничего!.. да зачем я говорю всё это?.. и кому, господи?!

– Аминь! – подытожил проповедник.

Несколько минут молчали.

– Есть хочется, ужас, – вдруг тихо сказала девушка.
– Если вы надеетесь... – проповедник мотнул головой в сторону, куда ушёл вор, – то напрасно. В Город он не проникнет, кордоны всюду поставлены. Не шутя избавиться решили от нас.

Шорох, шорох, осторожные шаги – и:

– Доброго всем здоровичка! – выкатилась на поляну женщина могучего телосложения и неопределённого возраста, с мешком за плечами.

Сектант кивнул, девушка дёрнула плечом.

– Да что ж ты, красуля, носик-то воротишь? – пропела женщина. – Вон ведь всё твоё не через мои ли руки-то прошло? И то вон, и то... – она обвела жестом всё, что сохло на кустах. – Вот разве это не моё... – задумалась она на импровизированную юбку девушки. – Надо быть, Сухоньякая спроворила...

Привлечённый новым голосом, явился юноша, бродивший, видимо, неподалёку.

– Так и есть, она, зараза этакая! – определила женщина, увидев джинсы и рубашку юноши.

– А-а, и вы к нам? – преувеличенно обрадовался юноша. – Все городские пижоны наверняка в трауре...

– Кабы так, а то ведь там Сухоньякая осталась! Она-то хитрая, в комок пристроилась, переждёт, а я вот, дурында...

– Ну, не расстраивайтесь, попрут и её. То-то вы здесь перегрызётесь! Как пауки в банке.

– Охальник! – махнула рукой женщина и повернулась к сектанту:

– Святой отец, небось, обижали они вас тут?

– Сколько уж вас просил я не называть меня так! Не отец я вам и подавно не святой!

Бесшумно, как кошка, вышел из кустарника вор. Его не узнать было – такая унылая стала физиономия.

– Хана, – горько сказал он. – В Город не пройдёшь...
Тут он увидел спекулянтку, и некое озарение посетило его. Поманил юношу:

– Канай сюда!

– Зачем?

– Не трынди! Дело есть... на сто тысяч...

Они отошли в сторону.

– Значит, так, – деловито сообщил вор, – я её отвлекаю, а ты мешок сбондишь... Ти-ха! В мешке наверняка жратва, сечёшь? Грабь награбленное!

– Но... почему я? Может, я лучше отвлекать буду?

– Во тупарь! Да меня она знает, как облупленного, на выстрел к себе не подпустит, на три метра за спиной унюхает!

– Нет... я не смогу... Может, он? – юноша кивнул в сторону сектанта.

– Ему она и так отвалит... Не коси под графа, девчонку хоть пожалей – сколько она, по-твоему, может сидеть, не жрамши?

Тем временем спекулянтка извлекла из мешка батон, кольцо колбасы, ножик, быстро соорудила два изрядных бутерброда и один предложила сектанту:

– Кушайте, батюшка!

Тот взял, церемонно поблагодарил и, жуя хлеб, протянул колбасу девушке:

– Ешьте!

– ...пасибо... – пробурчала полным ртом девушка.

– На здоровье! – поклонился сектант.

– Ну вот, – весело сказал юноша вору, – мне уже нет причин участвовать в этом деле.

– А сам чё, жрать не хочешь?

– Перебуюсь.

– Ну и соси лапу... пихарь мамин!

Юноша улыбнулся и отошёл, стараясь не смотреть на жующих. Запел:

Золотой подводной лодкой
Выплывает новый день.
У пирата век короткий –
До пожара на воде.

В загрязнённом океане,
Между двух материков,
Предпоследнее гулянье...

– Послушайте-ка притчу, – тронул его за плечо подошедший проповедник, уже прикончивший свой паёк. – Было это в годы первой мировой... а может, и гражданской. В степи под Херсоном нашли то ли чекисты, то ли махновцы старый, ещё довоенный оружейный склад и, как водится, поставили около него часового. Ну, тот стоял, бдил, как вдруг показался некий старик и спросил, не хочет ли, мол, служивый выпить, а то самогон имеется. Солдат ему, что пост покидать нельзя, ответил, а старик ему: «Да я принесу, халупа-то моя рядышком...». Сбежал, бутыль притащил и связку бычков вяленых. Плеснул на камень, поджёг – синим пламенем полыхнуло. Солдаты, понятно, тут же про бдительность забыл, выпили они со стариком, рыбкой зажевали, и старик часовому о своих размышлениях поведал про то, как в землю уходит всякий отброс, мусор, навоз, помои, оттуда же трава, зерно, ягода и прочая пища всякая прёт. А что, ежели процесс сей усовершенствовать, стадию перегноя убрать? Ну и попробовал: птичий помёт собирает, козьи катышки, коровьи лепёхи, человеческий кал опять же – и самогон гонит, ну да, тот самый, что они сейчас пьют... Как услышал солдат, выворотило его наизнанку раз и другой, бросил ружьё и бежать кинулся, а старик за ним бе-

жит и кричит расстроено: «Постой, да ты ж видел, оно ж горело!»...

– Оно ж горело... – задумчиво повторил юноша.

– Горело, – подтвердил проповедник.

– Вы считаете, надо вернуться в Город?

– Ага, уже ты вернулся! – подал реплику вор. – Мне и то не светит...

– Минутку внимания, граждане! – на поляне появилась новая личность, в слегка блестящем сером костюме, с чуть заметной лысинкой и соответствующим брюшком. – Как представитель городской администрации, должен сообщить вам, что, будучи выслены из Города, вы отнюдь не брошены на произвол судьбы. Здесь будет организована показательно-трудовая колония, в которой вам всем предстоит упорным трудом зарабатывать себе право на отдых и возвращение в Город по прошествии определённого срока...

– Чего-чего насчёт срока? – угрожающе спросил вор.

– Да что вы все смотрите, дайте ему кто-нибудь в морду! – вскочила девушка. – Мужики вы или нет? Или я сама сейчас!..

– Рекомендую не заниматься подстрекательством; нападение на меня при исполнении служебных обязанностей будет строго караться; в течение суток сюда будет доставлен запас пищи на первое время и инвентарь; будем вести дренаж и осушать болото; вас... – палец уперся в грудь вора, – назначаю моим заместителем!

– Слушаю, гражданин начальник, – растерянно ответил вор.

– Очень рад, что меня правильно поняли; имеющийся в наличии запас пищи немедленно конфисковать и распределять по моим указаниям!..

Вор неожиданно стукнул спекулянтку по рукам и выхватил мешок.

– Очень хорошо, – похвалил новоявленный начальник. – Спокойно! – это уже относилось к спекулянтке. – Иначе к вам будут применены меры второго порядка!

– Может, сейчас распределим? – заикнулся вор.

– Повторяю, по моим указаниям! – мешок перекопывал к начальнику. – Сначала я вкратце расскажу о распорядке, целях и задачах колонии, которую нам с вами ещё предстоит создать...

– А петь в колонии можно будет? – спросил юноша.

– После согласования репертуара и в нерабочее время. Кстати, музыкальный инструмент попрошу сдать мне.

– Разрешите немножко спеть напоследок... У меня репертуар хороший, про любовь и про пиратов...

– Про пиратов не подходит. Про любовь можете исполнить отрывок.

Юноша ударил по струнам:

Горбатый Рено, ковыляя, бредёт
к неизвестному Риму,
толкая обломок колонны;
и лепится путь голубой.
Верёвка кровит, и
на спутанных улицах рынка
его проверяет дубина,
его проверяет любовь.

Он просит подать на строительство
равного храма.
Повсюду мерцает пиастров и перстней
старинный запас.
И снова Рено, пригибаясь, наносит
смертельную рану...

– Достаточно! – оборвал начальник. – Такая уголовная романтика нас не устраивает. Будьте добры сдать гитару...

– Добрый день! – негромко сказал кто-то. Все обернулись.

Ещё один персонаж, незаметно вышедший на поляну, внимательно их рассматривал. На нём были чёрные брюки, застёгнутая наглухо тёмно-коричневая кожаная куртка, а руки он держал в карманах.

– Тоже выселены? – спросил начальник.

Новоприбывший отрицательно качнул головой.

– В таком случае... что вы здесь делаете?

– Пришелец я.

– В каком смысле?

– В смысле: из космоса. С Альфы Центавра, чтоб вам понятнее было. И теперь я возвращаюсь.

– О, только психов нам тут не хватало, – хмыкнула девушка.

– Для этого мне придётся убить одного из вас. Извините, но тут ничего не поделаешь. Так мы перемещаемся. В момент насильственной смерти тело испускает большой пучок энергии. Для моего возвращения достаточно, – и он вынул из кармана правую руку с длинным ржавым ножом. – Знаете, вам вообще-то ещё повезло: вот пришелец из центра Галактики вынужден был бы убить несколько тысяч землян. Между прочим, как по-вашему, отчего у вас тут постоянные войны?

Вдруг он чуть улыбнулся:

– Но можно и иначе. Если хотите, пусть кто-нибудь убьёт меня. Энергии выделится примерно столько же, и я попаду к себе, только в виде трупа. Ну, это мелочь, там меня восстановят. Наша технология, видите ли, вашей не чета. Не хухры-мухры, как у вас говорят.

– Так, может, вы сами себя убьёте? – спросил юноша.

– Нет, к сожалению, так нельзя. Это будет уже не убийство, а самоубийство, энергии выделится гораздо меньше.

Этак я могу запросто застрять где-нибудь в открытом космосе. Удовольствие ниже среднего, знаете ли...

– Прекратить! – взвизгнул начальник. – Я, как начальник колонии при исполнении служебных обязанностей, приказываю...

– Тебя и убью, – спокойно сообщил пришелец. – У начальников энергии обычно много.

– Не-ет!! Я не начальник!!! Меня тоже выселили! Я аферист, я просто всех обманул, это моя профессия!..

– Ладно. У обманщиков тоже энергии немало, так что ты в любом случае подходишь.

– Не убий! – тревожно сказал сектант.

– Священник? – осведомился пришелец.

– Сектант я.

– Хорошо. Прочтёте молитву над убитым. У вас это принято. У некоторых из вас, во всяком случае...

– Я только для себя молиться могу.

– Что ж, могу убить вас. Помолитесь, если хотите...

Тут он обратил внимание на девушку, которая пристально его разглядывала. Некоторое время он тоже глядел на неё, затем проронил:

– А пожалуй, вот вас убью.

– И не жалко? – спросила девушка. – Я такая молодая, красивая...

– У молодых и красивых энергии, как у вас говорят, хоть отбавляй.

– Её вы не убьёте! – юноша взял гитару за гриф, как дубинку.

– Почему?

– Потому что сначала вам придётся убить меня!

– Могу и вас, – пожал плечами пришелец.

– Его, его, – поддержала спекулянтка, – а то гля какой козырный!

Пришелец глянул на неё, дёрнул ртом и неожиданно, взяв нож за лезвие, рукоятку вперёд протянул его юноше:

– Ну, хочешь, на! Убей меня и покончим с этим.

Помешкав секунду, юноша отшвырнул обиженно зазвеневшую гитару и схватил нож:

– Всё, никого вы не убьёте, нож у меня!

– А у меня ещё пистолет есть, – невозмутимо ответил пришелец, вынимая из левого кармана руку с большим чёрным пистолетом. – Всё учтено.

Аферист вскрикнул, уронил мешок, который до сих пор держал крепко, и припустил к кустам. Зато лицо девушки выразило откровенную радость. Видимо, по роли, которую она себе придумала и разыгрывала, именно такой финал её устраивал.

– С одного выстрела убить трудно, – весело сообщила она пришельцу, – разве что если профессионал, а этого о вас не скажешь, по-моему...

Лицо пришельца ничего не выражало, дуло пистолета смотрело на девушку.

– ...так что, прежде чем вы меня убьёте, я вас изувечу!

Юноша кинулся заслонить её собой, бросок девушки пришёлся по нему, они упали вместе. Нож отлетел в сторону.

Пришелец исчез.

– Таки улетел, мокрушник... – выдохнул вор.

Юноша помог девушке подняться, они посмотрели друг на друга и без слов двинулись по тропке, ведущей в Город.

Идиллия девятая.

СПИСОК

(в соавторстве с АЛЕКСАНДРОМ ЧЕРНОВЫМ).

Конечно, сломанная нога – это не то, о чём можно мечтать, но в остальном, прекрасная маркиза... Первое время я был где-то доволен. Начитывался и отсыпался впрок, а ещё зафлиртывал с молоденькой медсестричкой в белейшем мини-халатике. Звали её Тамара, и в голове у меня постоянно крутилось бессмертное: «...ко мне подходит санитарка, звать Тамарка...».

Однако надоело. Всё, не только флирт этот липовый. Окно всё время одно и то же, загаженный голубями подоконник. Во дворе прошёл человек в сером костюме и чёрной шляпе, руками в жёлтых перчатках пронёс два бежевых чемодана и скрылся. Беру книгу, читаю, ничего не понимаю. Оказывается, вверх ногами держу...

Доходил, словом. Но прежде чем окончательно дошёл, появился Баскетболист. Отчётливо помню момент его появления. Я как раз отвечал на вопрос соседа справа: «Который час?» (не всё равно ему!.. было без четверти пять...), когда распахнулись двери и в палату вошёл баскетбольного роста парень в накинутах на плечи белом халате, а за ним – чуть ли не весь персонал с главврачом во главе. Парень занял свободную койку слева от меня и негромко обратился к врачу:

– Так я просил истории болезней...

Надо было видеть, как они забегали! Через пять минут перед парнем лежала стопка папок, и он, ни на кого не обращая внимания, углубился в её изучение.

Прошло несколько дней, прежде чем мы познакомились и в какой-то мере подружились. Он в самом деле был баскетболистом, играл за сборную университета, когда произошло некое событие, подробности которого он изложил мне гораздо позже, а в первый раз сказал уклончиво: «...такой странный случай...». Однако порядка ради приведу этот более поздний рассказ сейчас – как запомнилось:

«...Полгода назад один приятель устроил мне недельку в охотничьем домике: бревенчатые стены, шкуры – и ничего! Утром встанешь, на лыжи, и небольшой марш-бросок... да...

И вот, в одно такое утро, я обнаружил, что за мной идёт человек. Я пошёл быстрее. Он тоже – и не отставал, хотя я был на лыжах, а он нет. Я остановился – остановился и он; двинулся снова – двинулся и он, постепенно приближаясь. Уже можно было, обернувшись, разглядеть детали: синий тренировочный костюм, какую-то дурацкую кепку на голове...

Я подпустил его совсем близко, резко повернулся и спросил в упор:

– Зачем вы идёте за мной?

Он обратил ко мне невыразительное бледное лицо и не ответил, только сморгнул.

– Убирайся! – гаркнул я.

Он опять промолчал.

Я сделал вид, что сейчас пойду дальше – и такое же движение сделал он.

«Ну, если не уйдёшь!..» – поднялось во мне.

Я сунул руку в карман, где не было абсолютно ничего, тут же выдернул и сделал вид, что бросаю в него чем-то, что у меня в руке. Хотя в руке ничего не было и быть не могло.

Но он упал. Попытался приподняться на локте. Упал снова.

Я кинулся к нему, сбрасывая на ходу лыжи. Он ещё раз попытался приподняться, бессмысленно глядя на меня, и замычал. Не застонал, а вот как раз замычал. Кепка свалилась с головы, в редких светлых волосах налип снег.

Потом он снова упал и больше не шевелился. Я попытался приподнять его. Он не дышал. И пульс не прощупывался. Он был мёртв.

Дальнейшее помню не очень хорошо. Кажется, я соорудил из лыж подобие санок, уложил его на них и побрёл к шоссе, ведущему в город, волоча мертвеца за собой.

Так прошло не знаю сколько часов. Я брёл, оборачивался, убеждался, что кошмар не рассеялся, и тащился дальше.

Наконец, мы оказались на улицах города. К этому времени я почему-то уже не тащил импровизированные санки, а толкал их перед собой. Дети невдалеке играли в снежки. Один мальчик обратил на меня внимание, подошёл и спросил полутвердительно:

– Вам помочь надо?

Я отрицательно мотнул головой. Но мальчик мягко отстранил меня и легонько толкнул санки. Мертвец пошевелился и что-то как будто пробормотал. Мальчик наклонился над ним. И тогда мертвец, приподнявшись, с жалобным, мычащим стоном обнял мальчика...

Что было дальше, не помню. Кажется, я бросился бежать. Тут у меня какой-то провал в памяти...».

Он никому об этом не рассказывал, всё равно бы не поверили (а верю ли я сам, лучше не спрашивайте; хотя, к слову сказать, в то время в печать уже начали просачиваться сведения о так называемых «дирвулях» или «эмрах»); но вскоре после этого вдруг заметил в себе странное и даже страшное изменение: он стал предчувствовать бу-

дущее. Идя рядом с приятелем, вдруг ощущал, что у того сейчас заболит голова. И приятель мрачнел и начинал неразборчиво жаловаться на головную боль. Но это что, а вот болезни, самоубийства, попадания под машины... Попробовал предупреждать – мало того, что не верили, обрывали: «Глупостей не говори!», – так ещё и сердились, когда сбывалось: «Накаркал!». Видимо, люди не хотят знать будущее...

К счастью, в это время он наткнулся в журнале на одну гипотезу, которая кое-что проясняла. Время, по этой гипотезе, представляет собой как бы нить с прихотливыми изгибами и перепутанными витками; люди, обладающие повышенной чувствительностью, способны, находясь в местах соприкосновения витков, улавливать с одного витка происходящее в другом... Это слегка успокоило: не псих, не «дурной глаз», всего лишь провидец. Легче, однако, не стало. Вот представьте, каково это: встретиться с девушкой за чашкой кофе и вдруг понять, что скоро она отравится газом. А сама она об этом ещё не подозревает, и отговаривать бесполезно...

Под конец он уже был просто в кусках: бросил учёбу, на улицу не выходил, сидел дома и бормотал: «Не хочу, не хочу, не хочу...» – как вдруг пришло решение. Нужно было избавиться от наваждения, принеся жертву. Именно это слово, и он ни минуты не сомневался. А вскоре стало ясно, и какую именно жертву...

Главврач ничуть не удивился, когда к нему пришёл посетитель и предложил: ампутируйте мне ногу с целью излечения таким образом двенадцати самых тяжёлых больных! – мало ли главврачу приходилось видеть психопатов и шарлатанов, порой в одном лице. Но не успел он рта открыть, как посетитель, пристально посмотрев на него, спросил: «У вас изжога?» – и, достав из кармана заточенную отвёртку, полоснул себя по обыкновенной, в меру волоса-

той руке. И, глядя, как надрез расширяется и заполняется кровью, главврач вдруг ощутил, что изжога в самом деле прошла...

– ...Неужели вот так сразу и согласились? – не поверил я.

– Конечно, нет. Долго морочили голову, что я их типа гипнотизирую и чего-то там внушаю. А потом решили, что внушением тоже лечить можно. Заставили подписать бумагу, что я, мол, добровольный участник эксперимента... Они вообще, по-моему, всего на свете боятся... Ладно, давай работать.

И мы снова склонились над списком – почему-то Баскетболист очень доверял моему мнению в этом ответственном деле... Странно, кстати, но имя его как-то настолько не ассоциировалось с ним, что даже не удивлялось в памяти, он так и остался для меня Баскетболистом...

– ...Вы, надеюсь, не думаете, – сказал мне конфиденциально главврач, – что мы ему в самом деле ногуотрежем? Просто сделаем надрез в присутствии тех, кто будет отобран. Для действительно верящих этого вполне достаточно. Такова природа лечения внушением, с древнейших времён, ещё от шаманов...

– От шаманов, значит? Хорошо, а как же Уфимцева? Она же без сознания, каким образом это на неё подействует?

– При чём тут Уфимцева? Вы что?! У неё трещина черепа, множественные переломы позвоночника, разрывы лёгких, не говоря уже о более мелких травмах. Такое не излечивается внушением. Строго говоря, то, что она вообще до сих пор жива, – чудо.

– Ага, значит, некоторые чудеса вы всё-таки признаёте?..

– ...Слушай, поговори с ним! – на одном дыхании убеждала меня Тамара. – Попроси его, пусть отца моего включит!

– А чем твой отец болен?

– Да ничем не болен, старенький просто очень! Сядет в кресло и засыпает. Мне его так жалко! Знал бы ты, какой он раньше был... Ну что тебе стоит?!

– ...Знаете, – сказал главврач, – надо бы иностранца одного включить. У него, правда, ничего особенного, сложенная нога, но, понимаете...

– ...А давай уж и тебя заодно включим! – предложил Баскетболист.

– Спасибо, но я-то не иностранец...

Мы сидели на скамейке в больничном садике. Мои костыли лежали рядом ненавязчивыми свидетелями. Идущие мимо врачи и ходячие больные бросали на нас любопытные взгляды, особенно на меня – уже было известно, что я влияю на составление списка.

– Слушай, – вдруг очень серьёзно спросил Баскетболист, – что у тебя с Тamarой?

– Абсолютно ничего. Трёп обыкновенный.

– Понятно.

– Постой, постой... – я ошалело уставился на него. Ай да Тамарка! Сильна, подруга!

Он застенчиво улыбнулся:

– Понимаешь, она... ну, первый человек, про которого я ничего не предчувствую... ты не представляешь, как это здорово... И она верит мне. Никто ведь полностью не верит, даже ты... И ещё – мы как-то на многое одинаково смотрим...

– Духовное родство, короче говоря, – кивнул я. – Ну что ж, клёво. Благословляю вас, дети мои... Теперь так: я всё-таки считаю, что Уфимцеву надо включить обязательно.

– Нет уж! – Баскетболист, как всегда, сразу завёлся. – И не говори мне о ней! Это ж надо: выбросилась из окна при живом муже и ребёнке! Да я б таких без суда стрелял!..

– А если муж её бил ежедневно? Или девиц водил стаями?

– Ну так что? Забрала бы ребёнка и ушла, а не так вот...

– Нет, ты не прав. Она безнадёжна. Значит, нуждается в помощи больше всех. Давай, что ли, с мужем её поговорим. Через Тамару с ним свяжемся...

Муж Уфимцевой был похож на какого-то известного киноактёра, только всё время облизывал губы. Кое-что он смог нам рассказать, но этого было недостаточно. Оказалось, что его жена была в ранней юности очень замкнутой и одинокой девушкой, никогда ни с кем не встречалась и годам к двадцати трём решила, что не будет у неё никогда никого, ни мужа, ни детей... Размышления на эту тему довели её до того, что однажды она выхватила ребёнка из коляски около молочной кухни, остановила такси и уехала. Через несколько минут до неё дошло, что кормить ребёнка ей нечем, что её родители... и так далее. А потом она предстала, что сейчас творится с родителями ребёнка, и стала истерически умолять шофёра повернуть обратно. Как назло, ехали в таком месте, где поворот был запрещён, а тут ещё ребёнок проснулся и стал кричать... словом, когда они подкатили обратно к молочной кухне, радость родителей малышка была неописуема, её прямо-таки благодарили, а о каких-либо карательных мерах и речи не шло... Вот тогда-то они и познакомились – он был среди зрителей, так сказать. Ну, что ещё: встречались какое-то время, потом поженились. Свадьба была в порядке, в ресторане... Ребёнок вот... сейчас пока у её родителей... Да, выбросилась из окна с седьмого, оставив невразумительную записку на клочке газеты...

На просьбы показать записку ответил, что не сохранил, как-то не до того было. Чего-то он явно не договаривал...

Из-за моей возросшей популярности мне уже проходить не давали. Особенно надоедал мне одноногий старец на костылях, в разодранной полосатой пижаме. Ему не хватало только попугая на плече, орущего: «Пиастры! Пиастры!..».

Вот и в то утро он, уцепившись за мой рукав, обрушивал на меня очередную эпопею:

– Сейчас-то на Подоле кой-какой порядок навели, а вот, помню, лет сорок назад встретились двое, и один другому вдруг р-раз – нож в грудь!..

– Вы это к чему? – изнывал я.

– Слушай дальше, поймёшь... так этот, с ножом в груди, что? нагибается, берёт кирпич – и шар-рах того по балде! Тот падает, а этот...

Оттолкнув его, на нас налетела Тамара:

– Скорей! Бежим!..

– Куда? Что случилось?!

– Гадюка какая-то анонимку написала... запретили, представляешь?! Ой, да бежим же скорей, он же может с собой что-нибудь сотворить!..

Я запрыгал за ней, старец – за нами.

Во дворе, окружённый толпой, стоял Баскетболист с топором в руке. Судя по его поведению, он был абсолютно пьян.

– Вы имеете на него влияние, пожалуйста, пожалуйста!.. – затеребил меня главврач, невзвесть как оказавшийся рядом. – Он же грозитя сам себе ногу оттяпать! Только этого мне...

– Не подходи!! – рявкнул Баскетболист, увидев меня. Главврач за спиной пробормотал что-то по-латыни, прозвучавшее очень знакомо.

К счастью, я могу приземлиться на толчковую ногу. Я оттолкнулся что было сил, прыгнул и повис на нём, стараясь вывернуть руку с топором; мы упали вместе. Ондохнул мне в лицо отчаянием и спиртом, но я не смог разобрать его слов, потому что на нас уже навалились, и кто-то так наступил на мою сломанную ногу, что у меня перед глазами всё пошло вразнос...

Идиллия десятая.

ЕЖАТНИК

...кроликов развелось столько, что против них пришлось выслать танки с огнемётами. А когда с кроликами было покончено, оказалось, что развелось слишком много танков и огнемётов...

Поль Виллемс, «Отмель угрей».

Ни с того ни с сего он заявил:

– Была когда-то волнительная проблема: человек и робот...

«К чему это он?» – подумал я, но пока промолчал. И ведь вот всегда так: сперва промолчишь, а потом уже и возражать поздно. Он продолжал:

– Диспуты были, статьи, книг целые горы – и всё на одну тему: что делать, если человек создаст робота, который по всем статьям превзойдёт человека?

– К чему это ты? – всё-таки спросил я.

– К тому, что никто не додумался почему-то до такой простой штуки: как только этот сверхробот будет создан, человек должен в него переселиться. Каким образом – это уже второй вопрос, важна идея...

– Ты имеешь в виду киборгов? Эмров?

– Нет, в том-то и дело, что тут принципиально иное! Не сращивание человека с машиной, а переселение человека в новое тело: сильное, прекрасное, вечное... Это приобретение всего, что мог робот, плюс сохранение всего, что мог человек...

– Так уж совсем всего?

Как обычно, он пропустил мою реплику мимо ушей:

– Из каких материалов будет это тело, какие в нём будут происходить процессы – это всего лишь вопросы времени и науки. Но и это ещё не всё! Следующая ступень – превращение человека в космическое существо, отказ от тела вообще! Разум будет запечатлён в облаке микрочастиц! Жизнь вне рамок тела... да что там тела – планеты!.. Может, и идея Бога не что иное, как смутное воспоминание о столкновении с цивилизацией таких космических существ?

– Слушай, а как у этих космических людей будет с любовью?

Он вдруг обличающе вытаращился на меня:

– Ты что, ставишь секс во главу угла?

– Да нет... – я как-то даже слегка обалдел от этой «главы угла», но тотчас вспомнил, что с ним не рекомендуется быть чересчур вежливым, – просто мне вот что-то неохота превращаться в облако микрочастиц. И вообще, по-моему, ты ерунду придумал. Неинтересно как-то.

Он оскорбился, глянул на часы, потом на стенные часы, потом взял меня за руку, повернул к себе и посмотрел на мои часы:

– Время ещё есть... Давай, придумай ты поинтереснее! Посмотрим, что у тебя выйдет.

Тогда я рассказал:

– Когда колония разрастается, от неё отпочковываются новые колонии. Истории этих отпочкований бывают порой весьма занимательны.

Колонию на планете Ежатник основали выходцы с Дигей, одной из первых планет, колонизированных землянами. Мир Ежатника был красив, хотя и несколько однообразен, этакая лесостепная планета. Из животных самыми интересными были четвероногие позвоночные, напоминав-

шие огромных ежей. Людей они не трогали, и люди их первое время тоже, пока не обнаружилось, что «ежи» съедобны и куда вкуснее консервов. Так что «ежей» уничтожили гораздо раньше, чем наладили пищевую промышленность.

Конечно, не успели застрелить последнего «ежа», как тут же пошли гипотезы о разумности «ежей», о том, что у них будто бы и цивилизация была, а что от неё никаких следов не осталось, так это потому, что она достигла уровня, на котором возможно и даже необходимо сбросить материальный покров, как бабочка сбрасывает кокон, и перейти в сферу чистого духа, который, известное дело, веет, где хочет, и, стало быть, мыслящему существу возможно одним усилием мысли посещать не то что другие планеты, а и другие измерения... На вопрос, как же в таком случае «ежи» безропотно дали себя перебить и слопать, сторонники этой гипотезы отвечали, что убиты и съедены были только тела, тогда как разумы, закодированные в колебаниях молекул воздуха, давно уж переселились именно в другое измерение...

Были гипотезы и другого толка – вроде того, что каждый отдельно взятый «ёж», конечно, разумом не обладал (причём аргументы поразительно напоминали некий аргумент, зафиксированный в истории Земли: как, дескать, могут обезьяны быть в родстве с людьми, когда я лично не одну обезьяну на охоте подстрелил?!), но зато, собираясь вместе в неких тайных пещерах (на Ежатнике – сейчас, по крайней мере – ни одной пещеры!), «ежи» каким-то образом смыкались в «супермозг», который уж до того был разумен, что сам погнался за своими элементами, сиречь «ежей», на смерть, потому как, познав всё, что можно познать, впал в тоску и возжелал небытия!..

Наконец, говорили, что «ежи» были потомками ещё первых колонистов, то есть землян, залетевших сюда в не-

запамятные времена и потерпевших аварию, так что улететь не смогли, да и мутировали помаленьку в «ежей» то ли от радиации из повреждённых двигателей, то ли просто уж очень приспособившись к местным условиям. Отсюда выходило, что история колонии на Ежатнике началась с братоубийства и людоедства. Конечно, это не более чем мифотворчество; с другой стороны, как подумаешь, с чего началась история Земли... словом, всё это, разумеется, никем не было доказано – правда, и не опровергнуто, – поскольку от злосчастных «ежей» не сохранилось ни чучел, ни шкур. Так бывает и в больших коллективах, и при меньшей степени занятости. Во всяком случае, автора последней гипотезы, молодого биолога, колония единодушно возненавидела и подвергла своеобразному ostracismu, особенно женщины. Говорят, что он еле-еле женился на очень некрасивой девушке, которая уж ни за кого другого выйти не рассчитывала, и что от этого-то союза и произошли все Некрасивые.

Это, конечно, тоже фольклор, однако Некрасивые действительно существовали. Можно найти людей, бывавших на Ежатнике и видевших Некрасивых своими глазами.

Кстати, название «Ежатник» планета получила, видимо, почти одновременно с возникновением последней гипотезы. Такое же название получила и колония, и главный город колонии, переименованный позднее в Верону – правда, ненадолго... Но не будем забегать вперёд.

Итак, Некрасивые. Уже с первого взгляда на них якобы становилось не по себе. Все они были высокие, тощие, узкоплечие... впрочем, сохранились воспоминания о низкорослых, одутловато-толстых Некрасивых – но таких воспоминаний не в пример меньше, а информанты, их сохранившие, в меньшей степени заслуживают доверия, поскольку, как правило, они же рассказывают, что у Некрасивых ушей

не было вообще, зато был третий глаз (правда, почти ничего не видевший)... и так далее, и тому подобное. Вообще рассказней о Некрасивых и по сей день столько гуляет по всему Космосу, что надо иметь не только дьявольское терпение, но и незаурядную фантазию, дабы, так сказать, отделить злаки от плевел.

По-видимому, чтобы получить истину хотя бы в первом приближении, следует отбросить самые нелепые версии вроде третьего глаза и оставить то, на чём сходится большинство информантов: рост, худоба, мрачный исподлобый взгляд, почти всегда какой-нибудь физический недостаток (сросшиеся пальцы, хромота...) и всегда – волосы!

Относительно волос соглашаются все очевидцы – волосы Некрасивых напоминали ежиные иглы. Конечно, и тут не без разночтений: то ли только видом, то ли толщиной и остротой тоже. Причиной этому якобы было то, что праматерь Некрасивых круглые сутки только о ежах и слышала, так как муж её, ставший в колонии своего рода изгоем, ни о чём уже не думал, кроме подтверждения своей гипотезы. Он будто бы страшно обрадовался, когда их ребёнок – первый Некрасивый! – родился с волосами-колючками: значит, на планете и в самом деле присутствуют какие-то мутагены: в воде ли, в пище, в естественной радиации, – придающие облику людей ежиные черты!.. Что он сам, занимаясь только ежами, говоря – даже во сне – только о ежах, мог послужить для ещё не рождённого ребёнка «мутагеном», ему и в голову не пришло.

Разумеется, ему указали – те, кто вообще удостаивали его разговором, – что вот у других же дети как дети, на них, что, мутагены не действуют? Но его это не смутило, он ответил, что не всё, мол, сразу... Вот любопытно, кстати, был ли у него реальный прототип? Надо полагать, был, додумался же кто-то первым до этой гипотезы, она действитель-

но зафиксирована очень рано, ещё до первого упоминания названия «Ежатник».

Неизвестно (никто, по-видимому, и не задавался таким вопросом), женился ли первый Некрасивый на собственной сестре или взял в жёны обыкновенную девушку; так или иначе, через несколько поколений Некрасивых стало много.

Теперь, когда позади финал этой нелепой и страшной истории, можно услышать: да как же так, почему никто не вмешался, куда же Галактический Совет смотрел? – как будто Галактическому Совету уж больше и смотреть некуда, как будто у него только и свету в окошке, что несчастный Ежатник где-то у чёрта на куличках! Да разве спрашивают ещё, не было на Ежатнике представителя от Совета? Не было, потому что Ежатник, как всякая планета с населением, перевалившим за миллион, был автономен. Ну, а вообще люди с других планет, туристы хотя бы? Были, конечно, и не только туристы – ну и что с того? Много человек может понять в чужом доме, даже если гостит там с месяц? Что в доме нелады, он, конечно, ухватит, да тем дело и кончится. Лезть с советами, не разобравшись, что к чему, станет не всякий, умный наверняка не станет; а разбираться некогда, своей работы по горло, срок командировки истекает, и опять же родная планета ждёт, семья... К тому же никто и не просит разбираться – напротив, для посторонних все делают вид (хотя и не все осознанно), что полный порядок... как это предки говаривали: моя изба с краю, незачем из неё сор выносить!

Даже и теперь, после катастрофы, вряд ли можно поручиться, что совершенно исключена возможность чего-либо подобного в других мирах. Даже если всюду разослать представителей от Совета (что физически невозможно). Тут, видимо, кроме наблюдательности, нужно что-то ещё...

Ведь и многие случайные наблюдатели на Ежатнике, уловив некоторые внешние проявления конфликта, рассказывали о них своим друзьям, коллегам, даже сообщали в Советы своих планет... что? да ничего такого особенного, только то, что заметили. То есть слишком мало, чтобы вызвать экстренные меры.

Трудно понять, как это можно за горб, худобу или даже за волосы-иглы считать человека чем-то чуждым и опасным. Но факты остаются фактами – может, не сразу, но Некрасивых на Ежатнике невзлюбили. Ведь по мере того, как их становилось всё больше, злосчастная легенда как будто обростала плотью. Уже мерещилась планета, населённая одними Некрасивыми... их волосы-колючки постепенно покрывают всё тело... они уходят из городов в леса, опускаются на четвереньки и ждут *третьей* колонизации... Так вот и бывает, когда примитивное мифотворчество подменяет науку. Но и наука, вмешавшись, не много пролила света. Возможно, если бы начать исследования раньше... Как это говорится в старинной, уже не вполне понятной пословице: «Если бы я раньше был такой умный, как моя жена потом!».

Раньше самый факт существования Некрасивых замалчивался, как нечто такое, с чем приходится мириться, но о чём не принято говорить вслух. И хотя никому из них в отдельности не давали понять, что считают их «не такими», тем не менее они не могли не ощущать этого. Не способствовали хорошему отношению и их нервозность, взгляд исподлобья...

Поиски мутагенного фактора не увенчались успехом, да и был ли фактор? Станный, казалось бы, вопрос, если мутация – вот она, налицо, но ведь пошли же разговоры, пошло сочинение новых легенд о «проклятии предков», «мести планеты»... нет, наука не смогла на Ежатнике вытеснить мифологию, в лучшем случае они шли бок о бок... Ста-

ли уверять, что у Некрасивых иглы по всему телу, только под одеждой они не видны; иначе почему они так упорно уклоняются от врачебных осмотров? почему их никто не видит в общественных бассейнах? О, они ждут... чего? своего часа!.. не верите?! а найдите хоть одного человека, имеющего друга – Некрасивого!! и так далее, и тому подобное.

Бывало и на Земле – правда, в глубокой древности, – когда всерьёз считалось, что у человека другого племени копыта на ногах и рога под шапкой; непохож – значит, нелюдь. Ещё совершенно не изучен, но безусловно заслуживает внимания – именно в свете истории Ежатника – феномен отбрасывания человеческой психики вглубь во времени параллельно с движением вширь в пространстве (опять-таки можно провести аналогию с некоторыми периодами истории Земли – например, возрождение рабства в заокеанских колониях Европы)... короче говоря, не вдруг, но довольно быстро и, главное, напрочь разладились отношения Некрасивых с остальными (Красивыми, как звали их Некрасивые в последние два года, и нетрудно представить, *как* они это произносили!). Именно в это время у Некрасивых завелись... пророки?.. нет... скажем, вожаки. Начали они как будто скромно – призвали Некрасивых-учёных бойкотировать продолжавшийся ещё поиск мутагенного фактора, – но затем распространили свой призыв на всех Некрасивых, внушая им, что обследование населения ведётся с одной-единственной злой целью – истребить Некрасивых под корень, выявляя, есть ли среди предков Красивые, и тех, у кого таковых не обнаружат, отметить, как генетически бесперспективных, запретить им вступать в браки, изолировать их на особых территориях, а впоследствии стерилизовать...

Поверили ли Некрасивые? Не все и не сразу. Но когда изо дня в день вам долбят одно и то же, мудрено в конце

концов не поверить. Именно тогда Некрасивые и стали уклоняться от врачебных осмотров, переписей и прочего.

Через несколько месяцев у Некрасивых уже было тайное общество «Квазимодо», имевшее целью захват власти в колонии и насильственное выселение Красивых с планеты. Создавалось общество по образцам, раскопанным в старинных детективных (так, кажется, они назывались?) романах, конспирацию путали с констелляцией; ничего удивительного, что Совет колонии, в котором, между прочим, тогда ещё было несколько Некрасивых, без труда узнал всё во всех подробностях и предложил обществу самораспуститься, что и было сделано. Однако через некоторое время оно – на сей раз под названием «Калибан» – возродилось в атмосфере гораздо большей секретности, так что полгода Совет о нём не знал, и за эти полгода «калибаны» успели многое, вплоть до создания складов оружия. Холодного оружия, можно ли представить себе такую нелепость! Однако в своё время оно пошло в ход...

Словом, когда Совет хватился, общество уже представляло из себя нечто такое, к чему следовало отнестись всерьёз. «Калибаны» угрожали самому существованию колонии, и подступиться к ним было почти невозможно: всё общество делилось на группы по три человека, а центр руководил тройками через связанных. Старинные детективные романы, если в них внимательно вчитаться, могут дать неплохие образцы.

Совет принял правила игры, навязанные «Калибаном», что было, безусловно, не лучшим решением. Можно было обратиться в Галактический Совет или хотя бы в Совет Дигеи, но, видимо, сработало всё то же правило «сора из избы». И то сказать, если бы всё это тогда обнаружилось, Ежатник лишился бы автономии, члены Совета – права занимать руководящие должности, а уж что позора выше го-

ловы, так о том и говорить нечего! Но ведь можно было – нет, Совет обязан был! – попытаться втолковать Некрасивым, что в создавшейся ситуации виновны обе стороны, да и нету на самом деле никаких «сторон», есть люди, обитатели одного мира, что ни о каких изоляциях и стерилизациях и мысли нет, это блажная выдумка и провокация; что поиск мутагенов ведётся (вёлся!) в интересах всех, что дети должны быть избавлены от этого кошмара...

Вместо этого Совет создал агентурную сеть, опираясь всё на те же детективные романы.

Отсюда и начинается история двух влюблённых, Ромео и Джульетты Ежатника. Молодой агент, внедрившийся в одну из троек (естественно, загримированный под Некрасивого), полюбил девушку из этой тройки. Как известно, любовь часто заставляет по-новому взглянуть на привычные вещи. Агент решил перейти на сторону Некрасивых и всё рассказал девушке в присутствии третьего члена группы. Он не знал, что этот третий – тоже агент, его дублёр (к тому времени организация очень разрослась, и, естественно, возможности для внедрения агентуры возросли соответственно). Влюблённые были схвачены, и это послужило своего рода сигналом. В течение нескольких дней удалось задержать более сотни рядовых участников организации, связанных и даже пару членов центра.

Но затем «Калибан» перешёл в наступление. Большая группа Некрасивых, вооружённых дубинками, пиками и кистенями, проникла в здание Совета и арестовала Совет в полном составе. Вторая группа захватила космопорт (по другим данным, захватить космопорт им не удалось). И ещё несколько групп атаковали важнейшие точки города, перерезая линии доставки пищи, энерго- и водоснабжения... и так далее.

К этому Красивые не были готовы. Однако после первых часов паники они взялись за оружие, добывая его

в городских музеях, в домах, где хранились, как реликвии, прапрадедовы охотничьи карабины (те самые, из которых когда-то били «ежей»), приспособливая всё, что разрушает, вплоть до мусороуничтожителей. На улицах появились баррикады.

Влюблённые, освобождённые в первый день мятежа, участвовали в нём на стороне Некрасивых. Юноша был уже без грима. Случайно рядом с ними оказался один из вожаков. Увидев юношу, он воскликнул: «Почему среди нас Красивый?!». Ему объяснили. Тогда этот фанатик разразился речью примерно следующего содержания: «Первоначально он проник к нам, как шпион. Потом он предал своих. Где гарантии, что он не предаст и нас? Где гарантии, что он и сейчас не шпионит?! Каждый Красивый – наш враг, и ни с кем из них не может быть ни мира, ни союза. Когда мы победим, мы с ними сделаем то, что они намеревались сделать с нами: мы не позволим им продолжать их род, мы разрешим им жить только в специально отведённых местах и более нигде, мы *их* будем звать Некрасивыми, и раз в неделю мы будем публично казнить одного из них... вот так!!.» – и с этими словами изувер выстрелил юноше в живот из старинного, чуть ли не порохового пистолета. Умирающий, корчась у ног девушки, ещё успел пробормотать: «Идиоты, какие же идиоты... Красивые... Некрасивые... все... идиоты...».

Девушка в упор застрелила вожака и была схвачена его свитой – такими же фанатиками, как он. В этот момент обстрел со стороны Красивых резко усилился, девушка и большинство тех, кто был вокруг, погибли. Впрочем, это был, видимо, один из последних моментов сопротивления Красивых – в столицу вошли Некрасивые из других городов, где «Калибан» имел ответвления.

Таким образом, Некрасивые взяли власть и удерживали её два или три дня. Они успели взорвать космопорт

(впрочем, по другим данным, его взорвали отступающие Красивые) и переименовать город Ежатник в Верону в честь погибших влюблённых, из чего следует, что не все руководители «Калибана» придерживались таких крайних взглядов, как упомянутый вожак. В Вероне ещё продолжались пожары, когда группа Красивых, захватившая одну из вращающихся вокруг планеты станций, нанесла последний удар.

Они сбросили на планету в околополюсной области несколько бомб, начинённых водородом и кислородом. Взрыв положил начало цепной реакции, быстро охватившей всю атмосферу. В считанные часы воздух Ежатника стал непригоден для дыхания, а с полюса хлынула огромная волна.

Спасся, насколько известно, один человек. Соблазнительно было бы, конечно, сочинить легенду о двух спасшихся: Красивом и Некрасивом... ну и, понятно, чтоб один из них был женщиной... новые Адам и Ева, и так далее. Но правда суровее вымысла: спасся, да и то ненадолго, единственный человек. Он, очевидно, успел влезть в скафандр, и радисты всех летевших к Ежатнику кораблей слышали его голос, когда радиостанции планеты уже смолкли. Сначала он просто звал на помощь, потом вдруг стал декламировать древнего поэта: «...и вот на скалах острых я сам себе велик; я верю – это остров, но знаю – материк...». Потом замолчал насовсем.

Первый корабль, приблизившийся к планете, обнаружил только сплошной водный покров. В одном месте над водой чуть возвышалась верхушка телевизионной башни. Вероятно, за неё и держался последний обитатель Ежатника, пока не кончился кислород в баллонах...

...Он уже минут пять не слушал, а беспрерывно поглядывал на часы: свои, стенные, мои – и, как только я умолк, радостно заявил:

– Молодец, в точности уложился! Всё, время! Ощетинились!

Я чуть было не обиделся на него, но вспомнил, что это тоже не рекомендуется.

И мы облачились в полукOMBинезоны и занялись делом, которое пока не поручают роботам, да и не всякому человеку тоже – перелопачиванием так называемой «икры». Очень скоро я вспотел и стал думать о том, что существа, которые могли бы из неё вылупиться, за три-четыре часа овладели бы планетой. Для того-то мы и ворочаем это месиво, похожее на джем и на асфальт, – чтобы этого не случилось. То есть это я так думаю. А что думает он, я не знаю. Строго говоря, я даже не знаю: может быть, у них больше прав на обитание в этом мире, чем у нас?

Может быть, знает он? Но что-то я пока никак не решусь спросить...

Идиллия одиннадцатая.

СУМЕРКИ ПРЕДАТЕЛЕЙ

(в соавторстве с АТУРОМ ТАМРАЗОВЫМ)

Бог, шагающий на крыльях по бездыханной тропе, звезда-каратель, пенная пучина вод, псо-рыба, каратель на ползучем цветке... пёс, взбирающийся по тропе, пёс, лапой осушающий кувшины с водой...

Вариант прочтения Фестского диска.

Горе вам в огне, который горит в вас, ибо он ненасытен.
Горе вам из-за колеса, которое вращается в мыслях ваших.
Горе вам из-за горения, которое в вас, ибо оно пожрёт плоть вашу в явленном и расколется души ваши в сокрытом, и вынудит вас друг друга прикончить.
Горе вам, пленникам, ибо прикованы вы в пещере...
Вы не сознаёте вашей гибели и не сознаёте, откуда вы, и не познали, что пребываете вы во тьме и смерти, но опьянены огнём и полны горечью...
И тьма светит вам, как свет, ибо свободу вашу вы отдали рабству.

*Книга Фомы Атлета,
которую он пишет для совершенных.*

То, что называют богом, не бог; то, что не называют богом, более бог, чем то, что им называют.

Майстер Экхарт.

...Как известно, «...ангел обещал живущим, что времени больше не будет». Крайне любопытно, что в таком случае произойдёт с пространством. Кроме того, хотя это может показаться неуместным, меня лично занимает ещё один вопрос: что будет

с так называемой «средиземноморской расой», впитавшей в себя атлантов, минойцев, неситов, финикийцев, мадианитян, хананеев, филистимлян, иудеев, лелегов, карийцев, пеласгов, ликийцев, троянцев, мидян, фракийцев, македонян, эллинов, тирренов, иллирийцев, лигуров, сардов, сикулов, осков, умбров, самнитов, римлян, балеаров, карфагенян, кельтиберов, нумидийцев, египтян, готов, вандалов, аквитанов, гуанчей... когда окончательно забудутся имена богов и морской песок поглотит колонны последнего храма, всё ли ещё будут дуть сирокко и трамонтан, бывшие Нот и Кекий, когда некому будет назвать их имена?..

*Из статьи Д. Векшина «Налево пойдёшь...»
(«Вопросы эсхатологии», № 13, 1999).*

С КЕМ ОСТАНЕШЬСЯ ДРУЖИТЬ?

Ещё не открыв дверь, я знаю, что за нею стоит мой друг. Ясновидение тут ни при чём – просто мой друг, направляясь к моей комнате, на весь Дом насвистывает нашу с ним с детства любимую песенку. Слова в ней, признаться, не вполне понятны; вернее, не слова даже, а сочетания их. Как будто слегка сдвинуты причинно-следственные связи. Речь идёт о каком-то безымянном древневековом герое, который ведёт себя весьма угрожающе:

...вывел глайдер из ангара,
вынул бластер из футляра...

И тому подобное. Совершенно всерьёз сей молодец намеревается «тех и этих истребить», на что ему задаётся вопрос, для автора текста, может, и резонный, а на мой взгляд совершенно бессмысленный:

С кем останешься дружить?

Простите, какая уж тут дружба? И с каких это пор тема дружбы может таким вот образом интерпретироваться в мифе?! То, что текст – обрывок какого-то мифа, по-моему, несомненно. Даже ритмика подчёркивает ритуальное его происхождение.

И тем не менее мне нравится, когда мой друг насвистывает или поёт эту дурацкую песню с её полуразмытым смыслом. Как бы подаёт сигнал: я в порядке, а ты как? И слух-то у него, мягко говоря, не ахти, а я слушаю и расплываюсь в улыбке. Это вот и есть дружба. Да.

Я широко распахиваю дверь. Шире, чем надо, пожалуй, но это уже тоже своего рода ритуал. Обряд. Заведёнка.

– Привет, кентяра! – вваливается мой друг. – Не ухляй ещё? Ты как, не по самую завязку занят, ась?

Это тоже ритуал – встречаясь, мы украшаем речь обрывками мёртвых языков и арготизмами. А занят я, положим, основательно, и ему это известно не хуже, чем мне; но все дела – побоку! Я прекрасно знаю, зачем он появился, и он знает, что я знаю, что он знает...

– А, ерунда, всё путём! Садись, старая развалина... Да говорят тебе, сидай плиз, щас кофейку сварганим!

Мой друг садится, наконец, и ставит на стол кристон. Смущённо, как и положено, улыбается:

– В общем, я... это самое... ну... повестуху накропал... Будешь первым слушателем... и первым же критиком... Хаваешь фишку?

Да, вот именно этого мне и не хватало, да ещё в это время суток!

Выслушать – куда ни шло, но дать толковый анализ, так вот, сходу... И знает ведь, что я терпеть этого не могу, но, видно, велико нетерпение...

Я украдкой бросаю тоскливый взгляд на свою едва начатую работу:

– Зер гут, старина! В смысле муй бьен. Поехали!..

Друг включает крестон (названные так в честь старинных кристаллофонов, эти штуки не имеют с ними ровно ничего общего). Звучит странный голос... Странный, а как же – ведь это запись мыслей...

Действие происходит в Дальнем Космосе. Большой комфортабельный корабль летит к далёкой планете, на которой, по непроверенным данным, происходит что-то очень нехорошее. Экипаж – сплошь ветераны, старые космические волки, тёртые калачи, все в рубцах и проплешинах, некоторые чуть не родились на звездолётах. Есть, впрочем, и зелёные юнцы, салаги-курсанты. Эти поедают старших глазами и впитывают их рассказы. И вот самый молодой среди молодёжи, юнга, так сказать, – вовсе не юноша, а переродетая девушка!

Я, понятно, раскрываю рот, но приятель меня опережает. Выключает крестон и начинает длинно растолковывать, что это, мол, спецэкспедиция, в которую женщин решено было не брать, именно потому, что на планете, к которой летят, идёт война...

– Так почему же это в тексте никак не оговаривается? – интересуюсь я.

– Оговаривается, в прошлой повести. Они же связаны... общими героями и вообще...

Хм! Лучше не углублять эту тему, пока не выяснилось, что я не очень-то помню эту самую «прошлую повесть»...

...Всё-таки некоторое отступление от сюжета мой друг вынужден сделать, рассказывая, как девица, собственно, пробилась в состав спецэкспедиции, выдав себя за собственного брата-близнеца... и тому подобная шекспировщина.

Словом, деля со всеми тяготы и радости космических будней, мнимый юноша, ясное дело, не находит ничего лучше, чем влюбиться в астролётчика: красавца, остроумца, эрудита, отчаянного смельчака с романтическим шрамом на левой щеке (ох, ну боже ж ты мой!). Скрывать своё чув-

ство ей всё труднее, но открыться – ни-ни! Ни капитан, ни сам штурман за такой карнавал по головке не погладят... Положение всё осложняется, но тут на горизонте... то бишь на экранах появляется искомая планета, на первый и на второй взгляд из космоса выглядящая вполне симпатично. Корабль облетает её – никаких тревожных признаков, ни взрывов, ни пожаров, ни массовых передвижений, ничего такого. Правда, на сигналы не отвечают...

К планете с корабля отправляется разведбот. Проходит положенное время – бот не возвращается. И связи с ним нет. Второй бот – совершенно то же самое. Капитан отмечает предложения самых горячих голов приземлиться и пойти на разведку боем... Напряжение нарастает – и тут начинают пропадать люди!

Надо отдать моему другу должное – это он описал неплохо: ужас и изумление, наваливающиеся, когда человек, с которым вот только что мирно беседовал, вдруг исчезает на глазах! Впрочем, нет, совсем не вдруг – страшнее, чем «вдруг»: сначала становится полупрозрачным, потом совсем прозрачным, потом – ничего... только что сквозь него была переборка видна... а теперь – одна переборка!..

Астроштурман, натурально, исчезает не просто так, а в самый что ни на есть драматический момент объяснения с девицей-юнгой. Он-то, оказывается, давно догадывался – по каким-то мелочам, случайным оговоркам типа «я пошла» и т. п. Более того, он, кажется, тоже не вполне равнодушен к юной искательнице приключений... И тут-то, в этот миг... Был астроштурман – и нет астроштурмана! Только-только идиллия налаживалась, только что счастье готовилось хлынуть в девичью душу...

Нет, всё же молодец мой друг! чего там – может, если хочет! Отчаяние девушки, почти девочки, состояние, близкое к безумию, передано, что называется, скупыми чёрно-белыми мазками – но очень... очень, я бы сказал, сильно...

Впрочем, сойти с ума она не успевает – астроштурман возвращается. Так же внезапно, как и исчез. С массой важнейших сведений. На планете, значит, и впрямь война – гражданская, переросшая в мировую (или наоборот) и идущая на полное истребление. До ядерного оружия эта цивилизация не додумалась, зато биологическое – на должном уровне. Две трети населения уничтожено, биоценоз расшатан, голод и эпидемии косят уцелевших – а они продолжают воевать! Кажется, есть смысл предположить, что их психика уже необратимо сдвинута, и оставить на произвол судьбы... Всё равно помочь невозможно... невозможно... невозможно... (Слово «невозможно» повторилось несколько раз.) Где предыдущие исчезнувшие, где экипажи разведботов – штурман не знает. Почему его вернули, может только предполагать. Как это делается, даже не предполагает...

Кто-то вдруг сообщает, что вообще-то штурмана надо бы на всякий случай в карантин, но прежде чем до этого доходит, героиня его «раскалывает»: он не настоящий! Не человек! Аборигены прислали копию. Биоробота. Дубля... Казалось бы, никакой разницы, шрам, и тот на месте, но... Смешно сказать, какое различие придумал мой друг. Дело в том, что весь экипаж одет в этакую всепогодную униформу – комбинезоны с подогревом. Волокна этой ткани представляют собой прозрачные трубочки, по которым пущена подогревающая жидкость, причём цвет ее можно менять нажатием кнопок на поясе. Таким образом, каждый сам раскрашивает свой костюм по своему вкусу. Двойник, естественно, об этом знает, но вкус его, ведомый какими-то глубинными слоями психики, иной, чем у оригинала. Штурман всегда предпочитал скромный серо-голубой цвет, а этот размалевался во все цвета радуги и стал похож на картину художника-беспредметника. Конечно, это не доказательство, только смутное подозрение, но для юной любящей женской души подозрение – основа для прозрения.

Словом, двойник подвергнут допросу с пристрастием и разоблачён. Зловредные аборигены планировали весь экипаж постепенно заменить дублями и отправить назад, как зерно будущей войны. Дескать, у нас плохо – пусть же и у них будет не лучше... Но интересно, конечно же, не это и не смешные несколько меры предосторожности, предпринимаемые экипажем... Впрочем, смешные-то они смешные, а в процессе принятия этих мер двое-трое астронавтов заподозрены в том, что они двойники, и дело едва не доходит до трагедии...

Итак, корабль улетаёт восвояси, и в голову капитана закрадывается мысль, что ведь, в сущности, туземцам того и надо было, и они своего добились... Но куда интереснее его размышлений переживания юной героини, для неё самой незаметный переход любви к штурману в ненависть к его двойнику. Она даже пытается убить его... точнее, выбросить за борт...

Мрачная, мрачная концовка, хотя и открытая. Но как ему удалось вот так схватить девичью психику? Каким чудом?

– Каким чудом, старик? – спрашиваю я. – Есть много чего, к чему можно придаться, есть длинноты, есть ненужные философствования на пустом месте, но девушка!... Как тебе это удалось? Поделись.

Приятель скромно улыбается:

– Да что ж... никакого чуда. Всё с натуры, так сказать. Всё это было со мной, давно очень, ты не знаешь. Я никогда не рассказывал. Я и был переодетой девушкой. Не в Дальнем Космосе, конечно, но в целом ситуация...

Он ещё что-то говорит, расцветший от моей похвалы, но я уже не слышу.

Такие, значит, дела. Теперь это настигло и его.

Время от времени это происходит – то с одним, то с другим. Теперь вот и он...

Мы живём в этом Доме много лет. Мы не знаем, зачем нас поселили здесь и когда разрешат покинуть Дом. Мы не знаем цели эксперимента, и это правильно – иначе эксперимент не был бы чистым. Женщин среди нас нет, ни одной. Так же как нет ни брюнетов, ни шатенов. Это уж вовсе непонятно, но мы здесь не затем, чтобы задавать вопросы. И время от времени то один, то другой из нас вдруг «вспоминает», что он был некогда женщиной. Такая форма безумия, гинекомания – термин я услышал от этих... которые приходят за ними... что это значит – не знаю, язык мне неизвестен.

Сейчас мне следует нажать кнопку вызова спецгруппы. Они появятся, как из-под пола, высокие, в светлых комбинезонах, и мне не видать больше моего друга. Никогда. Никогда.

Никогда.

Я смотрю на его рыжую шевелюру, теперь уже основательно поредевшую. Когда мы были школьниками, я его только так и звал: «Эй, Рыжий!». Он не обижался, откликнулся: «Привет, Белобрысый!». Девушки называли его Огненным, ишь ты...

Девушки...

Я протягиваю руку к кнопке и вижу ужас на лице моего друга. Но что я могу сделать?

Что я могу?

Что?!

МАНУСКРИПТ № 013

Свет, мучительный рассеянный свет бил мне прямо в глаза. Я поворачивал голову, но свет не исчезал. Казалось, сейчас голова моя оторвётся от света всерастворяющего и всепроникающего. Я с усилием открыл глаза. Солнце,

высоко стоявшее, светило мне в лицо, я же вверх лицом на песке лежал, и мелкие волны лизали мои ноги. Голова была тяжёлой, словно в праздничном шлеме ярла, больно сдавившем виски.

Я перевёл взгляд на море.

Пустое и тихое. Нигде нет и следа.

Драккар «Дети Бальдра» утонул, сомнений не было.

Я опёрся о песок ладонями, оторвал от берега непослушную голову, но встать враз не смог и сел. Голова казалась чужой. Может стать, насмешник Локи подменил её, покуда я валялся в беспамятстве? Может, и всё тело?

Я поднял руку к глазам. Рука была моей, белокожей и длиннопалой. Многие сотоварищи дивились немало тому, как, невзирая на молодость, легко вращал я над головою тяжкий меч Сиккерснэйпер.

Коли глаза признали руку, стало быть, и глаза мои. Иначе с чего бы им узнавать чужую руку?

Так выходило вроде, но беспокойно было всё ж. Слыхивал я от товарищей моих, наипаче от тех, кои приняли новую, непонятную веру и теперь поминали равно с отвращением и Тора, и Локи, слыхивал не раз, что бывает замена тела на иное. Такой человек обречён вечно искать своё прежнее тело. Страшный упырь, он не принадлежит ни миру живых, ни мёртвых, а только, знай, убивает... Но не как эйнхерии в Валгалле, не в честном бою, а исподтишка, прыжком на спину...

Неужто и я?..

Пошатываясь, я встал.

Передо мною было бескрайнее море, убившее моих товарищей. Ничего более. Что ж, викинг рано или поздно встречает смерть – в морской пучине или в битве. И приходит смерть тогда, когда на роду написано, ни раньше днём, ни позже.

Я повернулся к морю спиной.

Теперь предо мною холмы были, поросшие редким лесом, красно-зелёные. Там жили люди, запах дыма доносился оттуда. Когда б не вчерашняя буря, сегодня наш ярл Торхадд Вилобородый вёл бы нас к жилищам этих людей. За золотом. За рабами. За свежей пищей – всем уже опротивела солонина. За женщинами, добавляли те, кто постарше.

Когда б не буря, мы взяли бы всё это – оружием, как подобает мужчинам. Некому теперь брать было, и не было со мною оружия.

Я оглядел себя. Бос, почти гол. Пояс, словно в насмешку, остался. Но не было на поясе ни меча, ни кинжала.

Не брать своё, а униженно, как рабу, выпрашивать – удел мой отныне.

Но делать было нечего.

Я мысленно попросил прощения у светлого Бальдра и зашагал, ещё пошатываясь и оступаясь, к холмам.

Холмы, надобно сказать, поближе оказались, чем думалось сперва, и скоро песок под ногами сменился красноватой глиной вперемешку с острыми камешками. Ноги разъезжались, порой я и падал. Лес всё плотнее окружал меня. Этот лес не был страшен, не приходилось ждать чудовищ, но – не со мною он был. Море – иное дело, оно было врагом, но врагом, с коим каждый день единоборствуешь. Такой враг уже почти что друг. Потому-то я даже обрадовался, когда вдруг визг послышался и странного вида чёрные твари выбежали из кустов передо мной. В них было что-то рыбье, и уж они сожрали бы меня, кабы только могли. А за ними вслед появился человек.

Был он поменее меня ростом и одет в кожу. Кожаные короткие штаны и кожаная безрукавка, рваное всё, почти что гол, очень тощ. Такие бывают из рук вон плохими рабами, но хорошо держатся в рукопашном бою. Глаза сверкали

сквозь копну чёрных волос, полузакрывших лицо, глядел без страха.

Да и с чего бы теперь страшиться меня?

Знаками я показал, что устал и голоден. Человек не отвечал.

Я подошёл вплотную. Не отступил он, глаза пытливо разглядывали меня. Я повторил знаки. Человек без улыбки за плечо меня тронул и показал себе за спину, в сторону еле заметной тропинки.

«Там, — понял я, — люди... накормят...».

Или убьют?

Что ж, смерть приходит не тогда, когда мы ждём её, а в свой час...

Чёрные звери подобрались к моим босым ногам вплотную. Человек отогнал их суковатой палкою, прикрикнув.

И только голос заставил меня внимательнее поглядеть.

Это была женщина!

Вернее, девочка — ей не было ещё и пятнадцати зим.

И ещё я увидел — на шее у нее болтался на ремешке нож в ножнах. Рука точно сама потянулась к ножу, вожделенному кусочку металла в грубой одежде косматой. Девочка-девушка не испугалась, не отпрыгнула, лишь отвела руку мою мягким движением своей да головой отрицательно качнула. Цену оружию она, видать, знала хорошо. И сызнова на тропу мне указала.

Слабый ещё, я всё же был посильнее её и мог бы отобрать нож, да и с жизнью вместе. Мог бы, но того не сделал. Пошёл покорно, куда указано было, не оглядываясь. Но оклик заставил меня оглянуться.

Девочка-девушка, лёгким прыжком догнав меня, нож мне протягивала. Другой, покороче того, что на шее висел, — да всё нож! Рука сама его схватила, до того, как рот слова

благодарности вышептал. Девочка же не слыхала тех слов, погнав своих тварей чёрных далее вниз.

Мог ли я знать в тот миг, что не раз ещё и не два нашим путям пересекаться – к добру и к худу для обоих! И всё ж, точно Бальдром наученный, глянул ей вослед... Сильные ноги, а по спине видеть, что не боится тяжкой ноши и страха не ведала в жизни.

Уж после довелось мне вызнать, что плечи её нежны, принцессе впору, да, может, и была она принцессой – принцессой странного народа Тефры... а глаза... но не до глаз мне было в тот миг, голова кругом шла от слабости, ноги еле шли в гору, сухая рыжая трава ранила ступни, а рука – рука рукоять ножа сжимала.

С ножом мужчина – не раб! Так думалось мне тогда...

...Солнце – лик Бальдра – выше поднялось, когда вдруг вышел я на широкое место, где гора как бы останавливалась и лес расступался чуть.

Посреди поляны было каменное строение... да и не строение то было, руины давние и непонятные, мох покрывал их да плющ, но вход-арка уцелел ещё, и над ним врезанный в камень крест смотрел на меня, знак потемневший и, видно, забытый, знак чужой веры.

А вокруг, сквозь кустарник, виднелись тёмные отверстия пещер, в скалах пробитых. Без счёту их было, поболее, чем пальцев на руках и на ногах. Крикнул я, нож сжимая, и ещё раз, и ещё, и в темноте одной из пещер глаза сверкнули.

Человек, за ним другой, третий – и вот уж вся поляна людьми заполнилась. Много их было, все в кожу одетые, драную и засаленную, все нечёсанные, больше молодых, вооружены почти все. Но вооружены плохо, и по оружию понял я, что это не народ воинов, либо воины не здесь.

Оружием служили им палки с обожжёнными концами, трезубцы, шипастые железные острия либо просто но-

жи разного вида, редко кинжалы, гранёные либо плоские, к палкам прикрученные, за поясами торчавшие, а у иных – в волосах. Волосы же у всех были тёмные и сбившиеся. У иных, постарше, перехвачены кожаной полоской. И почти все они были женщины и оружие держали по-женски. У некоторых луки были на плече, плохонькие, не боевые. Человек впереди всех опирался на топор на длинной ручке. И это тоже была женщина, молодая совсем.

И, на её повелительный знак подойдя поближе, увидел я: да ведь все они женщины, просто иных, кто стар и согбен, не сразу распознаешь, – да тех ещё кто, как девочка встречающая, ножом меня одарившая, вовсе юн!

Ещё шаг я сделал, и разомкнулись женщины, и пропустили меня, и сомкнулись снова, и стал я среди них, в кольце тесном. Не страшно мне было, но нерадостно, как солёной воды наглотавшись. Все глаза, все острия на меня уставились. И хотя никто покуда движения угрожающего не сделал, чуял я, что и без угроз жизнь моя тут стоит куда меньше жизни самого жалкого раба. И смешон был нож мой в правой руке, смешнее руки левой, пустой, повторявшей жест голода и мольбы. Но не бросил я ножа, хотя предводительница с топором движением недвусмысленным того потребовала, лишь за пояс сунул. Качнулись, ближе придвинулись острия и глаза, но и тут жеста не возникло, слова не прозвучало. Беднооружные и в немоте своей страшные, страшнее вопящих берсерков, чуть расступились женщины, освободив мне путь в несколько шагов. И сделав их, оказался я перед входом-аркой с крестом тёмным и мстительным. Оглянулся – у самого лица пальцы их и зрочки да острия.

Только оставалось – войти внутрь руин.

Вошёл я. И вслед камень в рост человеческий, многими руками придвинутый, заслонил вход. Да темнее почти что не стало – в зеленоватый, вроде как подводный полумрак

сверху сквозь дыры в крыше заросшей свет пробивался достаточный.

И в свете том на стене противоположной увидал я прикованный меч почти что в рост мой, с лезвием извилистым и ужасным, фламберг знаменитый, рубящий латы.

Кинулся я, забыв страх и усталость, к оружию, схватил и на себя рванул, как в бою морском случалось.

Повернулась плита с мечом в стене, и полетел я вниз и во тьму, навстречу удару слепящему и беспамятству, да помилует меня Хель!..

.....
– ...Хорошо бы света чуть поменьше, – вырвалось у него. Тут же пожалев о своих словах, потёр лоб и виски.

– Хорошо, – пожала плечами она и неуловимым движением убавила свет, сделав полумрак чуть-чуть гуще, зеленеватей. Смешно, подумалось ему, раньше, наоборот, она всегда просила его убрать свет. Впрочем, раньше... они были совсем юными... не пришлось бы ему в голову чтением заниматься, с нею рядом будучи... Тьфу ты, уже и стиль этот перенимается!

– Забавно, – произнёс он вслух, – раньше я бы не стал дискутировать в постели о подлинности того или иного фрагмента...

– Ну, если тебя смущает наличие постели...

Она встала, как всегда, не стесняясь своей наготы. В лёгкой броне загара. (Откуда, интересно, здесь может быть загар?) Ему, не впервые видевшему её тело, опять показалось, что наготой она прикрыта лучше, надёжнее, чем одеждой, и что чего-то в её красоте ему не увидать всё равно, как ни старайся, ни при каких обстоятельствах.

Ни при каких обстоятельствах...

Ощущение: вот-вот вспомнится что-то очень-очень важное! – снова всплыло в нём при этих ключевых словах.

Всплыло, чтобы растаять, оставив после себя обычную лёгкую досаду.

Она пила воду, неторопливо и непринуждённо. Как всегда. Так же точно она пила бы, он уже имел случай убедиться, если бы воды вдруг осталось всего несколько глотков. Протянула ему другой бокал. Сглотнул слюну, отказался.

Пожав плечами, она снова подошла к окну, и рисунок жалюзи обвился вокруг её тела. Это было почти полной иллюзией солнечного дня. Безжалостной, как всякая разоблачённая иллюзия.

— Зачем? — он спросил это, не рассчитывая получить ответ на не впервые задаваемый вопрос. — Зачем нам добиваться точности датировки? что от этого изменится? что может измениться?

— Может быть, изменимся мы...

.....
Тьма была непросветной, могильной. Мудрено ли, коли искры красноватые, в ней вспыхнувшие, сынами Муспелля мне показались.

Но то были факелы в руках людей. И не много так, как решил сперва, нет, всего два... три... ещё два... Ими в красное кольцо заключённый, подобно оборотню изгоняемому, я был, лежащий, в себя не враз пришедший после падения, хорошо виден им. А они, державшие факелы те, колышущимися пятнами почудились. Уж как обвыкли глаза к пламени, узрел я поистине страшное: зверолодей!

Прямо стоящие на задних лапах, в передних факелы, они были шкурами и мордами схожи то ли с медведями, то ли с псами громадными; иные же в перьях были с головы до ног. Страшно глаза сверкали у всех, сверкали и зубы, но ни возгласа, ни рыка, ничего!

Нашупал я за поясом нож, в падении меня не покинувший, — и тут ближе всех стоявший псочеловек, в пятнах

весь, ткнул факелом в лицо мне почти что, так что я свету не взвидел. И тотчас, как один, заговорили они. Хоть и не понял я слов, языка их не зная, уловил угрозу и ненависть одних, других же – непонятное что-то вовсе. И псочеловек наступил ногою мне на правую руку, и не мог поднять я ножа. И заговорил он вдруг на фризском наречии, каковое понимал я, ибо схоже оно немного с родным мне языком данов, и спросил он:

– Ты из тех ли, кто приплывал сюда раньше?

– Не приплывал я сюда раньше, но ежели о викингях речь твоя, то из них я...

Вой был мне ответом, и в круг вытолкнули человека росту невеликого, многих ниже, лицо руками закрывавшего, рванули на нём одежду, руки от глаз оторвали силою – и то была девочка-девушка, ножом меня одарившая! И псочеловек, склонясь быстро, вырвал у меня нож мой, над головой поднял и, всем явив, провещал яро:

– Се нож, коим несчастная врага нашего вооружила!!!

Нож рыбкой сверкнул и ушёл от меня, а псочеловек откинул, будто шлем, голову-маску собачью, а засим и шкуру с плеч скинул. Женщина передо мною была, старая, ведьме страшной подобная, да, может, и впрямь ведьма; и на девочке разорвали последнюю одежду, и вот уже две женщины нагие, различавшиеся во всём и вместе с тем схожие неизъяснимо, стали так близко от меня, старая и юная, как бы два лика Фрейи. И все зверолоуди стали головы-маски снимать, являя человеечьи, женские, старушечьи всё больше, хотя были и помоложе. И у всех в глазах ненависть горела люта. Девочку держали крепко несколько рук, но и без того не двигалась она, как бы неживая, поникнув вся. Тело её было белее пены морской, кроме рук и ног, а соски – как глаза новорожденного тюленёнка.

Подтолкнули её ближе ко мне, меня же приподняли, крепко держа – и всё вой торжествующий был вокруг, а ста-

рая колдунья, руку протянув назад, взяла у кого-то нож мой и поднесла к тайным частям моим, явными ставшим. Но крикнули ей что-то, и задержала руку свою, страшная, а я-то, всему вопреки, не мог ещё раз не отметить, как всё же схожи обе, юная девушка и старуха древняя, нагие. И продолжала спрашивать:

– Много ли вас, приплывших?

– Погибли все, а было больше вдвое, чем пальцев на пяти руках. Всех пожрало море...

– Аа-ха-ха-ха!! Оо-о!!! – раскатились вой и хохот, отдавшись под сводами, а ведьма ниже склонилась:

– За чемплыли вы? Чего искали?

– Чего ищет викинг? Добычи и славы...

– Крови нашей? Детей наших?! Говори!!!

Вой не стихал, и пламя факелов колыхалось.

– Топор викинга – продолжение руки его. Сила – право брать добычу свою...

– А думал ли ты, что, силы лишась, сам добычей станешь?

– Сила многих против одного – сила трусов. Викинги сражаются с равными...

– Аа-а-ааа!!! Убейте его, убейте! – раздалось с разных сторон, но ведьма возвысила голос:

– Нет и нет!!! Не убивать, малой то платой будет!.. Ты, викинг, силою хвальныйся, хоть и беспомощный лежишь, отвечай... и не по правде ответишь, поцелуя огня отведаешь!.. а не было так, чтобы викинги на безоружных, на сонных кидались, как волки на стадо? Пили кровь жертв, от ужаса ополоумевших? Сердца вырывали из тел детей?!. Говори! Огня сюда! Ближе!!! Говори!!.

– Не жги! Скажу... Было – но так было всегда, от века...

– Тогда ответь, как у вас, викингов, с врагом полонённым поступают?

– Всяко бывает... Иной раз доказавший храбрость свою равноправным воином делается... меч дают ему и новое имя... чаще рабом делают его, но и тогда ещё может он вольным стать, если в битве придётся ему к боевому веслу сесть... Бывает...

– Ну? что ж примолк?!.

– В жертву Одину приносят пленного...

– Как? Отвечай, ублюдок!

– Ублюдки те, кто... – не закончил я, лезвие мелькнуло перед глазами, и тёплое потекло по щеке и шее.

– Без уха ты, храбрец, куда как краше! – захохотала ведьма и впилась зубами в кусок мяса, только что ухом моим бывший. Вой кругом ещё усилился.

– Отвечай же! промедлишь, отрежу и второе ухо, потом нос! А там...

Рванулся я, но немало рук держало меня, и девочка смотрела недвижно, а на щеке её красная полоска ширилась, и лезвие у глаз моих искрилось красным.

– Пленного ставят перед ликом статуи Одина, оглушают ударом боевого топора и...

Удар обрушился на мою голову, и в третий раз за этот злосчастный день утратил я зрение, слух и речь...

.....
– *Разве ты можешь сказать, кто ты? Разве могу это сказать я? Разве есть кто-нибудь, знающий это?*

– *А разве с этим можно что-нибудь поделать? И если можно – нужно ли?*

– *Этого я тебе не скажу, да и никто не скажет. Но если не пробовать...*

– *Вот ты пробуешь – и что? Стала счастливее?*

– *Вот ты, до меня, не пробовал – и что? Лучше было?*

Он не ответил.

– *Лучше было? – настаивала она. – Ну, отвечай! Отвечай!*

Он отвернулся. Но она взяла его за плечо и повернула к себе:

– Молчишь? Не знаешь, что сказать?

– Не знаю. Ничего не знаю. Никто и раньше ничего не знал и не мог знать. И к лучшему. Те, кто знали... много хорошего из этого вышло?

– Во-первых, они не знали. Они верили.

– Что?

– Ты и этого слова не знаешь?

– Ну, не то чтобы...

– Понятно. Скажем так: иррациональным средствам коммуникации в те эпохи придавалось большее значение. Так понятнее?

– Да... нет! – он вскочил с постели, и постель немедленно исчезла. Растворилась. Он не обратил бы на это внимания, если бы не болезненная гримаса на её лице.

– Ты что? А... это... Слушай, разве в... вашей Сфере не так?

– В нашей... не... так...

– Да? – и это тоже были ключевые слова: «не так». Вот сейчас, сейчас... но нет, ускользнуло. Жаль. Жаль. Ну ладно.

Вслух он спросил:

– Скажи-ка, а... воды в вашей Сфере... много?

– Не понимаю, – она, казалось, действительно не понимала вопроса.

– Воды, воды, – повторил раздельно. – Вот такой, в бокале.

– А-а, – кивнула с облегчением, – ты об этом... этой воде. Ой, я, наверно, опять выпила твою порцию, да?

Ускользнула. Да как лихо ускользнула! Молодчина, конечно. Но неужели совсем невозможно доверять друг другу?

Значит, невозможно. Пока невозможно. Тьфу, чёрт!

И засмеялся. Засмеялся, потому что это не было ключевым словом, но если бы его спросили, что такое (кто такой)

чёрт, он затруднился бы ответить точно. Легче персонифицировать бесчисленные имена в манускриптах, чем... да, легче, несмотря на то, что, скажем, он лично не улавливает разницы между понятиями «Хелль» и «Муспелль» – при условии, конечно, что это не существа, а области обитания одноименных существ.

– Не бойся, я не хочу... пить.

– Врёшь! – засмеялась и она. Как она хороша, когда смеётся... хотя она и хмурая хороша... и любая... экая банальность! Но что сильнее банальности, впрочем? Разве что... жажда.

– Слушай... брось ты об этом... иди лучше сюда!

– Так ведь... – улыбаясь глазами, она показала подбодрком на отсутствующую постель.

– Ого! А что, у... вас... без постели... не полагается, а?

– У нас... – она повисла у него на шее, волосы защекотали ухо, – у нас не... полагается... у нас много чего не так...

– М-м-м?

– У-м-м... А сейчас ты спросишь, часто ли мне случалось этим заниматься... в нашей Сфере... да?

– Не-а...

– Неправда... даже если промолчишь, всё равно... так вот, в нашей – ни разу...

– Ну да?

– Ага. В нашей мне и пить никогда не приходилось.

– Что-что?!!

– Да, ты понял правильно. В нашей Сфере не было воды. Совсем.

.....
...На сей раз в себя привёл меня не свет, а вода. Холодная, лилась она на меня, как во время проклятой той бури. Солоно на языке стало, то ли кровь моя то была, то ли водой меня окатывали солёной. Да, солёной, защипало раны;

схватился я рукой... и ощутил, что уха нету... и в чувство меня, конечно, привели, чтоб далее мучить... проклятые... кончали бы скорее!

Но вокруг была не тьма, разрезаемая факелами, а снова зеленоватый полумрак. Казалось, насмехается надо мною фламберг, к стене прикованный, а плита, на коей я лежал, изрезана была письменами-рунами. И к ним я обратил взгляд, прежде чем поднять его на тех, кто стоял надо мною. Но в предел зрения ноги попали, босые и стройные; и, голову подняв, узрел я ту же девочку-девушку, по-прежнему нагую, с кувшином широкогорлым в руках. И поодаль стояли ещё три девушки, одеждой почти не обременённые, и глядели на меня, словно бы на зверя невиданного. Но нестрашного.

Да и кому теперь мог я быть страшен?

Порешил было я, что старухи надумали отдать меня девушкам, коим по молодости лет жалость и вовсе неведома, и приготовился к страшным пыткам, умереть желая без стонов, достойно викинга. А та, которую из-за ножа в предательстве обвинили, уж наверняка будет свирепее прочих, доказать свою верность общине тщась...

Ещё раз хлынула на меня вода, заслепила на миг глаза; плита, изрезанная и ноздреватая, потемнела от влаги; я же вовсе был гол, ибо и пояс сорвали с меня, покуда в беспмятстве обретался.

И произошло то, чего уж никак я ждать не мог. Девочка, кувшин отставив, улыбнулась мне и промолвила:

– Восстань!

Говорила она на языке ретов, который мне был понятен.

– Восстань и сюда посмотри!

Посмотрел я. И увидел топор, лезвие в крови подсохшей. И рядом голову. Голову старухи-ведьмы.

– Она была мне бабкой, – мягко текла речь девочки. – Убить нам пришлось её и не только... не только её... чтобы жизнь сохранить... тебе... Понял ли?

Ещё пять голов лежали поодаль. И смеялись девушки, смотревшие на меня, смеялись виду моему и ужасу, коего скрыть не сумел я.

– Бабка была сильной... Она была... – девочка произнесла слово, коего не уразумел я. – Она была повелительницей... тех, кто... в ручьях... и кто... в скалах... и других... Не просто было... это... Но она всегда враждовала с теми, кто поднимает бури, и они... помогли нам. А ты... не бойся ничего. Старые женщины хотели убить тебя. Такие, как ты, были здесь... раньше... раньше нашего рождения... Они убивали. Они жгли. Они мучили. Отрубали руки и ноги. Вырывали сердца из... живых... Старые женщины помнят... рассказывают... Хотели они... отрубить тебе руку. Не сразу, по кускам. Потом выколоть глаз. Потом... вторую руку... Потом пальцы на ногах. Потом – ноги по щиколотки. Потом – по колени. Потом разрезать живот... немного. Выколоть второй глаз и кусочками срезать остальное... пока живой будешь. А когда уже не будешь, отдать в пищу свинье, а свинью ту не есть, но в море бросить... А иные хотели тебя кормить твоим же мясом... Были и другие... Вон эта, вот, – девочка качнула ногой одну из голов, – говорила, что надо тебя жарить, только на медленном-медленном огне, всю ночь и ещё день... А эта... – нога коснулась другой головы, – эта говорила: привязать к дереву над обрывом и оставить заживо муравьям да птицам, они на кровь собираются...

Голос девочки становился звонче, губы разгорелись.

– Стой... – простонал я, но она как не слышала:

– Остальные живы, их много... но нас больше, молодых... Мы сказали, ты... будешь жив... пока жив... и цел...

Моя мать согласна... наши матери ещё... не старые... Старухи забыли... а мы... никогда не видели... такого не видели... такого...

– Мужчину?! – вдруг понял я.

– Да, так мать сказала: мужчину... Мужчина будет жить, сказала она. Пока будет, сказала... Пока...

– На острове нет мужчин?

– Мужчин нет. Что это: остров?

– Остров... земля, вокруг море...

– Такова наша земля. Вокруг море. Это – остров, по-вашему? Так говорят?

– Так говорят. Для чего... хотите оставить меня жить?

Смех девушек стал громче. Я попробовал приподняться. Смог сесть.

– Ты хочешь есть, – девочка уже протягивала мне блюдо с мясом и маленький кувшин. – Ешь. Досыта ешь. Старые женщины... не тронут тебя, пока... мы не... позволим... Мы и наши матери. Нас больше. Ешь.

Мясо было нежным, но прямо к ногам моим кровавая голова старухи подкатилась и смотрела на меня. Голова старухи, ухо моё отрезавшей. Горло сжалось, и глотать я не мог.

– Пей! – девочка снова смеялась. – Пей, ты жив. Много было вас... пливших?

– Много.

– Жаль, ты один уцелел. Если бы не один... тебе легче было бы...

Я смолчал.

– Ты живой. Молодой, как мы... Ешь, ешь. Силы возвращаются к тебе. Пей.

– Старухи...

– Старухи не войдут сюда. Матери придут. Сначала матери. Потом мы... Хотя... некоторые из матерей тоже... помнят... не... таких, как ты...

– Не викингов?

– Да, не викингов. Других помнят, они тоже были злыми. Они убивали мальчиков ещё в колыбелях. Убивали железными дубинками, ломали хребты. Убили всех, остались девочки... Поэтому нет... мужчин... не выросли... Ты пей. Пей.

В маленьком кувшине было вино. Я чувствовал сил возвращение и пуще прежнего страх недостойный.

Девочка вела дальше:

– Такие, как ты... викинги... брали всё... Те, другие... брали не всё... свиней не брали, и... не брали оружие... хотя мать говорит, что оружия тогда почти уж и не было... но мальчиков они убили всех... а свиней нет...

– Свиней?

– Свинью ты сейчас ешь... Свиней мы едим. Людей не едим... – девочка вдруг произнесла несколько слов, показавшихся мне невинным шипением, и перешла на иной язык, коего не понимал я почти, зато речь её стала свободнее: то был, видать, родной её язык:

– Ты молодой... Мы кормим, ты с нами... Тогда мальчики... могут... Ты... оружие... сейчас уйдём...

Она опустилась на колени рядом со мной и вдруг прижалась ко мне всем телом. И сразу отпрянула.

Убегая к выходу вместе с другими девушками, смехом даваясь, она ещё крикнула громко:

– Скоро!.. скоро!!

Я смог, наконец, проглотить ломтик мяса...

.....

– *Есть будешь?* – спросил он.

Она, всё ещё не открывая глаз, отрицательно мотнула головой.

– *Совсем?*

– *Угу.*

– *Слушай, ты вообще ешь когда-нибудь? Или только пьёшь?*

– Когда-нибудь... отстань, а?

– Ладно.

Он потянулся, взял несколько темноватых страниц – манускрипт стал лучшим средством от сна. А сна он с некоторых пор стал побаиваться. С того раза, как показалось, что из кошмара... обычного, казалось бы... можно не выйти...

– А знаешь... я ещё помню дискуссии о вещах, которые сегодня кажутся сами собой разумеющимися. Вот одежда...

– Что одежда?

– Ну, спорили: каково её происхождение? То ли стыдливость, то ли защита от холода и пыли... а может, украшение... и при каких условиях она могла бы исчезнуть за ненужностью?

– Ты... помнишь? – она открыла глаза и неотрывно смотрела.

– Что?

– Ты... вправду помнишь... эти споры?!!

– Ну... не сами споры... хватил, конечно...

– Да уж! – разочарование помимо воли выплеснулось в её голосе.

– Скорее помню информацию о спорах, которую... да неважно. Вот мы – нам не нужна одежда, и мы её не носим... Здесь ровная температура, нет ни ветра, ни пыли, ни грязи, ни дождей...

Она неожиданно села:

– Дождей?

– Ну да, – он подвиглся её возрастающему интересу, – дождей... а что?.. впрочем, конечно... раз у вас не было воды, то вы и не знали, что бывает дождь. Так, что ли?

– А ты, – она провела кончиком языка по губам, – ты-то сам видел этот... дождь?

Опять! Сколько ж она его будет так ловить?

Раздражение усилило голод. Он резко встал (закружилась слегка голова), подумал мельком: «Это сколько ж я не ел-то?»,

взял, не глядя, питалку и отправил в рот. Привычный нежно-зелёный вкус охватил нёбо, и он мельком ругнул себя за то, что позабыл пожелать вкус апельсина, тут же усмехнувшись собственному изыску: какая, действительно, разница? Вот интересно, какой вкус будет заказываться, когда никто уже не будет помнить ни вкуса апельсина, ни слова такого «апельсин», ни слова «вкус»?.. Никто? Кто, собственно, никто? Тьфу, чёрт! («чёрт» – умора!..) Надо, однако, следить за своими мыслями, они ведь тоже... Да-а, вкус... шницель по-венски... котлета по-киевски... торт пражский... финики финикийские... кофе по-турецки... апельсины марокканские... молочные щенята в меду... филе черепашье... колбаса краковская, сыр пармезанский, запеченные в глине фазаны, фаршированные томаты... мясо на рашпере... пиво пльзенское... галеты матросские... тартинки с гвоздями... суп из ласточкиных гнёзд (а это ещё что такое?)... мускат прасковейский... шоколад ванильный... ликёр «Бенедиктинец» (или не так?)... пирожное «Слёзы монашки»... компот ананасный... сигары кубинские... коньяк «Арарат»...

Мотнул с усилием головой:

– Дождь – это очень много воды сверху...

– Тогда знаю, – вдруг помрачнела она, встала, и как-то вроде и рост её изменился, и тембр голоса, и вся стать, – очень сыро... размывает могилы...

– Что-что?!!

Она не ответила. Отошла в угол, поглядывая исподлобья, как когда-то. Вот такой же был взгляд... и долго пришлось убеждать её, что не причинит ей вреда... пока не услышал от неё первое слово...

Он взял ещё две питалки, одну протянул ей на раскрытой ладони – жест мира и дружбы (откуда это, ну откуда?!), другую надкусил, пожелав при этом ни больше, ни меньше, как устрицу, за что и был незамедлительно наказан: гор-

тань обожгло резким непривычным вкусом! Упрямо продолжал, однако, жевать, не меняя желания и максимально дружелюбно глядя на неё.

Она сделала отрицательный жест, потом как будто передумала. Взяла. Лизнула. Протянула руку к своему бокалу, отпила глоток. Снова лизнула и улыбнулась:

– Не гляди так, глупый!

– Как «так»?

– Сам знаешь. Зачем ты всё время заставляешь меня есть?

– Не будешь есть, умрёшь.

– Ты уверен?..

.....

Три дня провёл я в руинах безвылазно. Девочка трижды в день приносила мне мясо, воду с солоноватым привкусом, плоды – длинные, сладко-кислые, и круглые, терпкие и сытные. Вина ж не давали более. Но и без вина силы ко мне возвращались стремительно. Я уже не мог не замечать красоту девочки, её маленькие груди, смешно в разные стороны торчащие, её длинные сильные пальцы, шею, стройную и высокую... и даже маленький шрам на щеке, с той ночи страшной оставшийся, не уродовал её нисколько. Напротив, как бы подчёркивал горделивость носа прямого и всегда лёгкое удивление глаз, широко расставленных. Понимая, для чего в живых оставлен, не мог я не испытывать стыда, ибо не викинг я был в глазах её, да и всех прочих, но племенной бык, коего рано ещё приносить в жертву. Со стыдом мешался страх, ибо не знавал я доселе подобной работы, как и прочие молодые воины на драккаре. Впрочем, и старшие – ворчали, что позабыли, когда женщину в глаза видели, не то что в руках держали – больно уж долгим на сей раз наше плавание оказалось, далековато мы на юг забрались, и Аквитанию, и Сарматия за спиной оставили... кто ж знать

мог, что столь далёкое плавание для нас и последним станет?.. Будь на моём месте Эгиль-Шутник... да что о том? Нет Эгиля, нет Олава Чёрного, нет Хродмара Длиннорукого... правду сказала девочка (имени её так и не ведал я покамест): было бы мне легче...

Фламберга не касался я более, ибо и смерть предпочёл бы всё ж не в подземелье, да и в ловушку попадать не хотел более. Хотя, ежели поразмыслить, не в ловушке разве я и так пребывал? Не касался, однако ж разглядывал его со вниманием, надеясь втайне, что пойму, каковы его укрепы, и овладеть им сумею.

А на четвёртый день вывели меня наружу.

Явились по такому случаю те... матери. Было их не менее двух десятков, а то и поболее, возглавляемых предводительницей с топором, каковая оказалась матерью моей девочки (так я уже привык звать её мысленно, каждый раз с горькой усмешкой сам себя поправляя: нет здесь никого и ничего «моего», это я теперь «их», общий раб...).

Предводительница заставила меня встать перед нею, осмотрела с ног до головы, да и руками всего обтrogала (всё ещё гол я был, как то рабу и положено; заметил, впрочем, что и они одежду носят скорее ради тепла, а в дни солнечные да безветренные рады голышом походить).

Обтrogав же, краткий приказ отдала – и меня вытолкнули наружу, на свет. С непривычки глаза прижмурил – а меня уже гнали тычками вниз по тропе... К морю!

Вниз, да сытому, идти легче, чем наверх карабкаться. Быстро на песчаном берегу оказались мы, где предводительница повелительно указала мне: в воду!

Мысль безумная вдруг овладела мною: а что, коли уплыть от них?! Суждено утонуть мне – так умру свободным, присоединюсь к товарищам моим! А, как знать, может, и жив останусь, подберёт меня корабль какой...

И помедлив чуть для виду, кинулся в воду я, брызги рассеивая на мелководе, и, плюхнувшись, поплыл – к свободе!..

Да только не глупей меня оказались женщины. Малость понаблюдав за мной с берега, засмеялись они, разгадав мои помыслы, и девушек в воду послали. А те, плывшие не в пример быстрее меня, поравнявшись со мною, крепко за руки да за ноги меня схватили, так что рвануться уже не было возможности. Четверо их было. Пятая ж, девочка, плавая вокруг и в лицо мне смеясь беспечно, вдруг снова прижалась, как тогда, в первый раз... и руки её заскользили по моему телу, и сама она вдруг нырнула, а девушки, ноги мои державшие, отпустили, и одна из них схватила меня за волосы, голову над водой удерживая...

Небывалое творили с телом моим. Голова моя запрокинута оказалась, солнце било мне прямо в глаза, как в первый день на острове, а девочка вся под воду ушла, и не разобрать было, где она, где море, изнутри во мне всплеснулась волна горячая, и ушёл бы я под воду с головой своей ослеплённой, не будь девушек, за руки меня державших...

Но держали они крепко и, крепко держа, на берег выволокли. А там уже толпа матерей стояла, и предводительница впереди, нагая вовсе, но всё ещё с топором в руках... и столпились они вокруг меня, трудно дыша и смеясь, много ног... и вдалеке только ещё мелькнула улыбка девочки...

То, что потом было, запомнилось мне страхом таким, как когда впервой взял я меч двуручный – как наставник учил, левой у самой гарды хватом снизу, правой же – у самого конца рукояти хватом сверху – и ударить справа готовился, а страх сдавил гортань, как злобный тролль...

.....
Он подошёл к окну и поднял жалюзи. Свет ударил в глаза. За окном на этот раз был морской пейзаж, великолепная

бирюзовая гладь, ни единого белого гребешка, островок на горизонте... олеография!

– Тебя не тошнит? – спросил он, не отрываясь от окна.

– Не беспокойся.

– Что? О чём ты? Я спрашиваю, тебя не тошнит от этих пейзажиков? От красоты этой неписаной...

И так как она глядела удивлённо, он кинулся ко второму окну, к третьему, обнажил и их.

Во втором показался девственный лес, огромные стволы, шевелящиеся папоротники, узенькая извилистая тропка, на ней – свежий странный след, похожий на птичий, только гораздо крупнее. В третьем – скалы. Очень романтические, увенчанные полуразрушенным замком, мрачные, на фоне рдеющего заката. Одно окошко в левом крыле замка светилось. «Шотландия», – мелькнуло в голове, и даже не стал напрягаться вспоминать, что означает это слово. Что-то уж наверняка означает, какая разница...

– Открыть четвёртое?

– М-м... интересно, а если бы здесь было сто окон? Или тысяча? Ты бы только и делал, что открывал их, а?

– Тебе не очень-то нравится, что я паникую, да?

– Это ещё мягко сказано.

– А то, что всё это ложь... иллюзия... ты понимаешь?!

Она не ответила. Протянула руку, не глядя. Откуда-то возник чёрно-красный клетчатый плед. Она набросила его на плечи.

Он открыл четвёртое окно.

За этим окном была широкая застеклённая веранда. Стёкла местами потемнели, и разобрать, что там, за ними, было не так-то просто.

Он выругался сквозь зубы. Она только плечами пожала.

И это его совсем взорвало:

– Ну что?! Ты же сама... Тебе же так хочется доискаться до всего... Ну вот, пожалуйста!!! Пожалуйста!!! За ок-

нами – пейзажи, за каждым – свой, и каждый раз – другой, и они ни разу не повторились, и все они – ненастоящие...

– Откуда ты знаешь? – она налила в бокал немного воды, посмотрела на свет и добавила ещё чуть.

– Откуда? Да именно потому, что они каждый раз другие!

– А если Сфера движется?

– Во всех направлениях сразу? Интересная мысль! Каждый день все четыре пейзажа – другие, понимаешь ты или нет?!

– А если движение – во времени?

– А-а... К нашему рождению или наоборот?

Она отпила глоток – как всегда, медленно, словно наслаждаясь самим процессом питья:

– Думаю, наоборот... А вообще, знаешь, всё-таки доискиваться – это одно, а паниковать – совсем другое...

– Потому мне и не хочется доискиваться, думать обо всём этом. Незачем. А ты...

– Ну-ну, продолжай.

– А, ладно. Унизительно всё это.

– Что «это»? – она взглянула заинтересованней, даже бокал отставила.

– Да вот это... зависимость наша... от Машины... Вроде бы всё в норме... как будто ничего не случилось... пейзажики эти сусальные... это же видеозапись!..

– Очень может быть, что эта видеозапись – в нашем мозгу...

– Хрен редьки не горше...

– Что?

– Не знаю... так... неважно... ну ладно... вода, воздух... питалки каждый день свежие... даже мысленные пожелания наши исполняются...

– Прежде всего мысленные...

– Вот-вот... ну, прямо... как это... добрая фея, заколдованный дворец!

– Ну-у, – протянула она, – а тебе не кажется, что Машина вот-вот начнёт... ну, давать сбои? Воды, ты сам видишь, нам выдаётся в обрез. И какой-то острый запах появился, замечаешь? У нас так тоже было, прежде чем...

– Нет, не заметил... – он ощутил препротивный холодок страха.

– Ну, может, и хорошо,... зря я...

– Нет, не зря. Не зря.

– А ты не пробовал... – она явно хотела перевести разговор на другое, – не пытался про-никнуть в... закрытые помещения?

– В «комнаты Синей Бороды»? В них не войти.

– А ты пробовал?

– Я же тебе говорю: в них не войти.

– А ТЫ ПРОБОВАЛ?!

В МАНУСКРИПТЕКУ ЛЕГЧЕ ВОЙТИ, ЧЕМ ВЫЙТИ.

Здесь, как обычно, было полутемно и прохладно. Он включил боковые лампы и в их свете в который раз оглядел внутренность громадной металлической ячеистой скорлупы.

Тысячи ячеек. И в каждой – манускрипт. Он отлепился от сверкающей в свете ламп стены и сунул руку в ближайшую ячейку. Каждый раз, продельвая это, он не знал, извлечёт ли на свет тот же самый манускрипт, что и в прошлый раз, или же другой...

Каким образом они перемещаются?

Вообще-то особой загадки в этом не было Машина. Но...

Накануне они опять поспорили. Она задала вопрос, с его точки зрения, нелепый: Машина ли создала Сферы – или же Сферы, каждая в отдельности, создают себе Машины...

Он только и мог сунуть ей под нос манускрипт № 079, один из самых забавных и загадочных манускриптов, состоящий из одной фразы: «ЧЁРТОВ МИР ДОКАТИЛСЯ ДО ТОЧКИ И ПОКАТИЛСЯ ОБРАТНО». (Правда, есть манускрипты и позабавнее. Так, № 3327 состоит из одного слова: «крово-смесительство». Что сие означает – загадка!)

Он полагал – возможно, не без оснований, – что именно манускрипт № 079 послужил основой для создания более поздней легенды (от кого он её услышал, он, разумеется, не знал; видимо, от других людей в Сфере, и это косвенно доказывало, что другие люди есть или, во всяком случае, раньше были... да, косвенно...). По этой легенде, люди (тогда ещё все жили вне Сферы; да и Сфер ещё было очень мало) долго ожидали глобального катаклизма, вычисляли его основные причины, дату его наступления, причём занимались этим практически на протяжении всей своей истории (как у них вообще руки доходили до чего-то ещё?), и даже его предполагаемые характерные параметры: холод, тьма, сильное разрежение воздуха вплоть до полного исчезновения, огонь (не вяжется с тьмой, холодом и обесвоздушиванием, но такова, видимо, логика легенд), высокий уровень радиации, ядовитые насекомые, исчезновение воды, растений и волосяных покровов у людей... и так далее. Когда же долгожданный катаклизм явился, многое, если не почти всё, оказалось не таким. В частности, вместо ожидаемого разрежения атмосферы произошло, похоже, её чудовищное уплотнение. И лишь кое-где сохранились пузыри-пустоты, в которых и живут поныне уцелевшие люди...

Она выслушала, усмехаясь. Действительно, немного смешно – ну, скажем, откуда в этих самых «пузырях» могли взяться Машины? Но она спросила почему-то не об этом. Она спросила, почему исчезли книги. Он не понял её. Этого слова он не знал. И тогда она замолчала надолго.

Машина, Машина...

Бог из Машины...

Что такое «бог»?

Сколько мёртвых языков...

Сколько мёртвых...

Манускриптека – это кладбище...

Рука, наконец, коснулась шершавой поверхности манускрипта – ячейка никогда не срабатывала сразу. Всего несколько потемневших листков. Чернила почти не выцвели.

.....
– ...держу пари, кубинец! – усатая харя наклонилась над Хавьером, и в бешеных глазах навывкате он увидел себя, маленького, искажённого, беспомощного.

Хавьер чуть усмехнулся разбитым ртом. Усач выругался и снова занёс ногу для удара.

– Прекратить! – лениво скомандовал второй, видно, чином повыше.

– Да точно говорю, кубинец он! Я по выговору его определил, как он пароль сказал...

– Прекратить, тебе сказано! Или, может, плохо задание понял? Тебя что, допрашивать его поставили? Мы его задержали, всё! Наше дело на этом кончается. Прочее – работа Носатого...

Хавьер внутренне содрогнулся – попасть в лапы к Носатому означало не просто мучительную смерть, этот маньяк... впрочем, что об этом думать! Этому палачу он живым не достанется! Но так попасться! Хуже любого новичка. И ведь видел же, подойдя к дому, что все окна явочной квартиры тёмные; ведь знал же, что если Карлос на месте, свет будет гореть хотя бы в одном окне...

Свет – вот уязвимое место их группы и вообще школы Д.Х.

– ...пока, тёмно-красный! – издевательски обратился к нему Ленивый. – Нам пора двигаться. В своё время за то-

бой приедут. А пока полежи здесь спокойно, поразмысли. Спросить ничего не хочешь?

Хавьеру многое хотелось бы спросить – но не у этих... что с Карлосом? Как эти подонки узнали пароль? Сколько ещё людей попало к ним в когти? Удалось ли им взять хоть кого-то ещё из связных, кроме Карлоса? Каждый связной – это ниточка от пятёрок к Центру, а кто может гарантировать, что выдержит пытки?

– ...твой дружок согласился с нами сотрудничать и рассказал всё, что знал...

Старая-старая тактика! Рассчитанная на несмышлёнышей. Но Хавьер знал, что с этой секунды его уже не оставит мысль: а вдруг Карлос и впрямь не выдержал? Ведь узнали же они пароль... и, надо думать, не только пароль...

«Прекрати! Что толку об этом думать? Вспомни первый постулат Д.Х.: единственная вещь, которая идёт в счёт, это действия. Действия, а не думание...».

Хавьер был уверен, что положение не так уж плохо – для него лично. Но через несколько секунд убедился, что ошибся, что недооценил своих противников.

Щёлкнул выключатель, и наступила тьма. Он лежал в коридоре у входной двери – там, где на него и напали, едва он вошёл.

Ни один лучик света не проникал сюда с улицы. Дверь в комнату и дверь в кухню были плотно закрыты и, видимо, занавешены.

– Можешь помечтать о девушках! – кинул один из шпииков.

– Или о царствии небесном на земле, куда вы все так рвётесь! – добавил второй, и дверь за ними захлопнулась. Ключ повернулся в замке.

«Плохо. Очень плохо, что темно. Ну, Д.Х., что делать в такой ситуации?».

Хавьер словно воочию увидел насмешливую улыбку Д.Х. и услышал его весёлый голос:

– Прежде всего – не раскисать...

«Легко сказать», – подумал Хавьер, пытаясь пошевелить руками. Нечего было и думать снять верёвки – связывали профессионалы. Невозможно и пытаться ползти, чтобы найти какой-нибудь угол и попробовать перетереть об него... его привязали к чему-то тяжёлому... даже голову не повернуть, зафиксировали, сволочи... Но это ещё не самое худшее. А вот проклятая темнота... Полбеды связанное тело. Но темнотой связана и мысль.

«Д.Х. сказал бы, что мою мысль полностью связать не удалось, победил же я страх вот сейчас. Победил? Не уверен... Но ведь и ясность мысли, побеждающая страх, ещё не полная победа. Это мнимое могущество... Хорошо я помню Ваши уроки, Д.Х.? Ясность мысли – всего лишь точка перед глазами. Оторвавшись от точки, придёшь к могуществу истинному. К мастерству...».

Хавьер вдруг вспомнил, как он перепугался, впервые войдя в контакт с Д.Х. и поняв, очень быстро, что старик формально не член организации. Человек, знающий многих, находящийся в курсе по крайней мере половины планов и операций, лично принявший участие в некоторых, самых отчаянных акциях, – и тем не менее никем не рекомендованный... вообще непонятно как попавший в организацию!!!

– Что толку прятаться, когда любой знает, где ты прячешься? – сказал Д.Х., когда Хавьер завёл с ним разговор об этом. И больше тогда не пожелал прибавить ни слова. А ведь не мог не понимать, что это не просто разговор, что, возможно, Хавьер уже получил задание уничтожить его как вероятного провокатора (такие задания он к тому времени выполнял уже не раз и по крайней мере дважды не был уве-

рен, что человек, которого он убивает, действительно провокатор, что это не ошибка).

Впрочем, Хавьер тогда ещё не знал, что уничтожить Д.Х. не так-то просто и что эта задача, во всяком случае, не ему по плечу. А мог бы и знать...

Кое-что о школе Д.Х. он слышал ещё на родине, но тогда не придавал значения услышанному – мало ли бытует суеверий и легенд!.. Кто мог знать, что их пути пересекутся? что он станет своеобразным учеником этого немислимого старика без возраста?

«Во вторую нашу встречу он сказал – как всегда, вроде бы ни к селу, ни к городу:

– Нужно показывать людям то, что ты считаешь нужным им показывать, но при этом никогда не говорить точно, как это сделано.

И всё. Я отмахнулся – дел было выше крыши, как всегда. Готовился налёт на остров-концлагерь для политических. Реальных сил не было, большинство боевиков было тогда переброшено на юг, для связи с партизанами – а ждать тоже было нельзя, каждый день остров-мясорубка перемалывал ещё десятка два жизней... А Д.Х. сказал, что он всё сделает, если ему дадут в помощь шестерых парней. Не умеющих читать, он особо настаивал на этом условии. И сделал...».

– Никогда не надо потакать себе, – сказал Д.Х., когда Хавьер попытался хоть как-то его порасспросить. – Это самое важное для человека действия. Не отказ от желаний, нет, но умение поставить желания на подобающее им место. Вот тогда любая вещь, которой ты добьёшься, будет истинным даром. Если ты захочешь есть, ты найдёшь способ раздобыть еду; если ты ранен, ты сможешь исцелиться... Потакание себе при отказе в чём-то намного хуже – оно заставляет нас поверить, что мы свершили нечто великое, тогда как в действительности мы просто застыли внутри себя...

– Как Вас на самом деле зовут, Д.Х.? – спросил Хавьер как-то. Вопрос был мало сказать невежливым – это был идиотский вопрос в устах опытного конспиратора (а уж Хавьер-то, во всяком случае, считал себя таковым). Но он уже понимал, что рациональные действия – не для общения с Д.Х., что именно такая нелепость, возможно, сработает...

Старик расхохотался:

– Меня зовут, как тебя. Можешь звать меня «дон Хавьер»!

Хавьеру показалось, что он что-то понял:

– А как Вас зовёт Карлос?

– С Карлосом я не говорю.

– Почему?

– Потому что этот человек скоро погибнет. Очень скоро. С ним уже нельзя разговаривать. Это довольно опасно для... таких, как я.

– Для колдунов? – напрямик спросил Хавьер.

Снова рассмеявшись, Д.Х. проигнорировал вопрос-утверждение и неожиданно заявил:

– Вот для Белого Негра я – Б.Н. Легко запомнить.

Хавьер вздрогнул: Белый Негр был представителем Центра – единственным, которого он знал.

Значит, у Д.Х. есть связи и в Центре!

– Не беспокойся, – насмешливо проронил старик. – Ваша организация не первая и не единственная, которой я спешествую по мере сил...

«Чёртов колдун! Особенно убийственно было слышать от него такие обороты, когда он обряжался в национальный костюм...».

– Послушайте, Д.Х., – заявил Хавьер в другой раз, – давайте начистоту! Никакого колдовства нет и быть не может! Я материалист...

– А кто, собственно, тебе мешает им оставаться? – комически пожал плечами Д.Х. – Пожалуйста, считай всё это

гипнозом, внушением... да мало ли терминов у вас придумано! Вон Сова, так та считает меня дьяволом во плоти, ни больше ни меньше! И на здоровье!

Сова была из пятёрки Хавьера. Опытный нелегал, меткий стрелок, не первый год разыскиваемая молодчиками Носатого, она была религиозна до мозга костей. Утверждала, что прежде чем выстрелить, она непременно бормочет несколько слов – начало молитвы...

«И всё-таки, Д.Х., что мне делать сейчас? Конечно, можно остановить дыхание. Вы научили нас этому прежде всего, и той же бедняжке Сове очень пригодилась эта наука, когда её схватили эти скоты... Но мне надо жить... то же самое, надо полагать, мог бы сказать каждый... но мне в самом деле надо жить – хотя бы затем, чтобы разобраться, почему провалилась явка. Возможно, это Большой Провал, и тогда придётся восстанавливать всю организацию... ох, не хотелось бы!..».

– Человек, не имеющий возможности отбиться от своей смерти, может поддержать себя только одним – силой своего решения. Он делает выбор и полностью за него отвечает. У него нет больше времени для сожалений...

«Это Д.Х. говорил не мне. Я услышал это, в общем-то, случайно. Но запомнил накрепко. Хорошо. С дыханием пойдёт. Есть ещё варианты...».

– Варианты есть всегда и везде. Не всегда и не везде человек понимает, что большинство вариантов – одно и то же... Тот, кто поверит, что видимая реальность – не единственно возможная, тот получает новые степени свободы. Есть силы, которые человек чаще всего не умеет использовать. А ведь случайностей чаще всего легко избежать, если не быть идиотом, живущим спущая рукава...

«Д.Х. очень любил повторять «чаще всего». Особенно когда садился на своего любимого конька: заговаривал о «силах» и умении человека их использовать...».

– Будь у тебя достаточно сил, ты запросто бы разорвал верёвки... Впрочем, будь у тебя достаточно сил, ты бы вообще не пошёл в ловушку...

После гибели Совы Хавьер как-то разговорился с Очкариком, которому он больше всех в пятёрке доверял... да чего там, любил. Этот парень, совершенно, казалось бы, не созданный для подпольной работы, был настоящим гением конспирации. И Хавьер впервые ощутил страх при мысли о том, что погибнуть может и Очкарик...

– Ничего особенного, – буркнул Очкарик, особой разговорчивостью вообще не отличавшийся, – просто старик использует иррациональные коммуникации...

– А если попроще?

– Ну, скажем так: он может выходить в иные измерения и пытается научить этому и нас...

– И только?

– Тебе мало? Впрочем, нет, не только. Просто остальных я и сам не понимаю...

«Да-а-а-а... Эх, Д.Х., плохо, что темно!».

– Плохо, малыш. В темноте не на чем сфокусироваться, а это очень мешает собраться... Но безвыходности не существует. Никогда. Ты вот неосознанно боишься колдовства, а того не желаешь понять, что мир от начала своего заколдован, и он поразителен, страшен, волшебен и неизмерим. И в нём ни у кого нет времени. Согласно этому и надлежит действовать. Действовать так, как будто этот поступок – твой последний...

«Похоже, что так, Д.Х.!».

– Похоже. Что ж, последний поступок должен быть лучшим поступком. Попробуй превратить свой проигрыш – в выигрыш, недостатки своего положения – в преимущества. Нет света – но зато ты не можешь шевельнуться. А это значит...

«Значит, мне легче собраться!».

– Молодец. Чему-то всё-таки научился. Впрочем, Карлос тоже научился было...

«Что с ним сделали?».

– Не отвлекайся, тебе это сейчас совершенно ни к чему. Соберись. Соберись. Если ты сумеешь увидеть голубое небо, чистое голубое небо – ты уйдёшь отсюда... чистое голубое небо... чистое голубое небо...

Хавьер собрался. Это он умел.

В темноте, положим, этого было недостаточно, но он сделал, что мог.

И он увидел небо. Перед плотно зажмуренными глазами поплыла голубизна. Голубизна без края. Радостная летняя голубизна.

И он понял, что поднимается в эту голубизну и что сейчас будет свободен...

Но в момент, когда он понял это, он увидел краем глаза веточку. Зелёную веточку с блестящими, точно восковыми листьями.

Он всё-таки не смог, не сумел собраться так, как необходимо было!

Медленно, невыносимо медленно он стал падать обратно, и в этом растянувшемся на столетия, на тысячелетия падении единственным утешением ему было сознание, что падает он не в ловушку, из которой вырвался, что молодчики Носатого найдут только его холодное тело, что он...

Но куда он попадёт, он не знал и только боялся, что сознание его исчезнет, и понимал, что как раз этот страх и способствует такому исходу, и чем больше понимал, тем больше боялся. Страх всё-таки оказался сильнее его...

.....

Он оглянулся.

Так и есть – выход из манускриптеки исчез, как и не было.

Он не испугался, такое случалось постоянно. Это как игра. Рано или поздно выход вновь возникнет, там... или там... Не бывало ещё, чтобы в стене не появилась вдруг дверь – совсем не там, где на неё думаешь!..

Остальные листки были чистыми, только на самом последнем – другими чернилами, почти неразборчиво:

*...как мы великолепно предаём,
как наших крыльев радостный окрас
страшней в ночи пульсирующих трасс!*

*...Вот и сейчас – ты ищешь точных слов,
ты молишься своим полубогам,
а памятью твоею правит кровь,
она уходит в землю по ногам.*

*И, как всегда, торгует кровью ложь,
блестя, как заражённая вода.
Ты снова здесь.
Ты снова предаёшь,
к предательству прикован навсегда...*

И СПРОСИТЬ НЕ У КОГО

Девочка не сказала мне своего имени.

Выпытывал я так и эдак, да бестолку.

Не враз дошла до меня истина – у них не было имён.
Ни у кого.

Они звали друг друга по родству: «мать», «сестра», «дочь», «бабка». Звали и по приметам: «высокая», «носатая», «хромая», «бледная», «глазастая»... а то и по иным ещё признакам: «злая», «молчунья», «прожора», «хохотунья»...

Прозвания не становились именами, могли легко сменяться. Не превращалась «хохотунья» в Хохотунью, не закреплялась кличка – завтра ведь могли уже звать её «большеротой» либо же «губастой»...

Девочку же звали кто как: «худая», «малая», «скороногая»...

Я прозвал её Девочкой. А моё имя она освоить так и не сумела. Звала меня просто: «Ты».

Когда получше вызнал я их язык, поведала она мне такое, чего уж не ожидал я услышать: не первым мужчиной-с-моря был я на острове. Такое случалось, оказывается, и ранее, даже не столь уж и редко. Последний случай Девочка помнила хорошо, хоть и была тогда ещё ребёнком. Тот корабль не утонул, его выбросило волнами на скалы у северной оконечности острова. Все, кто был на нём, остались живы, только ослабели после борьбы с бурей. Женщины, прячась в прибрежных зарослях, подкрались и набросились на них. Те, едва живыми выползшие на сушу, ошеломленные, и не пробовали сопротивляться. На каждого мужчину пришлось по десятку и более женщин, они поволокли бедняг вглубь острова и беспрерывно побуждали их к новым утехам...

Не сдержался я, полюбопытствовав, на что же годны-то были измученные полуутопленники. Но не поняла меня Девочка, по всему видать было. Не ведала она, что мужчина – не всегда мужчина. Особливо уразумел я это, как продолжила она рассказ свой: не давая приплывшим отдыха, более сильные женщины отнимали мужчин у слабейших, и мужчины, один за другим, умирали от истощения. Но и мёртвыми не пренебрегали женщины, бросались на трупы, не обращая внимания на зловоние. И... от трупов были зачаты дети, только родились они мёртвыми. Но, может, и не от трупов, а от последнего из мужчин, который

пережил прочих и ещё несколько дней был жив, хотя говорить уж не мог...

Тут вдруг засмеялся я, хотя мне ли было смеяться над этим рассказом; засмеялась и Девочка, неведомо чему, засмеялась и продолжила...

Женщины оставили разложившиеся тела лишь тогда, когда в них черви кишеть стали. А кости ещё долго белели на северном берегу и у тропок тайных...

– Было ли оружие у тех пришельцев? – полюбопытствовал я.

– Не было, – уверенно ответила Девочка. – На корабле, может. Но на берег не взяли. Сами едва двигались.

– Стало быть, не викинги то были. Викинг и полумёртвый с оружием не расстался бы...

Тут же и прикусил язык я: а сам-то?..

Мы сидели на обрыве, свесив ноги. Море расстилось внизу, перед нами, вокруг, гладкое, блестящее. Ни паруса, ни чёрточки. Ничего. Ничего вдали, ничего и вблизи. Хоть бы какой кораблик появился у этих берегов, хоть малый кнорре, и подобрал бы меня. Меня и Девочку...

А за спинами нашими сверкал зеленью и красными скалами остров. Тефра – так называли его женщины. Девушки же никак его не называли. Заметил я уж давно, что изрядно различаются язык девушек и язык женщин – и слов запас у девушек поменьше, и говорят отрывистей. Быть может, старух язык был ещё инаковей, но со старухами я не встречался почти что – да и не рвался встретиться.

Что означало слово это, «Тефра»? Кто мог дать мне ответ? Женщины не знали или же не хотели говорить. Да они почти и не говорили со мною.

Лето вокруг нас было жарким, солнечные лучи ласкали кожу. Четверо женщин, нагих вовсе, но не расстающихся с оружием своим смехотворным, шли мимо нас. Рассмеялись, оглянувшись.

Давно в прошлом был ужас того слепящего дня на берегу, толпы, ног и беспамятства. Не растоптали меня, не окончилась жизнь моя тем несчастным пришельцам подобно потому лишь, что и тут вмешались девушки. Удалось им – Девочке прежде всего – убедить как-то женщин, что меня стоит поберечь и что лучше порядка в этом деле ничего и не придумать.

Теперь дни мои были поделены поровну. С утра приходила ко мне одна из женщин – каждый день другая, только по одной в день, не более. Я не больно-то спешил запоминать их в лицо – но вскорости волей-неволей навострился различать, ибо все вели себя по-своему. «Молчунья» пела что-то, не разжимая губ, пела, прижимаясь ко мне горячим смуглым телом, но всегда отворачивая лицо своё, пела, пока судорогой не встряхивало её, после чего вставала она и уходила, не сказав ни слова и всё так же отворачивая лицо. «Злая» вдруг становилась ласково-плаксивой, причитала невразумительно, гладила меня, норовя иной раз ущипнуть ощутимо. А «бледная» отчаянно, молча накидывалась на меня, её руки, бёдра, губы и ноги быстро двигались, дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы... Были такие, кому вроде бы хотелось поскорее отделаться от меня, всем своим видом показывавшие, что нипочём не пришли бы вовсе, больно надо, но уж ладно, коли уж все... Но были и такие, кто желал утеху в весёло-страшную игру превратить, – придя, становились на четвереньки и требовали знаками, до слов не снисходя, чтобы я догонял их, на четвереньках же, а догнав, овладевал бы с рычанием, дикому зверю подобно. Были негромко плачущие, шепчущие имена и ласковые слова, не ко мне обращённые; были ненавидящие, были...

А вечером – то же, только с девушками. Но об этом не стану рассказывать. Нет.

Ночью же делил я ложе с Девочкой.

Но делил, к ней не прикасаясь.

Так порешила она. Спокойно засыпала рядом, а я ворочался, приподнимался, пытаюсь разглядеть получше побледневшие во сне точёные черты, знакомый шрам, дрогнувшие вдруг, точно в улыбке, губы. Только теперь начал я понимать, каким может быть желание. Как знать, может, это и помогло мне сохранить силу для ежеутренних и ежевечерних моих трудов. Это, а вовсе не корень травы какой-то неведомой, даденный мне Девочкой с указанием жевать его...

– Что значит – «Тефра»? – спросил я.

Недоуменно глянула она:

– Тефра – это Тефра.

Стало быть, забыто было значение слова этого. Забыто, забыто...

Я попробовал вспомнить название места, где я родился. Но не получалось. Точно всегда жил я здесь, на острове с непонятым названием, рядом с девушкой по имени Девочка...

Я положил руку ей на плечо, ладонь скользнула по коже шелковистой. Не отстранилась Девочка, но и ничем не дала понять, что не неприятно ей моё прикосновение. Её маленькие груди были так близко, и я, помедлив чуть, накрыл их ладонями.

Девочка улыбнулась и, взяв мои руки в свои, отвела их.

Рядом с нею показался я себе таким же неуклюжим, как тот преогромный дромунд, на который напал драккар наш перед той самой треклятой бурей...

Где-то я уже видел этот жест, эту улыбку... где же, где?!

.....

На следующем листке была цветная картинка в ярких, наивных красках. Изображён на ней был человек, босой и полуголый, в рубахе до колен, сползшей с плеча. Весь он был какой-то встрепанный, мрачно-отчаянный, тёмный – возможно, оттого что на него бросали тень густые высокие

кусты и какое-то неясное здание в правом углу картинки. Над человеком зависла в полёте тоненькая голая женщина, юная и смеющаяся (впрочем, лица её почти и видно не было из-за распущенных оранжевых волос). Вокруг неё взвихрился не то широкий шарф, не то узкий плащ, алого цвета, закрывавшая живот, бедра и часть левой ноги, зато удивительно красивая грудь была обнажена и являлась, пожалуй, композиционным центром картинки: сюда были устремлены и взгляд человека, и невидимый источник света, да и тёмные облака на заднем плане сгрудились так, чтобы подчеркнуть белизну кожи. В одной руке летящая держала что-то вроде колеса с четырьмя спицами, и эта небольшая, но массивная и, сразу видать, крепкая штука навела на мысль об оружии; в другой – длинный расширяющийся сосуд, из которого сыпались небольшие округлые предметы или существа. Скорее всё же существа – они как будто отталкивали друг друга, торопясь выбраться из сосуда. Человек, жадно глядящий на грудь женщины, подставлял руки с какой-то синей тряпкой, пытаясь поймать хоть парочку этих существ, но они пролетали мимо.

На заднем плане громоздились большие дома с арками, колоннами и куполами.

Под картинкой стояли четыре строки:

*HIC LIBER EST SCRIPTUS,
QUE SCRIPSIT, SIT BENEDICTUS.
QUI SCRIPSIT HUNC LIBRUM,
COLLOCETUR IN PARADISUM.*

Он не понимал, что означает эта надпись, но начертания букв были странно знакомы.

Он оглянулся.

Дверь, как и ожидал, появилась. Но радости от того было немного – это была типичная ложная дверь.

Он достаточно хорошо научился различать ложные двери среди множества дверей Сферы. А уж в манускрипте ложные нагло лезли в глаза роскошью линий, переливами полутонов, какими-то загадочными («для галоп» – всплыло непонятное...) приспособлениями внизу и, прежде всего, тяжёлыми, то блистающими, то зеленоватыми бронзовыми ручками в виде львиных голов, из пастей которых свисали змеи, кусающие себя за хвосты, или в виде цветов, или в виде оленьих рогов (олень бывает благородный, северный, карликовый, олень-цветок и вампир-олень), а то ещё в виде шаров или сложных двойных спиралей. Они (в смысле, двери) открывались и закрывались, поворачиваясь на петлях со скрипом, с душераздирающими повизгиваниями, за ними виднелись анфилады и залы... и это было то же самое, что пейзажики за окном.

Настоящая дверь – металлический полуовал, уходящий в стену и открывающий коридор, в котором невозможно не наклонить голову. Хотя он вовсе не обязательно ниже человеческого роста.

Дверь медленно приоткрылась. На этот раз пока не видно, что там, за ней. Да лучше и не смотреть, если хочешь, чтобы она быстрее исчезла, уступив место и время настоящей. Это уж так всегда – чем к ним внимательней, тем дольше они существуют, как бы питаясь вниманием...

Дверь открылась пошире, и группа... пять... нет, шесть бесшумных фигур... прошествовала в глубину зала, освещённого зеленоватым светом, с пересверками, точно в подводной глубине. Комбинезоны цвета слоновой кости (не надо напрягаться, не надо! невозможно – значит, и не нужно вспоминать...), такого же цвета колпаки закрывают лица. Идут след в след с небольшим интервалом. Надо только не смотреть, и всё будет путём.

Надо только не смотреть... не смотреть...

А если они настоящие? Те самые другие люди? Ведь так просто выйти в эту дверь и пойти за ними. Идут медленно, догнать можно... Тронуть за плечо, сказать...

Что сказать?

Кому?!

Он закрыл глаза.

Собрался уже вбросить, не глядя, манускрипт обратно в ячейку. Но, как всегда, сперва всё же глянул. И даже почти не удивился увиденному – и такое уже бывало.

Реже, правда, чем ложные двери, но всё же довольно часто.

Картинка исчезла. Исчезла и подпись под ней, и весь предыдущий текст, относящийся, несомненно, к фрагментам манускрипта № 013. Вместо него были отрывки в зубах навязшего манускрипта № 7000 Ц, известного также под названием «Манускрипта двенадцати врат»:

«НАЧИНАЙ РАБОТУ ПРИ ЗАКАТЕ СОЛНЦА, КОГДА КРАСНЫЙ МУЖ И БЕЛАЯ ЖЕНА СОЕДИНЯЮТСЯ В ДУХЕ ЖИЗНИ... С ЗАПАДА ПРОДВИГАЙСЯ СКВОЗЬ СУМЕРКИ НА СЕВЕР, РАЗДЕЛИ МУЖА И ЖЕНУ МЕЖДУ... ПРЕВРАТИ ВОДУ В ЧЁРНУЮ ЗЕМЛЮ, ПОДНИМИСЬ ЧЕРЕЗ РАЗНЫЕ ЦВЕТА К ВОСТОКУ, ГДЕ ПОЛНАЯ ЛУНА, ЗЕМЛЯ И ВОДА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ВОЗДУХ, МРАК ИСЧЕЗАЕТ, И ЗАПАД – НАЧАЛО ПРАКТИКИ, ВОСТОК – НАЧАЛО ТЕОРИИ; НАЧАЛО ЖЕ РАЗРУШЕНИЯ НАХОДИТСЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ...».

«Не слабо линияет Нольтринадцатый», – подумал он и усмехнулся почти радостно: сленговые клише возникали в мозгу всё реже.

Жаль, конечно, хотелось показать фрагмент ей.

*Ничего, не смертельно. Попадётся снова, рано или поздно.
Рано... не смертельно... или поздно...*

Не все клише – архетипы, но все архетипы – клише. Впору сказать, что грядет сдвиг по фазе в полный рост. Бояться не надо ни дождя, ни ада. Для того, вероятно, и существует реальность – или то, что выдаёт себя за неё, – чтобы её разрушать. Это, в конце концов, очень по-человечески. Просто быть в реальности – всегда недостаточно. Непременно надо... понять... познать... в библейском смысле... деконструировать... алгеброй агонию... то есть алхимию...

Текст тем временем снова изменился. Теперь это были полустёртые рунообразные царапины на пластинках (кора? пластик?), невнятно повествующие о том, что уицраоры обитают в энрофах, смежных со шрастрами, а гаттунгр в неприступном дигме всё ещё повторяет своё: «Нет!», впивая силы из...

Но откуда впивает силы неуёмный гаттунгр, ему было вовсе неинтересно, и он так и не узнал этого никогда, отбросив текст, тут же исправно поглощённый ячейкой.

Скорей бы настоящая дверь... коридор...

Ему очень захотелось увидеть её.

«С самого детства мой отец преодолел в себе все без исключения плотские желания», – гордо заявляет глупец из манускрипта № 4416 АХ, на что ему резонно возражает: «Как же тебе, в таком случае, удалось родиться?».

Что до него, то он не задавался вопросом, откуда он здесь взялся, – он был здесь всегда. То есть сколько себя помнил. А вот сколько помнил – тут можно было спорить (с кем?). Иногда ему казалось, что очень давно уже была комната с четырьмя окнами в стенах, с послушно исчезающей мебелью, с питалками... и водой!.. были коридоры, иногда открывающиеся в абсолютно пустые комнаты, где не хотелось задерживаться... была манускриптека, составлявшая, должно

быть, гордость Машины (если, конечно, предположить, что Машине не чужда гордость)... да, манускриптека, собрание бесчисленных рукописей, заботливо пронумерованных и рас-
сортированных, адский труд! А то, что в руки они даются не по порядку, что куски, относящиеся к № 013, приходится искать днями (а может, месяцами – кто способен измерить время?), – так это уж несовершенство ищущего. Ведь упорядоченность с точки зрения того, кто ищет, совсем не обязательно совпадает с упорядоченностью с точки зрения... кого? искомого?... нет, конечно, – того или тех, кто эту упорядоченность упорядочивал. Это понятно.

Непонятно другое. Если людей, кроме них, не было сейчас, это ещё не значит, что их не было никогда. Те, кто были его родителями, могли умереть, уйти из Сферы... задолго до того, как он стал осознавать и помнить себя... Но она – почему она уверена, что пришла из «другой Сферы»? Правда, он помнит её гораздо позже, чем себя... помнит пустоту комнаты с четырьмя окнами, пока не... но это ещё не доказательство! Она могла прийти из... да хотя бы из «комнат Синей Бороды»! Точно! Потому-то она туда так и рвётся – в отличие от него, давно и прочно усвоившего, что уж если какая из дверей Сферы не открывается, то это надолго. (Легко открываются только ложные двери.) Откроется, когда – и если – будет надо.

Кому надо?..

ПАУЗА

Она протянула ему связку листов. Бумага была бледно-серой, а буквы – красноватыми... Какой-то неосознанный вопрос вертелся у него на языке, но сформулировать никак не удавалось. По ощущению это было так, как если бы ему предстояло спросить: «Ты не очень скучала без

меня?» – но имея в уме другой вопрос: «За что ты намерена убить меня?..».

.....
ОН. Странно... Как здесь легко... Как это тебе удастся?... Пахнет свежим молоком и ещё чем-то... Это запах жертвенной крови. Ты смывала её веником из душистых трав. Но... лучше всего подождать... пока она не почернеет на солнце... Льёшь на алтарь свежее козье молоко... танцуешь... и медленно раздеваешься... Когда же молоко загустеет... всем телом... ложишься на... ЭТО... и... катаешься до беспамятства... пока... случайный прохожий... не захочет... ТЕБЯ... И если, дай Бог, повезло... жрецы возместят... ВСЁ... ЭТО. Постой! Где же запах козла?!. Дай я очи открою... ах, вот оно что! – алтаря тоже... нет... Ну и слава Те, Господи, что избавил от жертвы сегодня: я так устал... А ты не молчи!.. Хочешь – пой! Ну, а хочешь – играй! Вот дудочка – дуй! Это сладко... А я пока дух от курений пошлю всем богам милосердным...

ОНА. Не кури! – здесь нечем дышать.

ОН. Лишь пару затяжек, и брошу.

ОНА. Ты... мужчина?

ОН. Когда-то им был, да устал... столько жертв... столько жертв... столько жертв...

ОНА. А... кто ты... сейчас?

ОН. Ах, не знаю! – не думал об этом... Ты любишь мужчин?.. Это здорово! Я от них просто в восторге. От юных – особенно. В них столько запала! И врать не умеют... смешные! Находятся, правда... скоты... но мы по земле тоже... ходим. Послушай, давай развлечёмся?.. Здесь рядом... Тут два землекопа... ко мне по дороге пристали. Вином угостили, могилку свежую показали. Кладбище древнее – вот они на кости... и наткнулись. Представляешь: два скелета лежат... обнявшись. Парень и де-

вушка. А вокруг... всё та же... чёрная... жирная... земля!
И солнце всю жарит! Давай, я этих козлов приведу!
(Пауза.)

Что-то голова кружится... у тебя от сердца... что-нибудь... есть?
(Пауза.)

Вот и всё... Отпустило... всё... всё... всё... позади... Даже не верится... И это не сон?
(Пауза.)

Ты узнаёшь меня?.. Я пришёл. Правда, без шлема.
И без крокодила на поводке... Вот... Ты знаешь... эти горы... оказались очень высокими... и очень холодными. Холодней даже, чем... ТОТ... неисправный холодильник... ТАМ... где меня...

ОНА. Замолчи!

ОН. Но я дополз. И нет больше сил. Сейчас умру. Потом воскресну... Снова умру... Опять... родюсь.

ОНА. Рожусь.

ОН. Рождусь... Забываем слова.

ОНА. Забываем.

ОН. И нет мне пощады... И рад я этому...

ОНА. И... нельзя остановиться?

ОН. Нельзя. Звёзды зовут.

ОНА. Ну, хоть внезапно, хоть на миг!

ОН. Влекущий ритм стремится неостановимо...

ОНА. ...а волны восторга ткут понимание!

ОН. Откуда... ты знаешь?!. Ах да! прости, – совсем забыл...

ОНА. Одним цунами всё покрывает... грусть похода!

ОН. Похода в вечность!

ОНА. Гибнущий... рождается...

ОН. Рождается...

(Пауза.)

Мучительная... сладкая... горячая... нестерпимая!.. Убей!
ОНА. Нет!

ОН. Ну... тогда... я...

ОНА. Да, милый... Это было бы очень хорошо...

(Пауза.)

ОН. Не очень...

ОНА. Трус!..

ОН. Дай мне пощёчину!

ОНА. А ты бы... смог?

ОН. Укуси!

ОНА. Нет...

(Пауза.)

ОН. Я опять проиграл?

ОНА. Да.

ОН. Я несерьёзный человек?

ОНА. Да.

ОН. Идиот?

ОНА. Самый настоящий...

ОН. Я... не мужчина?!

ОНА. Конечно.

ОН. Я... всё потерял...

ОНА. Как это?

ОН. В горах... отморозил... Начисто.

ОНА. А... может... в холодильнике?

ОН. Может...

ОНА. Начисто?

ОН. Напрочь.

ОНА. Иди сюда.

ОН. Хочешь... проверить?

ОНА. Сейчас убью!

(Пауза.)

ОН. Почему ты медлишь?

ОНА. Не мешай.

ОН. Эй, я жду!

ОНА. Не мешай! И вообще – заткнись...

ОН. Так всегда.

ОНА. Да.

ОН. Так каждый раз.

ОНА. Да.

ОН. Издеваешься?

ОНА. Нет.

ОН. А что?

ОНА. Ничего.

(Пауза.)

ОН. А... не испить ли нам... чаю... с дороги?

ОНА. И... индийского... китайского?..

ОН. С жасмином... да!

ОНА. Опять смеёшься?

ОН. Как тогда. Помнишь?..

ОНА. Помнишь! А может, кофе?

(Пауза.)

ОН. Карлос!!.. Это... ты?!!

ОНА. Тише!.. Он... умер...

ОН. Не может... быть...

ОНА. Автомобильная катастрофа.

(Пауза.)

ОН. Он... любит тебя?

ОНА. Это не имеет значения.

ОН. Понимаю...

ОНА. Что ты понимаешь?

ОН. Ничего.

ОНА. Что случилось?

ОН. Всё в порядке.

ОНА. Ты ревнуешь?.. Перестань. Сейчас это не имеет никакого значения.

ОН. Понимаю.

ОНА. Что ты понимаешь?!.

(Пауза.)

ОН. Дверь в стене... Герберт Уэллс...

ОНА. Чёрный юмор?

ОН. Белая тоска.

(Пауза.)

ОНА. Есть хочешь?

ОН. Нет.

ОНА. Врёшь.

ОН. Клянусь мамой, что завтракал.

ОНА. Кровью с молоком?

ОН. Чёрный юмор...

ОНА. Белая тоска!

ОН. Так всегда.

ОНА. Так всегда!

ОН. Ничего не поделаешь.

ОНА. Ты так думаешь?!

ОН. Уверен.

ОНА. Обманщик!

(Пауза.)

ОН. Да... Так о чём это я?.. А!.. Совсем забыл! Я кое-что принёс!

ОНА. Опять?

ОН. Конечно. Это моя слабость.

(Пауза.)

ОНА. Что это?!

ОН. Оттиски печатей, оттиски, я отпечатал оттиски, мои оттиски печатей, отпечатки, я отпечатал оттиски печатей, я оттиснул, я поставил печать, я отпечатал оттиски печатей эти, оттиски, оттиски печатей прекрасные, я поставил печать, оттиски печатей ровные, я поставил печать, я поставил печать, оттиски печатей, я сделал оттиски, оттиски печатей, прекрасные оттиски...

ОНА. Что это?!

.....

– ...что это? – спросил он.

Она впервые, сколько он знал её, глянула чуть виновато:

– Я... нарушила правила... не сердись...

– То есть? – спросил он хрипло, в горле запершило неожиданно. Вопрос не имел смысла. Он уже знал ответ.

– Понимаешь, тебя долго, очень долго не было, я подумала... я вошла в манускриптеку через... ложную дверь...

– Что ты выдумываешь? – он чуть расслабился: кажется, ложная тревога.

– Я не выдумываю... – теперь она говорила увереннее, с ощущением своей правоты. – Я говорила тебе, вспомни, что через ложные двери тоже можно проходить... если только не думать о том, что они ложные... У нас так было, я знаю...

– У вас...

– Да, у нас. Ну, по правде, меня ещё очень напугала спецгруппа...

– Давай-ка вернёмся к реальности, – предложил он, уже совсем успокоившись.

– К реальности... ну, пожалуйста. Нет больше манускриптеки!.. Это не только моя вина! Всё равно, раз уж появилась спецгруппа... это добром никогда не кончается! Я думала, придётся уходить... Неужели тебе не было страшно? Ты же не мог их не видеть, когда дверь открывалась... они все – без глаз...

– А, фантомы... погоди... что с манускриптекой?!

– Это для тебя они фантомы! Когда они приходят... боже мой, боже мой, неужели ты не понимаешь, почему в Сфере нет людей?!! Я испугалась... я вбежала в манускриптеку, они не заметили меня... или сделали вид, что не заметили... ты был там, но меня не видел... это ещё страшнее... а потом открылась настоящая дверь, и ты... а я... осталась... я знала, что ты можешь их встретить... может, я немного с ума сошла... может... мне стало казаться, что они вот-вот войдут...

– Успокойся, успокойся... – он стал гладить её по голове, как маленькую. Тяжесть в висках расплзлась к затылку, нос заложило.

– Я просто чувствовала, что надо что-то сделать с этим... что стены сдвигаются, и я... я стала выхватывать из ячеек манускрипты...

– Из нескольких сразу?!!

– Сразу... подряд!.. все!!! да, нельзя! а бояться... всё время... можно?!!

– Ты...

– Я!.. а ты думал, я не боюсь... всех этих... окон... и всего!.. я всегда была спокойной, только вот кто бы знал, чего мне это стоило... ты... я выхватывала манускрипты и бросала... и манускриптека... свернулась...

– Машина...

– Может быть, Машина... я думаю, они... что-то я всё же узнала...

– Это называется: зарезать курицу, несущую золотые яйца.

– Ты разве не говорил, что не видишь смысла? Что незачем добиваться точности датировки? Что легенды только сбивают...

– Манускриптеки больше нет... нет...

– Зато они нас не тронут. Пока не тронут. Не смогут...

– Откуда ты знаешь, что не тронут?..

– Знаю... чувствую...

– Понятно.

Он отошёл. Сел. Делать было нечего. С этого момента и навсегда делать было нечего. Манускриптека свернулась. Об этом не предупреждали легенды, об этом можно было только догадываться, от этого страховали неписанные правила, которых они до сих пор не нарушали.

– Это вот всё, что я смогла захватить с собой.

– Да... – у него ещё достало сил улыбнуться. – Надо бы экономить, не читать сразу...

– А по-моему, надо читать побыстрее!..

И в этом была вся она.

Он снова взял в руки манускрипт с красноватыми уквами:

– Смотри-ка, без номера...

Она кивнула, глядя со странной гордостью:

– Видишь, нашёлся-таки манускрипт без номера. Я об этом всегда мечтала. И вот – нашла. У него только название... Я принесла всё, что удалось захватить... вот опять фрагмент Ноль-тринадцатого... вот неизвестный, № 353. И вот...

– Не много же тебе удалось взять.

– Если бы чуть помедлила, я бы там и осталась навсегда. И знаешь... у меня такое... ощущение, что мы больше не будем...

– Чего не будем?

– Ничего не будем. Не будем вместе... быть...

Он только плечами пожал. Не было сил, совсем. Теперь она коснулась ладонью его затылка. Молчание делало тела лёгкими и пустыми.

– ...у него название «Пауза».

.....
...это?!!

ОН. Сторона А! Теперь сторона Б!.. Я поставил печать, я отпечатал, я поставил печать, оттиски, много я отпечатал моих оттисков прочных, я оттиснул, я отпечатал оттиски печатей, отпечатки, я отпечатал отпечатки ясные, мои оттиски, оттиски печатей, я оттиснул, я отпечатал, я отпечатал, я оттиснул отпечатки, я поставил печать, я поставил печать, я отпечатал, я поставил печать!!!

(Пауза.)

ОНА. Ещё... одна жертва...

(Пауза.)

ОН. Ты... заметила?.. Воздух посвежел...

ОНА. Какой ужас...

ОН. Это... диск... из Феста. Первая европейская письменность. Солярный культ. Остров Крит.

ОНА. Убери его.

(Пауза.)

ОН. Вариант перевода... не ахти какой, конечно. Но есть и поинтересней...

ОНА. Абсурд.

ОН. Вот послушай...

Всевышний – это божество, звезда

могущественных тронов,

Всевышний – это нежность утешительных слов,

Всевышний – это даритель предсказаний,

Всевышний – это белок яйца...

(Пауза.)

ОНА. Сколько их... за всё это время?

ОН. Ты о чём?

ОНА. О людях.

ОН. Не думай об этом.

ОНА. Почему?

ОН. Потому что... мало осталось...

ОНА. Чего?

ОН. Жизни.

ОНА. А что с ней случилось?

ОН. Она уходит.

ОНА. Куда?

ОН. Сюда!

(Пауза.)

ОНА. Сюда?!

(Пауза.)

ОН. Ты не знала?
ОНА. Нет... что же делать?
ОН. Главное... не думать...
ОНА. Не думать...
(Пауза.)
ОН. Ты помнишь?
ОНА. Да...
ОН. Ты помнишь... ТОТ Новый год?
ОНА. Мы опоздали...
ОН. Да. Вы опоздали на два часа.
ОНА. Мы шли пешком.
ОН. Вы были пьяные.
ОНА. Чуть-чуть.
ОН. Ты вошла... и я умер...
ОН. Опять врёшь?
ОН. Вот тебе Крест Святой!
ОНА. Я не христианка.
ОН. Вот тебе...
(Пауза.)
ОНА. Что это значит?
ОН. Поздравляю Вас с Международным Женским днём!
(Пауза.)
ОНА. Спасибо...
(Пауза.)
ОН. Скажи...
ОНА. Да?
ОН. Скажи...
ОНА. Да?!
ОН. Скажи: «Умру вместе с тобой!».
(Пауза.)
ОНА. Кто-то стучит.
(Пауза.)
ОН. Кто?

ОНА. Это друзья... хотят сфотографироваться... наизусть.
ОН. На память.
ОНА. Да, на память.
ОН. «Но зарастают мхом уста и наши имена».
ОНА. Ужасно... Забываю... все слова... Вот здесь, в этой...
ну... как же её?.. забыла...
(Пауза.)
ОН. Скажи...
(Пауза.)
ОНА. Нет.
ОН. Почему?
ОНА. Дай руку.
ОН. Хочешь погадать?
(Пауза.)
ОНА. Вены плохо видны.
ОН. Я курю. Когда куришь – они уходят.
ОНА. Далеко?
ОН. Далеко.
ОНА. А я не знала... Интересно... когда... надо будет – их
найдут?
ОН. Я не люблю уколов.
ОНА. Я тоже.
ОН. Когда кровь брали – быстро нашли.
ОНА. И у меня.
(Пауза.)
Опять улыбаешься?.. Ну, не молчи.
ОН. А знаешь?.. А знаешь?..
ОНА. Ну?!.
ОН. А знаешь, в чём смысл жизни?
ОНА. Нет. Я забыла, что это такое.
ОН. Вот именно поэтому... ты... не живёшь.
ОНА. Иди ко мне.
ОН. Не пойду.

ОНА. Почему?
ОН. У меня пальчик болит.
ОНА. Иди, я тебя пожалею.
ОН. Не-а!
ОНА. Не хочешь?.. А что маленький хочет, а?..
ОН. Дай!
ОНА. Фу! Какой невоспитанный ребёнок...
ОН. Дай!!!
(Пауза.)
ОНА. На!
ОН. Ой!
ОНА. Ну?!
ОН. Это... ОН?
ОНА. Он самый.
ОН. Откуда?
ОНА. Оттуда.
ОН. Остров Пасхи?
ОНА. Может быть.
ОН. Боже мой, а я совсем забыл! Неужели это ещё где-то
есть?
ОНА. Не знаю, может, и есть... Главное... что... было..
ОН. Столько лет!..
ОНА. Все ходят смотреть... на него... Карлос сказал, что
у него счастливое лицо... Лицо путешественника перед
дальней дорогой.
ОН. Это бог путей, покровитель странствий.
ОНА. Он такой добрый... У него замечательная улыбка.
Это твоя улыбка. И пахнет он... тобой.
ОН. Какие мы всё-таки... дети.
ОНА. Дети..
ОН. Кто-то сталкивает нас... потом приходит... и говорит:
«Пора!».
(Пауза.)

ОНА. У тебя на шее шрам. Я раньше не видела его.

ОН. Это родинка. Ты не замечала просто.

ОНА. Ах нет же! – шрам!

ОН. Я так люблю детство...

(Пауза.)

Эта родинка – послание от моего древнего предка.

ОНА. Ты обманываешь меня, милый. Дай, я потрогаю...

ОН. Человек рождается с родинкой. Родинка – это голос прошлого, это рана, которая когда-то жгла человека.

ОНА. Правда?

ОН. Да, так и не затянувшиеся шрамы... Не трогай, пожалуйста.

ОНА. А может быть, это... укусы?

ОН. Чей укус?

ОНА. А ты не чувствуешь?.. Здесь нужно чувствовать, милый.

ОН. Чувствую, но на тебя тяжело смотреть.

ОНА. А ты не смотри!

ОН. Перестань!

ОНА. Человек ей говорит: «Перестань!». А она не перестаёт. Он протягивает руку. А она ползёт по ней. Он улыбается!.. А она... кусает!!!

(Пауза.)

ОН. Что это было?..

ОНА. Где?

ОН. Здесь, сейчас.

ОНА. Да?.. Я не заметила.

ОН. Было... что-то мучительное... и даже приятное...

ОНА. Может быть...

ОН. Что-то внутри... укрепляет меня.

ОНА. Это хорошо...

ОН. Нет сил сопротивляться.

ОНА. Не сопротивляйся.

(Пауза.)

ОН. Как ты бледна...

ОНА. Ты тоже...

ОН. Нам нужен свежий воздух.

ОНА. Это невозможно.

ОН. Я не могу сидеть сложа руки.

ОНА. Не сиди.

ОН. Я голоден.

ОНА. Кушай на здоровье.

ОН. И буду!

ОНА. Будь. Только это невозможно.

ОН. Возможно!

ОНА. Нет.

ОН. Я докажу тебе!

ОНА. Докажи.

ОН. Ладно!.. Сейчас!.. Пожалуйста... Итак... мы устали...
мы хотим есть... пить... и танцевать!

(Пауза.)

ОНА. Ты приедешь ко мне?

ОН. Да.

ОНА. Скоро?

ОН. Да.

ОНА. Когда?

ОН. Когда задует жёлтый муссон... Мы попадём с тобой под
тёплый... дождь... И ты станешь моей женой...

ОНА. Это невозможно.

ОН. Ты станешь ею в горах. Высоко-высоко... В стране счастья...

ОНА. А сейчас? Что нам делать сейчас?..

ОН. Сейчас?..

ОНА. Да, милый...

ОН. Пошли... в кино?

ОНА. В кино?

ОН. Ну конечно! Представь, что на улице в самом деле идёт дождь... И мы пошли в кино.

(Пауза.)

Скажи... Скажи!.. Ну, что тебе стоит?!

ОНА. Нет.

ОН. Чёрт возьми!

ОНА. Уже взял.

(Пауза.)

ОН. Всё равно надо что-то придумать.

(Пауза.)

Давай... поедem... куда-нибудь. Развеемся... придём в себя. У человека две ноги, а он сидит на месте. Вокруг столько пространства!.. Неужели для нас не найдётся маленького кусочка?.. В конце концов... можем мы сами что-то решить?!!

ОНА. Сами мы ничего не можем... И никто, никто не сможет нам помочь!

ОН. Мы должны что-то придумать.

ОНА. Например?

ОН. Ну, например: прийти, броситься в ноги и сказать обо всём!

ОНА. Кому?

ОН. Ему.

ОНА. Он умер.

ОН. Где?

ОНА. На кресте.

ОН. Так Он же воскрес!

ОНА. Ты видел?

ОН. Что же делать?

ОНА. Не знаю...

ОН. Значит, будем ждать следующего.

ОНА. Путишь?

ОН. Абсолютно.

ОНА. Что «абсолютно»?

ОН. Тронулся я абсолютно!

ОНА. Перестань кривляться! Скажи хоть что-нибудь дельное!.. Хотя нет – не надо! Я больше не могу!

ОН. Я тоже...

.....
Он отложил манускрипт. Ещё будет время дочитать, совсем немного времени.

Мир, который они называли Сферой, скоро должен был кончиться, и хорошо бы всё это время провести вдвоём.

Но когда он поднял на неё глаза, когда привычным жестом протянул к ней руки, понял – нет, и этого им не дано. Она не двигалась, но он уже знал: она уйдёт.

Молчание соединило их крепче объятий.

– Знаешь, – сказала она вдруг, – я ведь хотела... сделать лучше... я уверена, есть где-то... люди... или не... ну, такие, как мы...

– Разве мы не люди?

– Мы – нет... Ты до сих пор не понял?

– Нет.

– Ну, уже неважно... в общем, я была уверена, что можно докопаться... узнать... помочь им... и себе... И вот – всё уничтожила...

– А так всегда, – ему вдруг стало смешно, хотя едва ли он смог бы ответить, что тут, собственно, смешного, – всегда желание улучшить ведёт к уничтожению. Самая прекрасная идея, во все времена, стоило ей обрести плоть, оборачивалась поводом для уничтожения.

Она отвернулась от него, наполнила два бокала водой и протянула один ему. Он взял, прикоснувшись к её пальцам. Она отпила глоток. Снова внимательно посмотрела на него:

– Вот потому, что ты так думаешь, ты...

– Так думаю не я, – перебил он. – Кстати, тебе не приходило в голову, что Сфера – тоже результат каких-то «улучшений», тоже очередная воплощённая идея?

Она не ответила. Отошла к окну, за которым начинался шторм; он вдруг отчётливо понял, какой идиотизм этот спор... Им оставались, может быть, минуты – и тратить их на грызню было, по меньшей мере, неразумно.

– Прости, – негромко сказал он.

– Бог простит, – ответила она и неожиданно рассмеялась. Он пригубил свой бокал и потянулся за последним фрагментом Нольтринадцатого.

Показалось, что первые два листка – чистые, без единого знака. Но это только показалось. Просто чернила (или что-то иное, чем были написаны строки) уже почти совершенно выцвели. Потребовалось не просто взглянуть, но и поискать угол, под которым удалось увидеть – сначала крупное:

ШИВА ВЫПИЛ ВСЁ ЯД?

– потом помельче:

*Смерть – это женщина,
полюбоившая нас на всю жизнь.
Ответим ей тем же!*

– и, наконец, совсем мелко:

*Я долго искал слово,
несущее правду усталому сердцу.
Я нашёл его, это слово – «Смерть».
Смерть как избавление от сладости тайны,
миг бесконечной свободы; бог – неврастеник,*

*Дети Луны, оскопленные Светом, Белого Карлика
шёпот в искрах гнилого дождя – это я,
формула счастья – огонь, колесница, улыбка;
маска Джоконды, кометой взорвавшая холст,
танец последний – огонь, колесница, улыбка.
Дети Луны, очарованные Смертью...*

*Со следующим листком было ещё хуже. Разобрать удавалось
только отдельные слова, иногда – фразы:*

*сонно, самозабвенно
как звериный зов предаёт антенна
Предавал и закон с вершины Синая
И тебя*

*о предел
снилось предателю
во сне пробужденья*

ОГНЕМЁТ

– ...Сознайся, ведь ты хотел этого, именно этого. Столько женщин! И все – все – твои. Об этом втайне мечтает каждый мужчина. Даже если не осознаёт этого сам. Никто при этом не думает о своих силах, а уж о любви, о нежности и верности и речи нет... даже наслаждение второстепенно. Главное же – вот это: все твои. Лица неважны – все на одно лицо... да и фигуры... главное – женщины. Люди, но не такие, как ты, иные – и подвластные. Белокурые, черно-головые, стройные, пышные, высокие, миниатюрные, юные, ничего ещё не умеющие, и опытные, поющие свою лебединую песню – уклониться не смеет никто!.. Их тела. Даже не тела: бедра, лона...

Какая тоска была в её голосе – и какая тоска была слышать её внятную речь, на стройном литературном языке! И я понимал, что это литературный язык, и знал само слово «литературный» и многие другие слова, о которых вроде бы не должен был и подозревать. Не было больше Девочки, смутно-отрывисто лепечущей. Был совсем другой человек с той же внешностью. Не удивился бы я, если бы все прочие обитатели острова застыли, как застал их миг этот, – манекены, отслужившие своё.

Мы снова сидели над морем, но оно не было больше пустынным. К острову быстро приближались два корабля, два драккара. Очень далеко они были ещё, но уже можно было понять, что велики они, поболее, чем «Дети Бальдра».

Море после недавнего шторма выбросило на берег много раковин, морских животных и странных предметов, море подогнало к берегу два корабля. Чёрно-золотые, с полосатыми парусами – вернее, с тем, что осталось от парусов после бури. Вёсла поднимались не в лад, корабли рыскали, как слепые, но драконьи головы на носах (их уже можно было разглядеть, прищурив глаза) тянули шеи к острову. Скоро с них спрыгнут люди в сверкающих латах и побегут по колено в воде к берегу... А на берегу они построятся в тупой клин, разбить который почти невозможно, и с тяжёлыми топорами в руках прокатятся по острову опустошающей волной...

– Почему ты так говоришь? – спросил я.

Девочка не ответила, встала и ушла. Я знал за ней такую привычку и раньше. Обычно она возвращалась вскоре с улыбкой и какой-нибудь смешной фразой.

Но на сей раз она вернулась с тяжёлым на вид, длинным чёрным предметом:

– Знаешь, что это?

Я пожал плечами.

– Этой штукой ты сможешь убить их всех, сколько их там ни есть, – она небрежно указала чёрным предметом в сторону моря. – Это оружие. Ты умеешь с ним обращаться. Тебя учили этому. Помимо всего прочего, этому тоже. Возьми-ка!

И взял я, и рука сама ухватила удобную рубчатую рукоять, и я уже понимал, что раструб впереди – самое опасное и что держать его надо ни в коем случае не к себе обращённым.

«Кто ты?» – хотелось спросить мне, но спросил совсем другое:

– Скажи... я – человек не из этого времени?

– Скорее всего, ты вообще не человек, – спокойно ответила она. – Как, впрочем, и я. Хотя точно этого, наверное, никто не знает. Да и какое это имеет значение? Смотри-ка лучше сюда: вот тут надо нажать... да ты сам сейчас всё вспомнишь. На всякий случай, ложись здесь, за скалой, обзор отсюда хороший, а у них могут быть луки...

У викингов дальнобойные луки, ещё бы... да и копьё викинг может метнуть... но разве... очень далеко, дальше тройного прыжка... разве я смогу убить их?..

– У тебя нет выбора, – сказала Девочка.

Глаза у неё сузились, она была, как натянутая тетива, и она не собиралась прятаться за скалу. Первый драккар подошёл уже близко, можно было различить рисунок на щитах вдоль борта, лица гребцов...

– Положи ствол на сгиб локтя. Так... ну, вспомнил?

Похоже, я и не забывал – хотя впервые, мог в том поклясться, держал в руках колдовское это оружие. Но руки сами знали, что надлежит делать, и поднялся раструб, и совместился с драконьей головой, а моя собственная тем временем лихорадочно пыталась ответить на свой же вопрос: «Кто я, откуда?..».

Девочка совсем тихо говорила что-то, не мне предназначенное:

– ...изменения, конечно, происходят, но все они только к худшему, все без исключения. Время безжалостно, безжалостнее даже человека – хотя безжалостнее человека трудно кого-то найти. Становится грубой и дряблой нежная кожа – на лице, на груди. В ложбинке на шее, куда так любят целовать влюблённые и втыкать нож убийцы...

Мы все хотим иметь много денег, но сколько это: «много»?.. Большинство из нас никогда не держали в руках больше одной пачки, но «много» – это нечто иное.

Это такое количество, когда тебе доступно практически всё. Когда ты мчишься в своём лимузине на красный свет, и тебя останавливает постовой, и ты суёшь ему пару пачек, и он козыряет: можешь ехать хоть на красный, хоть на лиловый... Можно приобрести огнёмёт. Именно огнёмёт. Можно собрать в одно место всех, кого ненавидишь (а таких за жизнь накопилось немало). Можно купить тех, кто приведёт их в нужное место. Можно купить тех, кто сделает так, чтобы это прошло безнаказанно. Можно купить всех и всякого, только у каждого своя цена. Ну, почти всех.

И вот, когда все собраны в одном месте, можно их сжечь...

И вот тут начинается самое страшное.

Что дальше?..

Ненависть хоть как-то питала жизнь, но теперь, когда объект ненависти уничтожен, чем жить? Для чего? Человека, сжираемого ненавистью, можно уподобить дереву с дуплом. Дупло всё растёт, становится больше ствола... чёрная дыра, засасывающая всё... И вот, оказывается, некого и нечего засасывать более... разве себя...

Солнце словно остановилось вверху, и драконья голова оскалилась в бесшумной насмешке над нами.

– ...Давай!!!

Вспышки огня бесшумной полоской соединили мои руки и морду дракона. Пламя сразу выметнулось на палубу, кто-то дико, по-заячьи закричал там. И об этом нельзя, невозможно рассказать, хотя горящий корабль – не диво, в битве при Хаврсфьорде одновременно пылало не менее десятка больших кораблей, а малых кнорре никто не считал... но то совсем другое, да и я тогда был другим.

Пламя облизывало мачту и творило чёрные хлопья-тени из паруса, люди прыгали за борт и шли ко дну, но второй корабль успел пройти к самому берегу, стрелы летели в нас с него – нас видели, – а несколько латников уже бежали, разбрызгивая воду, к полосе пляжа, и за ними прыгали новые.

– Прячься! – крикнул я, но Девочка только плечом дёрнула.

Я перевёл раструб левее и полоснул пламенем по викингам, таким чужеродным на белом песке. Тела падали, корчась, но нападавшие не боялись, они уже знали греческий огонь. И знали ещё, что гибель приходит к каждому в свой срок – от огня, железа или камня, нет смысла бояться её и пробовать обмануть...

– Прячься, – попросил я снова. И по её реакции понял: она не хочет уцелеть. Не хочет жить. И всем, что во мне ещё оставалось от викинга, я признал за ней это право и не стал мешать ей в этом, но не встал рядом с нею под стрелы, на верную смерть, а только старательнее выцелил тех, кто стрелял в нас, приближаясь. Их осталось немного, но и один мог...

.....
Вот и кончился Нольтринадцатый, о котором думалось, что он не кончится никогда. Кончился манускрипт, ставший смыслом жизни – ведь какая жизнь, такой у неё

и смысл. Осталась концовка загадочной «Паузы» – манускрипта без номера, разрушившего жизнь; да ещё два малых фрагмента из каких-то иных манускриптов, длящих остаток жизни.

Её уже не было в комнате, но он откуда-то знал, что она ещё недалеко – где-то в коридоре, за дверью – и будет там, пока он читает.

.....

...тоже.

(Пауза.)

ОНА. Кто-то кричит.

ОН. Это моя мать.

ОНА. Как это?

ОН. Очень просто.

ОНА. Это... ты?!

ОН. Да.

ОНА. Из-за меня?

ОН. Да.

ОНА. Но я не хочу!!

(Пауза.)

Что это?!!

ОН. Подарок. Мой семейный браслет.

ОНА. Спрячь его немедленно!

ОН. Ты будешь носить его. Так хотела моя матушка.

ОНА. Я не люблю драгоценности.

ОН. Как всякая женщина.

ОНА. Это... слишком искусственно... Как всё, что ты... делаешь.

ОН. Искусство требует жертв.

ОНА. Я тебя убью!

ОН. Наконец-то!

(Пауза.)

ОНА. Не могу.

ОН. Ну... тогда... скажи...

ОНА. Что?

ОН. Что-нибудь...

(Пауза.)

ОНА. ...

ОН. Это пытка... Это пауза, это полумёртвое ожидание, кажущееся бесконечным... Новая встреча – следующая смерть...

ОНА. ...

ОН. Я не могу поверить, что ты существуешь... как ответ на мою молитву... Но я не знаю, какая пустота лучше. Когда ты здесь... или... когда тебя... нет...

ОНА. ...

ОН. Это невыносимо. Эта зависимость... От кого-то, от чьих-то эмоций. Полная зависимость... Пульсация моего жадного дыхания... жадного к реальности... А реальность эта – такая абстрактная!.. и аморфная... Встреча мимолётных движений и бесконечная пустота...

ОНА. ...

ОН. Но... я хочу сказать...

ОНА. ...

ОН. Нет. Я не скажу. Пока ты не проронишь слово... потерявшее свою силу... и опустившееся... до серости... повседневной жизни...

(Пауза.)

Я... я всё понял... Я только хотел бы попросить тебя...

ОНА. Да... говори...

ОН. Всё может... случиться, пока мы не будем... вместе...

ОНА. Что может случиться?! Не мучай меня – говори!

ОН. Души у нас... очень лёгкие.

ОНА. Ну и что?

ОН. Лёгкие на подъём.

ОНА. Что из этого?

ОН. Отзывчивые души!

ОНА. Да! Прекрасные, замечательные души! Ну и что?!.
ОН. Нас должно что-то связывать!
ОНА. Что?!.
ОН. ...Кровные узы...
ОНА. Ничего не понимаю.
ОН. Сейчас...
 (Пауза.)
 Я хочу... быть твоим сыном.
ОНА. Как это?
ОН. Очень просто...
 (Пауза.)
 Покорми меня... грудью.
ОНА. Боже мой!!
ОН. Да...
ОНА. Но... у меня... у меня... нет молока!
ОН. Это неважно. У нас и так всё символически.
 (Пауза.)
ОНА. Если ты будешь так смотреть на меня... то скоро...
 на самом деле... появится молоко...
ОН. Вот и хорошо.
ОНА. Отвернись. Я разденусь.
ОН. А... мне что делать?
ОНА. То же самое.
ОН. Кто быстрее?
 (Пауза.)
ОНА. Вот и готово...
ОН. Что это у тебя?
ОНА. А у тебя?!
ОН. У меня – Красный Крест! Международная организация.
ОНА. А у меня – Полумесяц...
ОН. Тоже красный...
ОНА. И международный... быстрее!
 (Пауза.)
ОН. Бесполезно.

ОНА. В чём дело?
ОН. Мы не успеем.
ОНА. Почему?
ОН. Петух кричит.
ОНА. Ну и что? Они здесь всю ночь кричат.
ОН. Я... серьёзно.
ОНА. Уходишь?
ОН. Да. Пора.
 (Пауза.)
 Дай мне руки.
ОНА. Ты хочешь взять их с собой?.. Бери!
ОН. Если бы я что-то и взял... так это глаза!
ОНА. Они твои... И сердце... тоже...
 (Пауза.)
ОН. Только вверх... Слышишь – только вверх.
ОНА. Я буду ждать.
ОН. А я прилечу.
ОНА. Это... круг?
ОН. Кольцо.
ОНА. Ты... подарил мне его... и сказал... что это – эксперимент.
ОН. Авантюра.
ОНА. Так легко?
ОН. И так просто.
ОНА. Будем оформлять... результаты?
ОН. Будем.
ОНА. Когда-нибудь...
ОН. Нибудь.
ОНА. На Земле...
ОН. Ты... веришь в это?
 (Пауза.)
ОНА. А ты?
 (Пауза.)
.....

*Он медленно и аккуратно собрал вместе листки крас-
нобуквенного манускрипта, прислушался к своим ощу-
щениям — да, она ещё здесь, она всё ещё здесь...*

*За окном давно кончился шторм, и в море догорали ка-
кие-то обломки; дым обволакивал остров на горизонте.*

*Он взял предпоследний манускрипт. Вернее, кусочек
манускрипта, у которого, кроме номера, было горделивое
название.*

.....
100052 М, «ПЕСНЬ О БОЕПРИПАСАХ»

вверить вознестись

бледный

боеприпасы

волдырь

аз

выродиться

боеприпасы

балетоман волчок

встречаться

боеприпасы

аполитичность

библиотека

вдохновитель

боеприпасы!!!

.....
Отбросил. Протянул руку за следующим.

*Номер тридцать два. Названия нет. Что откроют эти
последние (в жизни?) строки? И что будет после проче-
ния? Станут ли сжиматься стены? Или разлетятся вдре-
безги окна, и ворвётся... что, собственно? Или, вероятнее
и страшнее всего, перестанут работать системы, не будет
больше ни питалок, ни воды, ни чистого воздуха?..*

Она всё ещё была где-то близко...

.....
...КОГДА ЗЁРНА БУДУТ СТЁРТЫ, СОБЕРИ ВСЁ
СТЁРТОЕ В СЕРЕДИНУ СТУПКИ И СОЖМИ ЛА-
ДОНЬЮ. ПОТОМ, КОГДА СОЖМЁШЬ, СДЕЛАЙ
НАСЕЧКИ И, ПОСТАВИВ НА НЕСКОЛЬКО ЖИ-
ВЫХ УГОЛЬКОВ, ПОДБАВЬ ВОДЫ СО ЩЁЛО-
ЧЬЮ, ЧТОБЫ ОНА ИЗБАВИЛА ЕЁ ОТ ВСЯКОЙ
ГОРЕЧИ И БЛЕДНОСТИ. ПОСЛЕ ЭТОГО СРАЗУ
ЖЕ ПОСТАВЬ СТУПКУ ВВЕРХ ДНОМ, ЧТОБЫ
ОТОШЛА ВСЯ ВЛАГА. ЗАТЕМ ДОБАВЬ БЕЛО-
ГО ОСТРОГО УКСУСА, ПОМЕШАЙ ПЕСТИКОМ
И ОТЦЕДИ... ВПРОЧЕМ, ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ
ПРИГОТОВИТЬ ЕЁ НА ПОТРЕБУ ПИРОВ, ТО,
КОГДА ОБРАБОТАЕШЬ ЩЁЛОЧЬЮ, ДОБАВЬ
КАК МОЖНО БОЛЕЕ СВЕЖИХ СОСНОВЫХ
ОРЕШКОВ И МИНДАЛЯ И ТЩАТЕЛЬНО РАЗО-
ТРИ С ПОДЛИТЫМ УКСУСОМ. ОСТАЛЬНОЕ
ДЕЛАЙ, КАК СКАЗАНО РАНЬШЕ. ТАКОЙ ГОР-
ЧИЦЕЙ БУДЕШЬ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КАК ПРИ-
ПРАВОЙ НЕ ТОЛЬКО ПРИЯТНОЙ, НО И КРА-
СИВОЙ, ПОТОМУ ЧТО, ЕСЛИ СДЕЛАНА ОНА
СО СТАРАНИЕМ, ТО ЧРЕЗВЫЧАЙНА ЕЁ БЕ-
ЛИЗНА...

.....
Он рывком распахнул дверь.

*Она в самом деле была ещё здесь – и не одна. Фанто-
мы, в светлых комбинезонах, без лиц и без глаз окружали её,
протягивая к ней руки с растопыренными кистями, по три
пальца, по четыре, по пять, по шесть и по семь. Её мучи-
тельно светлое тело было словно в ограде из этих рук, но
она повернулась к нему, ободряюще улыбаясь – не глазами,
которых он не успел заметить, не ртом, которого видно
не было, а свежестью неизменного своего голоса:*

*– Сейчас, сейчас... погоди немного... ты перестанешь
быть наблюдателем... ты увидишь... сейчас...*

*И Её кожа стала сияющим небом,
Её грудь – упругими холмами у горизонта,
Её глаза – звёздами дневными и ночными,
Её волосы – нескончаемыми лесами,
Её зубы – заносчивыми ледниками,
Её бедра – чистой землёй,
Её ладони раскрылись бескрайними лугами,
Её слух сделался эхом в тех лугах,
и солнце вспыхнуло над ожившим миром Её сердцем.
И из Её речи, Её мысли, Её любви
родились в травах этого мира
новые Настоящие Люди,
смутно и потрясённо
догадывающиеся о Ней...*

1989 г.

Идиллия двенадцатая.

УРОБОРОС–2

то ли тело

(в соавторстве с МАКСИМИЛЛИАНОМ ЛЕВЧИНЫМ)

Ингварю Вынову и мн. др.

Голова первая

Пьяненький мистер Пан вывалился из дверей подземки на мокрый, как язык ньюфаундленда, но совершенно не-свежий и удивительно грязный снег.

– Как всё же неудобно получилось, – проговорил мистер Пан, поднимаясь и отряхиваясь. Белые лайковые перчатки теряли девственную чистоту и покрывались бурыми пятнами стыда. Запахнувшись в широкое чёрное пальто, мистер Пан спрятал перчатки в карман, покрутив их с минуту в руке и вопрошая свой усталый мозг, что, собственно, можно делать с подобной вещью.

Мистер Пан огляделся, наконец, вокруг. Сверху на него смотрело глупым глазом холодное и блестящее, как новые двадцать пять центов, почти уже стоящее в зените зимнее солнце. В воздухе пахло грязью, стоял затхлый аромат давно нерасстёгиваемого пальто, лёгкий запах дешёвого вина и масса ещё каких-то странных, но невероятно знакомых запахов.

День надвигался своей пустотой, до его конца оставалась масса времени, которую мистеру Пану предстояло

убить в одиноческом распитии напитков с невысоким содержанием алкоголя.

На гигантском щите рекламы молодая красивая кореянка сообщала, что самое главное – это вовремя позвонить, и всё будет хорошо. Ньюфаундленд облизнулся, и мистер Пан со вздохом, поискав в карманах, кинул ему мёртвую кильку, которую тот немедленно уничтожил. Мистер Пан поискал монетку во внутреннем кармане, прикидывая, куда бы ему позвонить, но не нашёл и чертыхнулся.

Подождав с минуту, мистер Пан зашагал нетвердыми шагами к лестнице. Засовывая руки поглубже в карманы, он выронил одну из дефлорированных перчаток, но не заметил этого...

Переминающийся с ноги на ногу мистер Пан, немного нетрезвый, наконец вскрыл замок своей квартиры и дрожащими руками попытался засунуть ключ во внутренний карман. Ключ не wszedł, здоровенная бороздка торчала и больно колола грудь.

Мистер Пан вошёл, пошатываясь, в квартиру и, не заперев даже двери, двинулся в уборную, откуда вскоре раздалось ругательства и звуки, подобные шуму, созданному столкновением двух бульдозеров на полном ходу, – ньюфаундленд снова повредил сливную систему.

Однако через минуту слегка покрасневший и почти довольный мистер Пан появился в голой гостиной, наградив пролезавшего сквозь щель в незакрытой двери ньюфаундленда тяжёлым и полным горечи взглядом.

Теперь мистер Пан стоял, прислонившись к обшарпанной и шершавой, как чёрствый хлеб, стене, и наблюдал единственного представителя мебели в его убогой обстановке – высокий табурет зелёного цвета, стоящий посреди комнаты и освещающийся слабой, свисающей с потолка лампочкой внутреннего сгорания.

Мистер Пан раздумывал с минуту, повесить ли на него одежду или же сесть самому. Наконец, духовные интересы возобладали над материальными – мистер Пан, вздохнув, как паровоз, начал медленно раздеваться.

Ставив с себя здоровенное чёрное пальто, мистер Пан оглядел его скорбным взглядом, окончательно искоренившим мысли о весельи и удовольствии, и, по обычаю помедлив, повесил его, не спеша, на табурет. Полы несчастного разлеглись на полу, немытом с Рождества Христова, причём правая легла в лужу, которая немедленно обнаружилась в соответствующем месте.

Мистер Пан развязал галстук-бабочку и внимательно пересчитал сальные пятна на нём. Пятен было девять. Мистер Пан вспомнил, что третьего дня их было семь, но тут же забыл об этом и, зевнув в кулак, завязал его (галстук) узелком вокруг одной из ножек табурета.

...Повертев в руках рубаху со всё ещё твёрдыми манжетами, он осмотрел их внутри и обнаружил лёгкие наброски перистых облаков, сделанные антрацитовым карандашом по всей окружности рукава. Подобная же картина ожидала его на вороте. Вздохнув так, что полы пальто ещё сильнее вжались в грязные доски пола, мистер Пан повесил рубаху поверх пальто.

Закончив процедуру раздевания длительным вздохом, мистер Пан, покосившись на ньюфаундленда, искал в кармане пальто и вытащил оттуда небольшой сверток – вещь неясной формы, – замотанный в грязные, промасленные местами газеты. Установив его на табурете и проверив даже на прочность, с каковой сверток лежал на нём, мистер Пан стал медленно его разворачивать. Как он и ожидал, там оказался шмат заплесневелого хлеба средней величины. Воровато и подозрительно оглядываясь на ньюфаундленда, пытающегося между тем вытянуть застрявший хвост

из щели, мистер Пан мгновенно вытащил из внутреннего кармана единственной оставшейся на нём одежды, а именно трусов, небольшой складной ножик, раскрыл его и с неожиданной быстротой нарезал хлеб на длинные неровные ломти, сложил ножик, отправил его назад. После этого он в считанные секунды запихал один из ломтей в рот и, лихорадочно пожевав, проглотил почти целиком. Прodelав это, он стал чинно упаковывать хлеб назад в газету, но огромная тень нависла над ним, и, снова продемонстрировав неожиданную прыть, мистер Пан схватил сверток и метнулся в угол, а громадный ньюфаундленд обрушился всей своей мощью на табурет и, в частности, на злосчастное пальто. Табурет раскололся в нескольких местах, вещи валялись по полу в некоем странном порядке. Между тем за единственным окном комнаты стемнело и показались некие звёзды. Ньюфаундленд подошёл к мистеру Пану и потёрся большой головой о его колено. Мистер Пан проворчал что-то и стал развешивать вещи на малозаметные гвоздики, вбитые по периметру комнаты. Повесив, наконец, пальто, он засунул в один из карманов сверток, а порывшись в другом, достал длинную дохлую кильку, немедленно залившую капающим с неё соком многострадальное пальто. Достав ножик и раскрыв его, мистер Пан подбросил кильку в воздух и рассёк её на лету ножом. Обе половинки сей же момент подхватил ньюфаундленд, выразивший свою благодарность тем, что лизнул давно не мытую ногу мистера Пана своим шершавым языком. Мистер Пан вытер нож об один из висящих на стене грязных белых носков, сложил его, повесил на стенку за маленькое колечко, но передумал и положил его в карманчик трусов.

Он остановился в своих движениях и присел на пол, чтобы подумать.

Голова вторая

Расплывчатая фигура возникла, как всегда, не там, где её ждал. Как всегда, запахло чем-то мокрым и горелым одновременно. Как всегда, Вент сощурился до рези в глазах, но пришедший не стал виден отчётливее – тем паче, что он предусмотрительно отступил в день... то бишь в тень.

– Тьма с тобой! – ритуально пробурчал Вент.

Пришедший не менее ритуально чем-то лязгнул. Лязг был хороший, вкусный – так и виделась звучная блестящая пластина, без раковин, ржави и зазубрин. Вент даже облизнулся и попытался подойти к пришедшему поближе. Тот мгновенно отпрянул.

– Покажи! – почти не владея собой, выкрикнул Вент.

Пришедший сделал неуловимое движение тем местом, где можно было предполагать голову. Да, его не объегоришь – за показ ему тоже полагалось платить. Так... в одном дофине двенадцать фальстафов... за показ и шести многовато...

– Пять!

Пришедший дёрнул тем местом, где у него обозначалось плечо... или крыло... или арбалет за спиной... или Красный Лорд знает что!

– А, гори ты огнём, семь!

Тёмная фигура утвердительно фыркнула и выложила три, одна другой лучше, полосы, сразу видно: отменной легированной стали!

Конечно, Вент решил взять все три, без вариантов. В конце концов, несуществующих этих дофинов пусть забирает хоть сотнями!

– Беру все! Даю двадцать пять дофинов и ещё десять фальстафов!

Пришедший кивнул, и Вент, как всегда, ощутил какое-то неуловимое прикосновение к затылку. Когда-то это его

пугало и вызывало отвращение, но теперь было привычнее бриться. Сгрёб полосы и поинтересовался:

– Ещё чего есть? За показ даю шесть фальстафов!

Тёмная фигура распахнулась, и перед глазами Вента замелькали предметы один другого соблазнительнее. Некоторые он знал, хотя давно не видел, другие были непостижимы и оттого ещё более притягательны.

– О, вот это! – Вент ткнул пальцем наугад.

Тёмная фигура каким-то образом, не говоря ни слова и почти не двигаясь, дала понять, что это будет стоить очень недёшево.

Вент и сам считал, что размахнулся не по средствам: хотя этих самых дофинов и фальстафов никто никогда не видал, но всё же, всё же... лучше не шиковать, мало ли! Однако уж больно ему хотелось получить эту штуку, хотя он и под пыткой не смог бы вспомнить, что оно такое. Ну да ничего, Инка вспомнит. Инка самый умный в их квартале... нет, не умный, а... умная... нет, всё ж таки умный... потому как... это... мужик... просто кликуха в женском роде... хотя опять же точно никто не знает.

– А-а, знай наших! Пятьдесят дофинов!..

Блестящая красивая штуковина без задержки перекочевала в мешок Вента, и торговец, уменьшившись в размерах, дал понять, что на сегодня довольно. Вент ритуально пошевелил ушами и сделал книксен, потом завязал потуже мешок, вскинул на плечо и, уже шагая по направлению к дому и привычно напрягшись, чтобы это самое направление вспомнить, сообразил, что забыл проследить, куда пойдёт торговец. Впрочем, тут же подумал, что это всё равно бы ничего не дало – в прошлый раз проследил, и толку-то? Тут же почти и забыл.

Вент махнул рукой и замурлыкал песенку, которая зацепилась в его голове, как он был уверен, ещё с той поры,

когда у него было не погоняло «Вент», а какое-то красивое длинное имя со многими звуками, согласными и несогласными, и смысла которой он практически уже не понимал:

*Лепечет лунная вода
о чём не надо.
Гуляет знамя навсегда
у колоннады.
Не так уж худо в корабле –
тепло и сыро,
и рядом с Буддой на столе –
мешок кефира.
Стрекочет дождь у нас в доме,
смывая время...
Кто вспомнит странное, тому
отрубят темя!*

В соседней улице вспыхивало, шипело и плевалось стужками пламени. «Вот так и бывает всегда, когда кончат счёты с жизнью большой квантовый генератор...» – подумал почему-то Вент, даже не стараясь объяснить себе, откуда он взял эту загадочную фразу.

Голова третья

Ньюфаундленд выпрыгнул в окно, махнув массивным задом. Мистер Пан очнулся от мыслей (или ото сна?), приподнялся, взглянул на неровно склеенный табурет, скромно стоявший в углу, встал и, качаясь, подошёл к стене, и начал одеваться.

Закончив эту продолжительную процедуру, мистер Пан проинспектировал свой внутренний карман на случай завалившегося жетона для подземки и, к равнодушной ра-

дости своей, обнаружил таковой, однако секунду спустя понял, что это просто метаморфизированный ключ, ругнувшись вполголоса и подошёл к стене. Отсчитав по одному ему известной системе от потолка столько-то ладоней и столько-то шагов от угла, он нажал на какую-то доску, каковая немедленно открылась, порылся за ней и вытащил оттуда вождественный жетон.

Запихав его в карман к алчущему ключу, мистер Пан закрыл стену, усмехнулся чему-то своему, присвистнул и вышел вон из квартиры, громко захлопнув дверь. На улице он позвал ньюфаундленда, закурил папиросу «Розмарин» и зашагал в сторону ткацкой фабрики «Ева».

*Старуха Рибосомиха и Торквемада**

Направив свет мощной лампы в лицо Старухе Рибосомихе, невыспавшийся и потому злой человечек почёсывал лысину под маленькой ермолкой. Его имя было Торквемада. В грубом камине догорали последние страницы «Легенды о Великом Инквизиторе». Старуха Рибосомиха щурилась и потирал широким задом грубый стул.

– Ты обвиняешься... – Торквемада замешкался, – ты знаешь в чём. Это не подлежит оглашению всеу.

– Я знаю, в чём я обвиняюсь, – поспешно сказал Старуха Рибосомиха, – я помню.

– Да? – Торквемада удивился. – За одно это тебя следовало бы сжечь. Нет, лучше просто высечь.

– Послушай, епископ, отпусти меня на один день в город, а?

* Далее следует вставная голова, никоим образом не связанная with the main body of the text.

– Ха-ха! – Торквемада хохотал. – Ты должен знать, что из этих подземелий живым не выходил никто...

– А как же мистер Пан? – Старуха Рибосомиха улыбнулся беззубым ртом своей начитанности.

– А... э-э, – Торквемада на секунду смешался, – ты и это помнишь?!

– Да! – Старуха Рибосомиха задёргался в хохоте и наконец-то загнал в зад здоровую занозу из свежего дуба.

– Еретик, – торжественно и как-то восторженно прошептал Торквемада. – Еретик...

Будильник на столе его переполиз по-пластунски поближе к уху и громко зазвонил.

– Дьяволице! – Торквемада выкатил правый глаз и искал рукой что-то в углу каминной комнаты.

Старуха Рибосомиха встал, сложил себя пополам, точно по предыдущей складке, потом ещё и ещё раз.

Торквемада вздохнул, положил Старуху Рибосомиху к себе в карман и вышел из комнаты, трансфенестрировав.

Камин доел и потух.

Голова четвёртая

Тяжкий пневматический молот раз за разом бухал о наковальню, что ничуть не мешало Иоасу Хитроумному читать газету и ковырять в ухе. Газета была примерно шестидесятилетней давности; установить точнее не представлялось возможным, поскольку поля с датировкой не сохранились... да, собственно, не сохранилось почти ничего, так что газетой это можно было назвать весьма условно, скорее это был облакоподобный кусок трухи, для сохранности забранный между двумя кусками зеленоватого стекла и оканто-

ванный некогда алой, а ныне бледно-лиловой изолентой. На одной стороне можно было разобрать только:

«...у карм...

...ни...

...хр... ...замаскиро...

...когда потерявшие человеческий облик хищни...

...сме...

...ром...»

Зато на другой было много чего, в том числе отчёт учредительной комиссии регионального общества греков Приазовья, употребляющих два основных языка, существенно отличающихся один от другого, – румейский и урумский, а также говор понтийских греков и диалект населённого пункта Великая Новосёлка...

– Иоасик! – раздался голосок из соседней комнаты.

Иоас сделал вид, что ничего не расслышал, но его закопченная физиономия невольно расплылась от уха до уха. Впрочем, он тут же прогнал непрошенную улыбку и строго посмотрел на брусок металла, вишнёво светящийся и уже начинающий принимать нужную форму.

– Иоасик! – голосок прозвучал настойчивей.

– Ну, чего тебе, вредное ты вещество? – пробурчал Иоас.

– Расскажи чего-нибудь, – требовательно заявил голосок.

– Я тебе уже всё поперерассказывал, больше не знаю! – гордо ответил Иоас.

– Ага, это ты хочешь, чтобы я тебя попросил! Ну так я же прошу!

– Отстань, сушь болотная!

– Ну, Иоасик, не будь таким вредным! А то я не проснусь!

– Ну ладно, знай мою доброту, октоцефалус ты этакий... – Иоас на секунду задумался, затем уверенно продолжил: – Значит, так: однажды едет один коммивояжер по своим делам, а навстречу ему – риттер...

– Ой, а кто это? – поинтересовался голосок.

– Ну, это, в общем, то же самое, что кавалер.

– Так почему же ты так прямо и не говоришь?

– Да потому, что рассказывать надлежит так и только так, как рассказывали мне, не меняя ни единого слова!

– А это почему?

– По кочану! Потому что и так... прапрадед рассказывал прадеду, прадед – деду, дед – отцу, тот – мне, а я... – Иоас запнулся, – ...ну вот. Ошибки, искажения, придумки, хоть бы и невольные, хочешь не хочешь, всё равно накапливаются. Так если ещё и нарочно переделывать – от канона мокрое место останется!

– И что тогда будет?

– Пиво будет, холодное! – разозлился Иоас. – Ты слушать будешь или вопросами меня донимать?!

– Всё, всё, всё! Слушаю, слушаю! Не сердись, Иоасик, пожалуйста! Только скажи ещё: и что, все всегда говорили «риттер»?

Иоас хмыкнул и почесал обгорелый остаток левого уса:

– Ну... это... иногда ещё говорили типа «боярский сын» или «ронин»...

– Ух, клёво! Но всё равно «кавалер» лучше всего! И красивее, и понятней. Иоасик, а можно, мне ты будешь рассказывать со словом «кавалер»? А? Ну, пожалуйста!!

– Ну... ладно... – неожиданно для себя согласился Иоас. – Но тогда уж и не «коммивояжер», а «продавец»!

– Идёт!

– И всё, чтоб больше не перебивать! Схвачено? Да, так едет, значит, продавец, а навстречу ему – кавалер. А кавалер

лер-то, сам понимаешь, при всех делах, в золоте и парче, а конь под ним...

– Ой, а что это – «конь»?

– Тьфу ты! Ну, грифон такой бескрылый!

– А... а как же он движется, если бескрылый?

– Силой мускулов и собственного духа, – несколько туманно пояснил Иоас.

– Ну, ты даёшь! – восхитился голосок. – Ну, классно придумываешь!

– Я ничего не придумываю, а рассказываю по правде, как оно было! Ты слушать будешь или что?!

– Ну, всё, всё, молчу!

– Значит, конь под ним – королю впору, а за ним – пажи да ружьеносцы, свитка то бишь... В общем, зыркнул продавец на это дело, да и бухтит себе под нос: «Эх, ну и житуха же у этих риттеров... то бишь кавалеров!». А рит... кавалер возьми и услышь! Поворотил он коня, подъехал к продавцу и говорит ему в присутствии всей свитки: «А не хочешь ли, почтеннейший, быть моим гостем? Я именно направляюсь и путь держу в мой родовой замок, он как раз неподалеку, и прошу тебя составить мне компанию!».

Иоас перевёл дух:

– Ну, само собой, ежели кавалер в гости приглашает, то отказываться не приходится – и непочтительно, и неумно, и небезопасно даже. Поехал продавец с кавалером бок-обок, приятно беседуя, как равный с равным. А вскоре и замок действительно показался, завидели их с башни, ворота распахнули, обслуживающий персонал навстречу высыпал, спешиться помогли, коней в стойло повели, а кавалера с гостем – в пиршественную залу. Ну, а уж там, ясно-понятно, столы ломаются, водяры хоть залейся, хавка такая, какой продавец и не нюживал. Посадили его на почётное место...

– А это какое? – ожил голосок.

– Высокое, – пояснил Иоас. – Оттуда лучше видать, где самая-самая вкуснятина... да, значит, на почётное место насупротив самого кавалера с супругой; и вот берляют они этак в своё удовольствие, да только примечает вдруг продавец странную такую хреновину: они с кавалером пьют из золотых чаш, а кавалерова супруга – из человеческого черепа. Ну, то есть он-то оправлен в серебро, чтобы типа не протекал, но – в натуре череп! Тут уж продавец заробел и, прямо сказать, струхнул, чего только ни передумал, а опосля десерту решил – подвалил к кавалеру и спрашивает потихоньку, пошто, мол, у его уважаемой миледи такой кубок странноватый... «А, это, – отвечает кавалер преспокойно, – видишь ли, такая давнишняя неприятная история. Жил тут по соседству один недостойный кавалер, каковой однажды, моим долгим отсутствием воспользовавшись, соблазнил мою жену. Уж прости, не знаю, как принято поступать в таких случаях у людей вашего сословия, а у нас, рыцарей...».

– Кавалеров!

– «...у нас, рыцарей и кавалеров, разговор недолог: вызвал я этого брандахлыста на честное благородное единоборство и убил, как последнюю собаку. Иначе и быть не могло – Лорд правду видит. Что до жены, то её я простил. Нам, рыцарям не подобает быть чрезмерно строгими к женским слабостям. Но чтоб впредь она так не поступала, распорядился я сделать из черепа убитого кубок и повелел ей пить из оного всегда – дабы не забывала, что была неправа!».

Продавец, услышав такую залепуху, вовсе увял. А кавалер как ни в чём не бывало продолжает: «Но я вижу по твоему бледному личику и подрагивающим рукам, что грубо пренебрёг обязанностями хозяина, утомив тебя этими семейными историйками в то время, как ты нуждаешь-

ся в отдыхе. Позволь же мне лично сопроводить тебя в гостевую комнату!».

И ведёт он его, освещая путь канделябром...

– Чем-чем?

– Чем надо! Ведёт, значит, и приводит в специальную комнату. Там, в натуре, кровать под балдахином и все дела... только запашок стоит сногшибательный... желает как бы спокойного сна, делает ручкой и выходит, заперев за собою дверь, но оставив канделябр, уже затухающий. И в неверном свете оного видит продавец: здравствуй, ужас! – на стене висят два трупа, уже почти что разложившиеся, скорей даже костяки с остатками плоти...

– Чего остатками?

– Мяса, ёлы-палы!! Ты будешь слушать или перебивать будешь?! В общем, продавец чуть было совсем не поехал со страху. Ткнулся в дверь – а дверь-то на запоре!.. Поорал-поорал – нулевой результат! Ну, забился он тогда в угол и всю ночь продрожал дрожмя, а утром является кавалер, выводит гостя, за ночь поседевшего, на свет Лордов и заявляет, слегка усмехаясь: «Тебя, надо полагать, интересует, в компании чьих бранных остатков довелось тебе ночь провести под моим кровом? Изволь, поясню: у того недостойного кавалера остались сыновья, вознамерившиеся, войдя в зрелый возраст, мне отмстить за отца и с таковою целью убившие моих двух племянников. Ввиду же того, что сии трусливые скоты под различными предложениями уклоняются от поединка, а у меня есть и иные дела, окромя как всё кинуть и за ними гоняться... короче молвить, дабы не позабыть о долге мести, повелел я тела убитых не хоронить по понятиям, а к стене спальни приколоматить... но ты, я вижу, уже очень торопишься в путь, не так ли?».

Продавец, тряся головой, белькочет что-то вовсе невразумительное; кавалер провожает его до ворот, самолич-

но подсаживает в седло, тем самым как бы величайшую честь оказывая, и говорит на прощание: «Ты тут давеча позавидовал нашей кавалерской жизни. Сегодня, полагаю, ты уже несколько иного мнения, а? Ступай же, да будет Лорд с тобой, и впредь никому никогда нипочём не завидуй!..».

Иоас перевёл дыхание, высморкался в кусок ветоши и, глянув ещё раз на металл, уже почти принявший форму двулезвийного меча, вышел в соседнюю комнату. Там никого и ничего совершенно не было, зато в наружную дверь кто-то давно и упорно колотился. Иоас сплюнул и отодвинул засов.

В дверь ввалился монашек аскетического вида и с порога возопил:

– Иоас, известный также под именами Инь, Инка, Инной, Иннокентий и так далее, и тому подобное, мать-церковь делает тебе самое-самое предпоследнее предупреждение!

Иоас, хмыкнув, не удостоил монашка ответом, зато голосок снова ожил:

– Ой, а что это за полудурок, а, Иоасик?

– Чревовещание?! – вскинулся монашек. – Да за одно это тебя!..

Иоас опять проигнорировал собеседника, зато голосок набрал силу:

– Ну, точно ж чокнутый! Иоас, а давай его съедим, ладно?

– Притихни, Ванька! – устало сказал Иоас. – Сколько я, по-твоему, ещё вас держать могу?

Жестом бретёра он выдернул из заспинного чехла обшарпанную, далеко не гварнериеву скрипку, одновременно достав из-за голенища коротенький смычок, и несколько секунд держал их именно так, как опытный бликующий бретёр держит рапиру и дагу, приглашая противника взглянуть на его стойку и убедиться, с кем невезучий противник

вознамерился иметь дело. Затем бросил скрипку к плечу и взмахнул смычком.

С первыми же звуками монашек превратился в кучу трухи, как и Вент, и Торквемада, и подавляющее большинство симулякров города. Мистер Пан, потерявший уже обе перчатки, и поспешавший с торгов ньюфаундленд, будучи демонами второго рода с гораздо более сложным уровнем перцепции, лишь застыли в нелепых позах, вращая глазами-плошками. И только тоненький голосок возвратился в далёкое тело, просыпающееся ото сна и не помнящее сей сон совершенно.

Голова пятая

Под крылом самолёта разворачивалась львиная шкура пустыни. Кое-где сверкали неправильные линзы – там, где песок расплавился ударами лиловых молний. Самолёт должен был вскоре упасть, мотор кашлял и запинаясь, но пилота это вполне устраивало, поскольку именно с этой целью он и поднялся в воздух. Корявые городские стены прыгали и переминались где-то позади, и уже почти не различить было, оглянувшись, изразцовое чудовище на главных воротах, носящих громкое название Врат Одинокого Друга. Город напоминал огромный капкан, стальная пружина которого давно сломалась, но бронзовые челюсти выглядят по-прежнему грозно.

Пилот отвёл взгляд от города, потом сорвал с лица защитные очки и швырнул их за борт. Тотчас ветер с песком выжал из его глаз слёзы, но пилот почти не обратил на это внимания. Навстречу ему в воздухе двигались, неуклюже переваливаясь, огромные полупрозрачные рыбы, журавли с куклами на крыльях, пригоршни чёрных жемчужин, цве-

ты-людоеды и огненные калейдоскопы. Пилот рванул на себя руль высоты, чтобы подняться над всем этим им же созданным китчем, который будет вдохновлять ещё многих и многих в оба направления временной оси – но фантомы поднимались вместе с ним.

Он чертыхнулся и сплюнул за борт. Плевок попал в ближайший призрак, и тот стал быстро менять очертания, превращаясь в пляшущую багровую воронку, втянувшую самолёт в себя и мгновенно ослепившую пилота.

Несколько минут слепоты показались ему часами. Когда же сверкающая лилово-алыми искрами тьма рассеялась, самолёт стоял, растопырив шасси, на главной площади города, и песок шелестел по крыльям.

Пилот снова сплюнул, и город стал менять свои очертания. Тогда он вылез из кабины на крыло, спрыгнул на землю и зашагал, покачиваясь, как моряк, в сторону древнего кладбища, где бронзовые мечи, воткнутые рукоятями вверх в изголовья могил, напоминали о несловесной памяти. Сделав шагов шесть-семь, упал на песок и рассыпался в прах.

И тогда над площадью, неведь откуда, зазвучал голос:

– Нами раскрыто существование очень опасной секты людей с родинкой на правой щеке. Они втираются в доверие к честным гражданам и злоумышляют против любого действия, следуя своей гнусной природе. Их происками обеспечены все грядущие беды и несчастья.

Однако гораздо опаснее другая секта – секта людей с родинкой на левой щеке. Они не только злоумышляют и вредят, но и распространяют лживые слухи и устраивают всевозможные провокации, притом любые действия, направленные на удовлетворение их ненасытных желаний, лишь ещё более возбуждают их алчность и злолюбие.

Но воистину опаснее, несравненно опаснее, третья секта – секта людей вообще без всяких родинок на каких бы то

ни было щеках или иных частях тела. Ибо этих людей немисливо выделить среди всех прочих, и, пользуясь этим, внешне неотличимые, они уже захватили важнейшие посты и руководящие должности, в их руках, в их власти находятся армия и флот, заводы и оранжереи, алтари богов и городская канализация. Именно эти люди являются создателями чудовищной теории о существовании так называемого дьявола, и в угоду этой концепции они... впрочем, к чему говорить о том, что и так всем нам известно.

И поскольку противостоять действиям даже одной из этих сект, не говоря уже о всех трёх, немисливо и невероятно, остаётся лишь одна крайняя возможность...

Голос захрипел, перешёл в душераздирающий визг, напоминавший царапанье стали об алюминий, затем откашлялся и бодро продолжил:

– А теперь прослушайте результаты сегодняшнего большого забега! Как и предполагалось, фавориткой стала кентавресса Ампула, дочь гностического бога Абраксаса и кобылы Марплы!..

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Известно, что все жанры хороши, кроме скучного. Прежде всего следует сказать, что Рафаэлю Левчину удалось написать на удивление увлекательную книгу. Двенадцать «идиллий», составивших книгу «Окончательный текст», несомненно, являются замечательными образцами научно-фантастической прозы; они словно бы исследуют её «материю» и стремятся исчерпать, казалось бы, бесконечные возможности формы. Являясь фантастическими новеллами, «идиллии», вместе с тем, изображают их, превращая книгу в своего рода концепт. Не много «идиллического» как такового найдет читатель, например, в «Ежатнике», но жанроуказатель – не обман, а переосмысление. Предложение переосмыслить и переоценить.

Провокация?

Да, пожалуй. Провокация «перевести стрелки» из внутреннего мира текста – вовне, в мифогенное пространство взаимодействия сознаний читателя и автора. Что, если не возвращение в идиллическую «утробу» читательского опыта переживём мы, заново погружившись в мир, знакомый от «Янки при дворе короля Артура» до Станислава Лема, Саймака и Шекли? И здесь всё будет, на удивление нам, «так, да не так».

Ностальгия по 70-м? Вроде бы и она, но и не только.

Столь же коварно и название книги. В том-то и дело, что текст – НЕ «окончательный», ибо текст никогда не может быть таковым. В рамках относительно традиционной практики циклизации здесь моделируется гипертекст, от-

крытый не только для интерпретаций, но и для прямого вторжения, соавторства (некоторые из идиллий написаны автором вместе с друзьями и единомышленниками). Перед нами новый тип «прозы поэта» – поэта-авангардиста, превращающего на наших глазах в ПОЭЗИЮ любую форму творческой активности, будь то издание журнала («Reflect... Куадусешшт»), драматургия и режиссура (замечательная и недооцененная нами драматическая поэма «Ludus Danielis», сиречь «Действо о Данииле»), или «режиссура» внутреннего мира читателя научной фантастики.

Игорь Лощилов,
Doctor of Philosophy,
член Международной
Академии Зауми

СОДЕРЖАНИЕ

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ	7
Идиллия нулевая. Зеркало.....	54
Идиллия первая. Сон дельфиноида	57
Идиллия вторая. Камень Камня.....	63
Идиллия третья. Трое	66
Идиллия четвёртая. По спирали	70
Идиллия пятая. Мы с Магом	76
Идиллия шестая. Где корыто зарыто?	80
Идиллия седьмая. Консультация	85
Идиллия восьмая. Вне.....	91
Идиллия девятая. Список.....	109
Идиллия десятая. Ежатник	118
Идиллия одиннадцатая. Сумерки предателей.....	131
Идиллия двенадцатая. Уроборос–2.....	211
<i>Игорь Лоцилов. Несколько слов об этой книге</i>	<i>229</i>

РАФАЕЛЬ ЛЕВЧИН

ОСТАТОЧНИЙ ТЕКСТ
та інші ідилії

(Російською мовою)

Дизайн обкладинки і макет: *Рафаель Левчін*

Комп'ютерна верстка: *Людмила Кириєнко*

Коректор: *Мирослава Карацуба*

Фото: *Ельвіна Зельцман*

«Видавничий Дім Дмитра Бураго»

01054, Україна, м. Київ, вул. О. Гончара, 52, оф. 15

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру

ДК № 2212 від 13.06.2005 р.

тел./факс: [+38 044] 238-64-47, 238-64-49

e-mail: burago@graffiti.kiev.ua

Здано до набору: 00.00.2005. Підписано до друку: 00.11.2005.

Формат 125x165. Папір офсетний. Гарнітура «Петербург».

Обл.-вид. арк. 7,82. Ум.-друк. арк. 13,49. Наклад 500 прим. Зам. № 846.